

От составителя сборника

На церемонии прощания с Ионом Лазаревичем Дегеным и Премьер-министр Израиля, и министры, и депутаты Кнессета говорили о необходимости сохранения памяти об этом удивительном человеке, ещё при жизни удостоенным титула «человек-легенда». К большому нашему сожалению, за прошедшие годы государством ничего не было сделано по увековечиванию памяти Иона Дегена.

Нам, друзьям Иона, поначалу казалось, что его имя достаточно широко известно и не нуждается в дополнительных усилиях по его популяризации. Однако, как оказалось, за пределами русскоязычного зарубежья Деген остаётся почти не известным. А ведь в стихах и рассказах Дегена о войне сочетание документальности и художественности потрясает так же, как в «Колымских рассказах» Шаламова о ГУЛАГе.

На сегодняшний день существует лишь одна книга Дегена, переведенная на иврит. Грант на перевод был предоставлен не министерством культуры Израиля, а московским институтом переводов. Издана эта книга микротиражом на средства сына Иона Лазаревича Юрия Дегена. Поэтому даже внуки Иона Дегена не могут в полной мере познакомиться с творчеством своего деда.

Ион Лазаревич Деген умел и поддерживал отношения с огромным числом самых разных людей. Среди его друзей и знакомых были политики, включая руководителей государства Израиля, прославленные военачальники ЦАХАЛя, общественные деятели, ученые, писатели и поэты. Наряду с ними, были и малоизвестные люди. К именитым своим друзьям Ион относился без подобострастия, остальные же никогда не чувствовали даже малейшей надменности с его стороны.

20 последних лет Деген прожил в Израиле как пенсионер. Не слышал, чтобы он к кому-нибудь обращался с просьбой. Зато к нему с какими только просьбами не обращались, и никому он никогда не отказывал: консультировал, редактировал, писал рецензии, отзывы и пр. И, конечно, всё бескорыстно. Теперь, думаю, настала очередь друзей Иона сделать всё, что в их силах для популяризации его имени, его заслуг, его произведений. Существует хорошая традиция устраивать юбилейные чтения. Я предложил друзьям Иона Дегена провести виртуальные «Дегеновские чтения», посвященные его 95-летию. Возможностей провести такое мероприятие в реале сейчас нет. Получив поддержку от группы друзей Иона, я приступил к подготовке юбилейного сборника, разослав многие десятки писем людям, с которыми общался Ион Деген. Не все откликнулись, тем не менее, сборник состоялся, и мы предлагаем его вашему вниманию, дорогие читатели, выражая надежду, что эта традиция по отношению к Иону Дегену закрепится.

Слово о Дегене

Лейтенант Йон Лазаревич Деген родился в Могилёве - Подольске, СССР, Украина, в 1925 году. В 3 года осиротел, умер его отец, и рос он единственным сыном.

В самом начале войны, в 16 лет стал бойцом-добровольцем 130-й пехотной дивизии, воевавшей в тех местах. Принял участие в битвах отступающей Красной армии. Под Уманью был ранен в ногу. 19 дней выходил из окружения. Несмотря на ранение, ослабевший, сумел переплыть Днепр в районе между Харьковым и Кременчугом. Перешел линию фронта с помощью украинских крестьян, добрался до Полтавы и примкнул к Красной армии. Был госпитализирован на 5 месяцев. После выздоровления в небольшом селе между Батуми и Кутаиси, что в Грузии, в 17 лет опять добровольцем вернулся на фронт. Был назначен командиром взвода разведчиков дивизиона бронепоездов на Северном Кавказе.

За оборонительные бои был награждён орденом «Красного знамени» и медалью «За отвагу». 14 октября 1942 года был снова ранен и после выздоровления направлен в бронетанковое училище в г. Черчик около Ташкента. В марте 1944 года Йон с отличием окончил училище и в звании мл. лейтенанта был направлен командиром танка во вторую Гвардейскую отдельную танковую бригаду прорыва, на 3-й Белорусский фронт. Участвовал в боях между Витебском и Оршей. С 8 по 15 июля 1944 года как командир танкового взвода участвовал в уличных боях в Вильнюсе, проявив упорство и отвагу.

Когда была подорвана гусеница его танка, он продолжил воевать на другом танке. В ходе жесточайших боёв на западном берегу, преодолевая упорнейшее сопротивление противника, Деген как командир танка уничтожил 16 единиц тяжелой техники противника: 8 «пантер», один «тигр», 3 танка «Т-4», 4 самоходных орудий, одним из которых был армштурм «Фердинанд». Кроме этого, захватил один танк «пантера». Его взвод был среди первых, кто в августе 1944 перешел границу с восточной Пруссией, тем самым, перенеся военные действия на вражескую территорию. За эти бои получил звание лейтенанта. 21 января 1945 в боях у Инстербурга командовал танковой ротой составленной из остатков батальона. Люди отказались подчиниться его приказу идти в атаку. Танк Дегена двинулся один. В том бою Йон был тяжело ранен.

За участие в боях в составе 3-го Белорусского фронта Деген был дважды представлен к присвоению ему звания Герой Советского Союза, но из-за антисемитских настроений, присутствовавших в высшем политическом руководстве Красной армии, ограничились награждением его орденом «Красного знамени», 2-мя орденами отечественной войны, медалью «За отвагу». После крушение «железного занавеса» власти Польши за героический вклад Дегена в борьбу польской армии против нацистов наградили его двумя высшими польскими орденами. Постсоветская Россия наградила его ещё одним орденом отечественной войны в виде компенсации за дискриминацию во время войны.

После длительного лечения, сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, поступил в медицинский институт. По окончании института сочетал врачебную практику с научной работой. В 1965 защитил диссертацию и получил степень кандидата медицинских наук, а в 1973 – доктора медицинских наук. Стал автором научной работы, заложившей основу научной магнитотерапии. В 1977 реализовал своё сокровеннейшее желание репатриироваться в Израиль с женой и сыном. С 1978 по 1998 год работал в больничной кассе Леуми врачом ортопедом.

Выпустил книги стихов и прозы на русском языке. Его произведения были

опубликованы в различных русскоязычных изданиях.

Был дедушкой двух внучек студенток и внука, бойца особых войск Армии Оборонаы Израиля.

Йон мне рассказал:

«Наша судьба народа в галуте обрекла нас на несправедливые беспочвенные обвинения. Одно из них, что во время войны СССР с Германией евреи «взяли без боя Ташкент». То есть, уклонялись, как могли, от призыва во время войны в Красную армию. В двух классах моей школы в Могилеве-Подольском было 31 мальчиков, из которых 30 - были евреями. 26 из них погибли на войне. Четверо выживших - инвалиды войны. До сих пор все они перед моими глазами».

Перевел с иврита – Моше Лифшиц.

Ион Деген: как повышалась плата за каждое спасение

В этом году исполнилось бы 95 лет Иону Лазаревичу Дегену. Человеку огромного мужества, абсолютной честности и уникальной человеческой чистоты. Каждого из этих достоинств хватило бы с лихвой, а Дегену они все были отпущены без счета и меры. Не каждый унесет такую ношу, а он смог, самым фактом своего существования доказав, что можно оставаться Человеком всегда, везде и при любых обстоятельствах! И ещё хорошую специальность он выбрал. Когда поэтов, писателей, переводчиков в 70-е гг. прошлого столетия травили, выдавливали, просто изгоняли, на Дегена сыпались предложения - одно лучше другого, лишь бы он остался в Союзе, но он, радуясь выбору сына, уехал в Израиль. Он всем был доволен там, кроме, возможно, одного: русское слово в Израиле умирает, журналы и газеты закрываются, внуки его вообще не знают по-русски ни слова.

На протяжении всей своей жизни Деген ощущал присутствие какой-то невидимой силы, неизменно спасавшей его в самых безвыходных ситуациях. В конечном счете, его атеизм — религия, отвергающая существование Творца, - сменился убеждением, что многие вещи, происходившие с ним, нельзя объяснить обычными земными категориями.

Вспоминая о своём детстве, Ион рассказывал, как его чуть не съели цыгане. Случилось это во времена голодомора в Украине. Однажды он возвращался домой с котелком полученного им бесплатного супа. Когда он проходил мимо кручи, на которой расположился цыганский табор, вниз сбегал мальчишка и спросил Иона: кушать хочешь? – идем, мы тебя накормим. Кушать Ион всегда хотел, но сейчас почувствовал что-то неладное. Мальчишка же тем временем крепко схватил Иона за руку и потянул вверх. Был он старше и крупнее Иона. Высвободить руку не удавалось, тогда Ион со всей силы ударил цыганенка котелком с горячим супом по голове и, вырвавшись, побежал вниз. Позже он узнал, что цыгане занимались канныбализмом, и горечь от потери супа ослабла.

Вскоре после окончания 9-го класса началась война. Ион убедил ребят из двух девярых классов сформировать собственный взвод. В первых числах июля все они явились в штаб 130 стрелковой дивизии. Уже начинался бардак, связанный с поспешным отступлением, и в штабе оставался только один-единственный капитан, который встретил ребят, готовых воевать. Они продемонстрировали, что не зря проходили военную подготовку в школе. Каждому выдали по карабину, 100 патронов, 4 гранаты и зачислили в истребительный батальон.

К концу месяца во взводе остались только двое, Ион и Саша Сойферман, последние из тридцати одного человека взвода добровольцев в истребительном батальоне. Отбив очередную немецкую атаку, Ион заметил в брюках над коленом два отверстия, из которых медленно струилась кровь. Саша достал индивидуальный пакет, наложил тампоны на оба отверстия и перебинтовал ногу. Возле пулемета валялись пустые ленты. Больше патронов не было. Уже несколько дней не было никакой связи ни с командиром роты, ни с командиром батальона.

Вечером они решили идти на Восток. Шли девятнадцать ночей, днем прятались - везде были немцы. Даже выйдя к берегу Днепра, они увидели немцев. Под вечер по крутому откосу спустились к воде и поплыли. На берег Ион выбрался один, по-видимому, их разнесло сильным течением. На левом берегу Днепра тоже оказались немцы.

Иону как-то удалось подняться на ноги. Едва не теряя сознание от боли, он добрался до ближайшей хаты, лег животом на планку невысокого плетня и перекинул себя во двор.

В хате жила пожилая украинская пара. Они обработали рану, накормили Иона и на следующий день под вечер мужик отвез его на телеге к своему куму, километров за двадцать пять к востоку от их села.

Дальше четыре или пять украинцев, рискуя не только своей жизнью, но и членов своих семей, передавали еврея, как эстафету, с подводы на подводу. Последний из них где-то пересек линию фронта и доставил Иона в полевой передвижной госпиталь под Полтавой. Уже это, если не чудо, то, явно редчайший случай.

Сам Ион мало чего запомнил из того путешествия, часто то ли засыпая, то ли теряя сознание от боли. На двадцать четвертый день после ранения, нога была в ужасном состоянии, по-видимому, начинался сепсис, и военврач счел невозможным сохранить и ногу, и жизнь Иону. Но Ион категорически отказался от ампутации. В 16 лет остаться без ноги, провоевать лишь месяц, когда он мечтал дойти до Берлина, - нет! Тогда его после чистки раны просто варварским способом отправили в небольшой городок на Южном Урале. Пять с половиной месяцев провалялся он в госпитале, но ногу чудом удалось спасти.

Когда Дегена выписали из госпиталя, ему не было и 17-ти лет, поэтому, чтобы оставить его в армии, не могло быть и речи. Его родной город Могилев-Подольский был оккупирован, где мама, жива ли, он не знал. На все запросы из эвакуопунктов приходили отрицательные ответы. Значит, погибла. Сколько он видел разбомбленных эшелонов. Иона выписали в никуда. Совершенно не зная, что делать, он неожиданно встретил в продпункте на станции Актюбинск своего бывшего командира Александра Гагуа, который был родом из грузинского села. Александр уговорил Иона поехать в Грузию подлечиться, и снабдил его письмами к своему отцу и к председателю колхоза. Кружным путем Ион к весне добрался до Грузии. Встретили его там очень тепло. 4-го июня ему исполнилось 17 лет, а 14-го июня он узнал, что на соседней станции размещился отдельный дивизион бронепоездов. Ион решил второй раз пойти добровольцем на фронт.

Однажды их бронепоезд стоял в Беслане. Там был паточный завод. Ион с разведчиком из его взвода, достали ведро патоки, и по дороге к себе в часть обменяли патоку на бутылку самогона. В момент этой сделки из-за угла вышел мужчина в плаще и полувоенной фуражке: - «Спэкулируете?». Иону послышалось в этом акценте намек на свою национальность, и он ему врезал. Мужчина растянулся, а из-под плаща открылся орден Ленина и значок депутата ВС. Когда они помогли мужчине подняться, он тут же крикнул своим охранникам. Появились двое НКВДэшников с автоматами.

Мужчина оказался первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС. Иона с другом арестовали и бросили в подвал особого отдела. Из этого подвала никто еще не выбирался живым. Если бы майор СМЕРШа их дивизиона не проявил чудеса оперативности и не приехал бы за ними с приказом командующего фронтом об их освобождении, они бы тоже живыми оттуда не вышли.

В боях на Северном Кавказе Дегена ранило второй раз. Выписали его из госпиталя уже в 1943 году и направили в танковое училище, которое он закончил весной 1944 года. После окончания училища Ион попал в танковую бригаду прорыва, которая использовалась в начале наступления для прорыва обороны противника любой ценой, и поэтому несла огромные потери в каждой наступательной операции. По сути дела, это была бригада смертников, и пережить в ней два наступления для танкиста было практически нереально. К тому же батальон, в котором служил Ион, был ударным, то есть, именно он шел впереди атакующей бригады. А его взвод в этом батальоне выделялся в боевую разведку, назначение которой — вызвать вражеский огонь на себя, чтобы идущие за ним танки могли увидеть и подавить огневые средства противника. После того, как Деген выжил в двух летних наступлениях в Белоруссии и Литве, его назвали за живучесть «Счастливым».

Однажды заместитель командира батальона по строевой подготовке бил ногой пленного немца. Ион, случайно оказавшись свидетелем этого, буркнул: немцев надо бить в бою, а замкомбата в бою он не видел ни разу. Замкомбата запомнил это и вскоре подвернулся случай отыграться: он приказал Дегену найти переправу через реку Березину. Задание было невыполнимым, так как Березина не имела брода. Переправы же по мостам тщательно регулировались. И, конечно, не младший лейтенант должен был согласовать очередность и порядок переправы.

Но приказ есть приказ и, не надеясь на удачу, Ион на танке поехал в Борисов, где саперы уже восстановили мост. Шоссе было забито до невозможности, но на танке удалось приблизиться и остановиться в нескольких метрах от моста. У въезда на мост стоял регулировщик, — не девушка и даже не младший офицер, а полковник! - Танки? Не может быть и речи, пока не разгрузим шоссе от этого столпотворения. И тут опять случилось чудо. Откуда-то сбоку появился человек, в котором Ион сразу узнал маршала Василевского. - Вы что, полковник, подводами собираетесь воевать? - Сколько танков и сколько времени понадобится, чтобы подойти к мосту? - Спросил он Иона, а потом приказал полковнику немедленно пропустить танки, когда те придут. Восемь месяцев Ион Деген прослужил в той бригаде смертников, да ещё на острие танковых атак – это целая эпоха на войне, когда жизнь считалась на минуты. Закончилась эта эпоха для лейтенанта Дегена только в пятом наступлении, да и то на девятый день.

21 января 1945 года Деген получил приказ на атаку. За боем Ион наблюдал в перископ. Поле зрения очень ограничено. Видел он только то, что впереди танка. И вдруг, не видя ничего, кроме немецкой траншеи впереди себя, он закричал: «Башню вправо!» и тут же - «Бронебойный!». Башня немедленно повернулась вправо, и звякнул клин затвора орудия.

Немецкий артштурм был подбит в тот самый миг, когда тот выпустил болванку по их машине. Были ли еще на войне подобные случаи? Почему Ион успел отдать две команды? Стреляющему и башнёру. Он ведь не мог видеть немецкого артштурма! Кто через него отдал команды? В ту пору Ион - железобетонный атеист - не находил ответа.

Полученные в том бою тяжелейшие ранения - осколок в мозгу, оторвана верхняя челюсть, семь пулевых ранений в руки, четыре осколочных ранения в ноги, оторвана пятка одной ноги - были признаны не совместимыми с жизнью. Но сам Ион не чувствовал близости смерти, и опять свершилось чудо, — он выжил.

Там, в госпитале, лежа закованным в гипс от груди до кончиков пальцев ног, Ион решил стать врачом. Но у него неоконченное среднее образование – девять классов. Летом 1945 года задолго до положенного срока, устав от его бесконечных требований, Иона выписали из госпиталя. Чтобы не терять год он решил пойти сдавать экзамены на аттестат зрелости. Это было чистой воды авантюрой. Ведь прошло четыре года после окончания девятого класса. Четыре года войны – боёв, ранений, страданий.

В военной форме с погонями, на костылях Ион приковылял в школу. При сдаче экзаменов на аттестат зрелости он обнаружил, что его память отличается от обычной - то ли от рождения, то ли после ранения в голову он стал обладателем феноменальной памяти. Сдав экстерном экзамены в 1945 году на аттестат зрелости, Ион поступил в медицинский институт, который с отличием окончил в 1951 году.

В стране разворачивалась антисемитская кампания. Деген при распределении обладал привилегиями: инвалид войны, отличник, в деле две рекомендации в аспирантуру. Несмотря на это, он получил направление на работу врачом-терапевтом в Свердловскую область. Ион готов был ехать хоть на край света, но если ему будет гарантирована работа врачом-ортопедом. Требование гарантий только вызвало гнев у

председателя комиссии по распределению – начальника управления кадров министерства здравоохранения Украины.

Ион поехал в Киев. Хожение по кабинетам министерства здравоохранения оказалось бессмысленным. Тогда он направился в ЦК КПУ. Там его нескольких дней швыряли из кабинета в кабинет. Ничего, кроме острого чувства беспомощности, он не испытал от общения с обладателями одинаковых серых костюмов и вышитых украинских сорочек, которые назывались «антисемитками».

Ничего не добившись в Киеве, Ион поехал в Москву. Там оказалось еще хуже. Безнаказанный круг состоял не из кабинетов, не из серых костюмов и вышитых «антисемиток», а из близких голосов в телефонной трубке. Начало третьего дня ничем не отличалось от двух предыдущих. Но сказались и бессонная ночь, и боль в зарубцевавшихся ранах, и накопившаяся обида, и чувство, что швыряют его, как первоклашку.

После очередного телефонного разговора он рванулся к ближайшему окошку бюро пропусков. Капитан МГБ, обалдев от неожиданности, выслушал отборнейший мат. Но закончилось тем, что Ион всё-таки попал на прием к заведующему административным отделом. Полчаса он рассказывал ему о себе, о назначении, о серых костюмах, о горечи и обиде. И там впервые произнес непроницаемое слово - антисемитизм.

Заведующий административным отделом, член ЦК КПСС позвонил в Киев и приказал заведующему административным отделом ЦК КП/б/ Украины немедленно обеспечить зачисление Дегена в клиническую ординатуру кафедры ортопедии и травматологии института усовершенствования врачей.

Продолжались чудеса и в долгой профессиональной, общественной и литературной деятельности Иона Дегена в Израиле. Однажды Дегена командировали в Лондон на годовое поминовение воинов, погибших в боях с нацизмом. В одну из суббот Иона с женой пригласили на кидуш, устроенный в его честь. Молодой раввин рассказал о Дегене публике такие подробности его военной биографии, о которых он сам никогда никому не рассказывал. Потом Ион понял, что все эти подробности были получены в архиве Советской армии в подмосковном Подольске. Когда закончилась служба, Иона пригласили на кидуш. В красивом двухэтажном общинном здании вдоль всего зала на втором этаже был накрыт стол длиной примерно метров двадцать. Деген с женой остановился между входом и торцом стола. Раввин пошёл к противоположному торцу стола и пригласил к себе Дегена.

– Ты должен ответить, – сказала ему жена.

– О чём ты говоришь! Я не представляю себе, что мог бы сказать даже по-русски! Но по пути к дальнему торцу стола, вероятно, что-то щёлкнуло в его мозгу, и кто-то, не он, заговорил.

– Уважаемые дамы и господа! Подозреваю, что среди присутствующих немало людей, которые посещают эту синагогу не чаще двух раз в году. На Йом Кипур и на годовое поминовение. Действительно, зачем неверующим посещать какую-то синагогу? А как можно верить всем этим сказкам про чудеса? Если когда-то были чудеса, почему их нет сейчас? А кто вам сказал, что сейчас нет чудес? Разве это не чудо, что бывший офицер Красной армии, бывший коммунист, сейчас с кипой на голове выступает в синагоге в Лондоне как представитель Израиля? Разве это не чудо?

Затем он очень кратко рассказал о нынешнем положении Израиля... А в завершение сказал, что верит в приход Мессии, время прихода которого в значительной мере зависит от поведения и солидарности евреев.

– Это, пожалуй, самое лучшее твоё выступление – сказала жена.

Но самое большое чудо, наверное, произошло после смерти Иона Дегена, когда украинцы избрали своим президентом еврея. В той самой Украине, которая была средоточием самого патологического антисемитизма; где его оскорбляли и унижали

как еврея, украинцы подавляющим большинством голосов выбрали президентом еврея Владимира Зеленского. Хотя Деген никогда не забывал, что именно украинцы спасли его в самом страшном 1941 году.

Конечно, чаще сталкивался Деген с представителями другой категории украинцев. Те подкладывали ему газету «Вечерний Киев». Из дня в день эта жёлтая газетёнка, захлёбываясь от ненависти, печатала сообщения об очередных «еврейских махинациях», и многие украинцы млели от восторга! Потом Дегену пришлось бороться с проявлениями антисемитизма в отношении его сына Юрия. Но ещё в 1951 году Ион понял, что украинцы не всасывают антисемитизм с молоком матери, как полагали многие. Антисемитизм – это не частная инициатива тупого украинского мужика, а официально, централизованно заложенная одна из основ отлично организованной политической системы.

Последнее ранение Дегена было признано несовместимым с жизнью самым большим авторитетом – Главным хирургом Красной армии, акад. Бурденко, а Ион остался жив.

Да, несомненно, - это участие Всевышнего, но почему Он требовал такую цену?

Причем, за каждое спасение Он цену повышал: от котелка с супом, правда, на фоне смертельного голода, до тяжелейшей инвалидности. В госпитале, лежа неподвижно, закованным в гипс, Ион пытался разгадать замысел Творца. К какой Он его готовил миссии и почему подверг таким страданиям?

И вот к чему он пришел: столь профессионально убивавший на войне, он должен теперь стать врачом и ещё более профессионально возвращать людям здоровье. А настоящим врачом, Врачом с большой буквы, нельзя стать, если у тебя отсутствует самое необходимое врачу качество — сострадание. Можно быть очень хорошим специалистом, но не врачом. Без этого качества и гений не может быть врачом. Это как человек без таланта не может стать, например, художником, - говорил Ион.

А кто, как ни Ион – тяжелейший инвалид, с 1945 года не проживший ни дня без боли, мог сострадать своим пациентам. Но такой боли, которую ему довелось перенести в последние месяцы своей жизни, он не испытывал никогда прежде, переносить такую боль - не во власти человека. И даже это он принял от Всевышнего с благодарностью, и понял, что последнюю свою работу – одновременно рассказ, статью и завещание коллегам – он должен написать о важности сострадания. Именно для этого Он в дополнение к подаренным ему годам совершил еще одно чудо, продлив его дни болезни.

26 октября 2014 года в русской публичной библиотеке Иерусалима состоялась презентация моей книги [«Первая Мировая Война. Начало Возрождение Государства Израиль»](#), которую редактировал Ион Лазаревич. Сам он не смог принять участие в презентации моей [книги](#) об Израиле, в которую внес весомый вклад. На моё приглашение ответил:

«Дорогой Марк!

Обидно. Так получилось, что я сейчас не очень мобилен. Физически. В пору, когда должен быть мобилен максимально. У Вас есть номер нашего телефона. Звоните на всякий случай. Точно, что на презентации быть не смогу. Даже будь это днём. А о вечере и говорить не приходится.

Вам удачи и успеха. И будьте здоровы и счастливы. Ион».

А вместо своего выступления на презентации он прислал короткий отзыв.

«Марк Аврутин. [Первая Мировая Война. Начало Возрождение Государства Израиль](#). Израильтянина не могла не заинтересовать книга с таким названием. Не столько Первая мировая война, сколько начало возрождение государства Израиль. Израильтянам известно состояние экономики, технологии, медицины, сельского хозяйства, научных исследований, Армии Обороны Израиля, то есть отраслей и состояний, которыми мы вправе гордиться.

Но, к сожалению, нам известно и состояние убогой израильской пропаганды, которая тонет в море арабского вранья и не весьма дружественного правдивого к нам отношения средств массовой информации большинства стран Европейского содружества и США. Поэтому объективная, подтверждённая множеством неопровержимых исторических данных, оценка нашей страны автором, тем более не израильянином, воспринимается нами с благодарностью.

Ко всему ещё, эта оценка, эта информация изложена прекрасным литературным русским языком. Ничтожное замечание, которое, возможно, удивит Марка Аврутина. Написать следовало не государство Израиль, а государства Израиль. Разумеется, такое замечание не может изменить мнения о замечательной книге.

Не сомневаюсь в том, что моё мнение, прочитав эту книгу, поддержат не только израильяне, и даже не только разделяющие со мной моё мировоззрение. И, так же, как я, выразят свою благодарность Марку Аврутину.

Ион Деген».

В письме были слова, смысл которых мне был не понятен: «Так получилось, что я сейчас не очень мобилен. Физически. В пору, когда должен быть мобилен максимально». В начале ноября я посетил Иона Лазаревича. Дверь открыл незнакомый мужчина. Как потом выяснилось, это был муж младшей сестры жены Иона, Александр Малинский. Потом с трудом вышел из своей комнаты Ион. О том, что ему предстояла в декабре поездка в Москву, он тогда не рассказал.

В Москве в Кремлевском Дворце Съездов ежегодно накануне Хануки Федерация Еврейских Общин России (ФЕОР) устраивает вручение премии «Скрипач на крыше» за выдающийся вклад в области культуры и общественной деятельности. «Скрипач на крыше» это символ стойкости и любви к жизни, олицетворяющий человека, который всегда остается «скрипачом духа», всегда на высоте и продолжает играть на скрипке, вести мелодию своей судьбы.

В 2014 году в номинации «человек-легенда» премия была вручена Иону Дегену. То есть, за месяц с небольшим ему необходимо было восстановиться настолько, чтобы совершить поездку в Москву и выступить с ответным словом со сцены Кремлевского дворца. И Деген успешно справился с этой задачей.

А тогда, в ноябре, он сидел в кресле и с интересом рассматривал подаренную мною ему книгу «Лидеры ракетно-космической гонки: прощенный зек Сергей Королев и бывший военнопленный Вернер фон Браун», забыв о боли в ноге. Он рассказал, что дружил семьями с Б.Е. Чертоком, под началом которого я проработал более 30 лет, но ни о каком близком знакомстве с ним не могло быть и речи. Когда я пришел на дипломную практику, Борис Евсеевич, член-кор. АН СССР, был уже заместителем Главного конструктора и начальника предприятия акад. С.П. Королева. Вернувшись домой, я обнаружил письмо, в котором Ион благодарил за книгу, «содержащую уйму информации. Очень многое узнал впервые».

Ион, каким я его знал по письмам, стихам, рассказам

Так уж получилось, что, будучи на протяжении почти семи лет в интенсивном общении, обмене письмами, мы не встретились воочию. Я часто мечтал о личной встрече – как приеду в Израиль, в Гиватаим, как мы встретимся, как я, наконец, смогу сказать ему то, что не передать никакими письмами. Не получилось.

Да, я был рад этим письмам, понимая при этом, что всё-таки возможность долгой беседы - или бесед - даёт что-то такое, что в письмах, какими бы они долгими ни были, не получишь. Поэтому всё, что я могу сказать об Ионе в личном плане, основывается на этих письмах, "беседах через электронную почту" - а значит, будет очень неполным, отрывочным, а может быть и (или таким покажется) безликим.

Мы познакомились - в памяти хорошо сохранилась дата - 21-го сентября 2010-года, когда я, до этого прочитавший ряд произведений Иона на портале Евгения Берковича, написал Иону Емайл с восторгом по поводу его стихов - в особенности "Русудан" („Ваше стихотворение "Русудан" ударило меня в сердце и потому, что я безмерно люблю Грузию, где родился, вырос и жил долго-долго в атмосфере исключительного доброжелательства...“). Поводом, разрешившим мне это сделать, было сообщение Хаима Соколина, что Иону понравились мои "Дедушка" и "Посадил дед репку". В письме послал ему и моё стихотворение о Грузии.

Написал - и получил в ответ "холодный душ Шарко". Привожу письмо полностью (опуская, естественно, комплименты):

"Многоуважаемый Моисей! Спасибо за доброе письмо. Даже прощаю преувеличения. Боюсь, что моё письмо Вам будет не по вкусу. <...>. Стихотворение по форме и накалу чувств хорошее <...>. Но содержание его не приемлю. Если так дорого Вам это [Грузия – М.Б.], зачем Вы покинули? Можно было бы допустить, что по еврейскому самоощущению, если бы приехали в Израиль. Но в Германию?! Сменить любимую толерантную Грузию на обгарённую еврейской кровью Германию?! Из каких соображений? И после всего страдая такой ностальгией, которая выливается в кровью написанные стихи?

Простите мне мою правду, многоуважаемый Моисей. Не написал бы Вам этого, не испытывая искреннего уважения.

Завтра вечером начинается Сукот. Затрудняюсь, поздравить ли Вас с нашим большим праздником".

Надо ли говорить, что последнее предложение меня, что называется, взвинтило, и я написал вполне вежливый ответ с объяснением, как я "по вине Гумбольдт-фонда", оказался в Германии и пр. Ответ был продуманно холодный - чистая информация типа "вот тебе объяснение!". Целью всего было последнее предложение "Что до поздравления с суккотом как с Вашим (вашим, т.е. не моим) праздником - решать Вам".

Многие в положении Иона - признанная звезда в мире медицины, танковый ас, поэт и пр. - получив такой ответ от вроде бы "мальчишки", прекратили бы общение. Но надо было знать Иона! Он ответил немедленно: "Вот что значит отсутствие информации. Должен попросить у Вас прощения. ...Ещё раз прошу простить мне мою резкость." Такова история, и с этого дня, не проходило, наверное, недели без моего "Дорогой Ион..." и его ответного "Дорогой Моисей...".

Не восхищаться этим уникальным человеком было невозможно. Всё в нём было "от бога". Воин-танкист, прошедший всю войну, награждённый всеми мыслимыми орденами (кроме ГСС, хотя был дважды к этому званию представлен). Врач, впервые осуществивший трансплантацию предплечья. Поэт, чьи фронтовые стихи поражают соединением точности и естественности дыхания. Прозаик, рассказы которого, прочитав, не можешь забыть. "Человек-легенда", как он был назван на церемонии присуждения ему премии "Скрипач на крыше", в фильмах, о нём созданных. Открытый всему новому.

Глубоко впечатляло его понимание музыки, и, что редко встречается у немусыканта, понимание тонкостей интерпретации того или иного пианиста, скрипача, дирижёра... Кто-то из признанных (и настоящих!) звёзд в интерпретации конкретного произведения ему нравился (и я уверен, что он мог сказать, почему), кто-то - нет. Помню, как-то послал ему запись Интродукции и Рондо-каприччиозо Сен-Сенса в исполнении Иври Гитлиса (одна из звёзд!). Ответ: так себе, чего-то важного не хватает.

Пара отрывков из его писем: *Нехороший человек заметил одну незначительную пометку. Палец опоздал на клавишу. Беда мне с моим слухом. Иногда в концерте противное насекомое проползает по спине, когда инструмент в оркестре ошибается. По этому поводу Натан Григорьевич Рахлин говорил, что я выбрал неправильную профессию, что должен был стать дирижёром. На это я возражал, что не знаю ни одной ноты. ...*

...Если мы заговорили о музыке, признаюсь, что для меня вершина – Бетховен. В такой последовательности: симфонии 5-я, 7-я, 3-я, 9-я., ф-нные концерты 4-й и 5-й, почти все сонаты, скрипичный концерт. Потом Бах в органном исполнении. Моцарт....

"Израиль" - если в нашей переписке не говорилось о литературе или музыке - был "темой номер один". Его позиция по отношению к т.н. "палестинцам" - выдуманному в ГБ, никогда не существовавшему народу - была мне исключительно близка. Как и его отношение к территориальным уступкам и бесстыдному выселению евреев-поселенцев собственной армией. То же по поводу войсковых операций Армии Израиля, которые, по его мнению, не достигали важной цели: внушения противнику витального страха перед самой мыслью атак на Еврейское Государство.

Его рассказы. Совершенно особая литература. Она дышит стопроцентной правдой (НЕ правдивостью - она стопроцентной быть не может никогда). Читая, понимаешь, что это - реальность. И в то же время это - литература. Оттого хочется их перечитывать.

Его стихи. Многое захватывает сразу, поражает точностью и одновременно высокой поэтичностью. Стихи о войне - редко кто приблизится к пронзительной силе таких строк, как „Костёл ошетинился готикой грозной / И тычется тщетно в кровавые тучи“ ("Безбожник") или "Осколками исхлѣстаны осины. Снарядами растерзаны снега" или "Пулемѣтные трассы звѣзд, / Внезапно замершие в небе." или... или... Всё здесь настоящее, всё "рифмуется с правдой". А вот это хочется привести полностью:

Туман

Туман. А нам идти в атаку.

Противна водка.

Шутка не остра.

Бездомную озябшую собаку

Мы кормим у потухшего костра.

Мы нежность отдаём с неслышным стоном.

Мы не успели нежностью согреть
Ни наших продолжений не рождённых,
Ни ту, что нынче может овдоветь.
Мы не успели.
День встаёт над рощей.
Атаки ждут машины меж берёз.
На чёрных ветках,
Оголённых,
Тощих,
Холодные цепочки крупных слёз.
1944

Холодные цепочки крупных слёз на оголённых ветках - потрясающий по точности и поэтичности образ. И сколько ещё такого по выразительной силе можно в его стихах найти!

Хотел бы закончить эти воспоминания на светлой ноте - не получается.

Я знал из нашей переписки последнего времени, что у Иона, понимал, куда всё идёт. И всё равно некуда деться от мысли, что уже не напишешь "Дорогой Ион...". Не пошлешь ему свой рассказ / музыку... Впрочем, тем, кто знал Иона, кто общался с ним близко – так же тяжело. Да, "не говори с тоской: их нет, но с благодарностью – были". Но – не утешает.

Сколь тривиальна, столь же и жестока истина: если ты ни к кому не прирастёшь душой, твоя жизнь будет пуста, если прирастёшь – будь готов к тяжёлой утрате, к тому, что мысль о ней будет всплывать в тебе вновь и вновь, и будет сжимать сердце, и всё будет кричать в тебе "Нет! И когда это "Нет!" перешло в "Да", "Нет!" всё равно кричит в тебе и не успокоится, а только медленно-медленно загонится временем куда-то вглубь души.

Мой Деген

Надеюсь, что родные и друзья Иона Лазаревича правильно поймут заглавие этого очерка. Я не посмел бы претендовать на какую-то особую близость к этому замечательному, легендарному человеку, называя его своим. Мы даже не были лично знакомы и общались всего около трёх лет, лишь обмениваясь письмами. Но мне этого оказалось достаточным, чтобы составить о нём незабываемое впечатление на всю жизнь. Я рискнул написать «Мой», имея в виду то, каким было моё восприятие этой личности.

Об Ионе Дегене я впервые узнал, прочитав в интернете его стихотворение о войне. Оно меня впечатлило суровостью и искренностью; естественно, мне захотелось получить больше информации об этом воине, и я нашёл сведения об его возрасте и военном пути. Сначала я был поражён безоглядной храбростью этого 16-летнего вчерашнего девятиклассника, его готовностью сражаться с врагом, под натиском которого в начале войны отступали, а порой и бежали взрослые мужчины-военные.

А потом мне удалось найти его лирику. Я был поражён тем, как сумел этот юноша выразить глубину своих переживаний такими простыми, естественными, искренними словами. Посвящённая ему литературная программа была проведена мною в марте 2014 г. в одном из Культурных центров Одессы, видеозапись её разместили в интернете.

И вдруг совершенно неожиданно я получил по электронной почте письмо от Иона Лазаревича! Человек, вызывавший у меня безмерное уважение, начал своё письмо со слов: «Дорогой Михаил! Нет слов, чтобы выразить Вам мою благодарность за популяризацию, которой, по-моему, не заслуживаю». Одного этого стало достаточно, чтобы дополнить моё представление об этом человеке, полученное от фрагментарного знакомства с его биографией. Так завязалась наша переписка, составившая с обеих сторон 116 писем.

В своём дальнейшем повествовании о Дегене я не буду приводить сведения и впечатления о нём, почерпнутые из прочитанных впоследствии его великолепных рассказов и стихов, а тем более взятые из интернета. Писать об этом незаурядном, легендарном, разносторонне способном, неустрашимом человеке должны люди, близко его знавшие. Мне кажется более интересным цитирование писем самого Иона Лазаревича с его неповторимым стилем, доброжелательностью, скромностью, деликатностью, юмором, иронией – именно в этом проявился для меня МОЙ Деген. Отрывки лишь из некоторых его писем я буду приводить, по возможности избегая комментариев, – они сами говорят за себя.

«Не сомневаясь в том, что Вы пишете, хотел попросить Вас прислать мне что-нибудь из Вашего творчества. Но не смел. Буду рад получить в любом виде».

«Читал Ваши стихи с большим удовольствием».

«Фильм о Вашей программе ещё не досмотрел до конца. Но даже уже увиденного достаточно, чтобы дать ему высочайшую оценку».

«Забыл попросить у Вас прощение за обращение к Вам по имени. Но меня извиняют два обстоятельства. Во-первых, в Израиле даже к Богу обращаются на ты. Во-вторых, по моим подсчётам вам 75 лет, хоть выглядите Вы моложе. То есть, для меня Вы пацан. Ещё раз сердечная благодарность Вам!

Всего-всего самого доброго и светлого!

Ваш Ион».

Как я и предполагал, фамилия Деген никому из зрителей моей литературной программы не была известна. Более того, редактор газеты «Всемирные одесские новости» тоже не знал об Ионе Лазаревиче и попросил меня написать о нём очерк, особо подчеркнув: «Неплохо было бы узнать, что Деген каким-либо образом связан с нашим городом». Я задал этот вопрос Дегену. Вот его ответ:

«Дорогой Михаил, Вы меня рассмешили. В пятом классе учился в 49-й одесской школе, что на Полицейской, примерно угол Екатерининской. Это 1936 год. Мама со мной, исключённым из школы, переехала в Одессу из Могилёва-Подольского. В Одессу потому, что до замужества долгие годы жила в ней, работая фармацевтом. Жили мы на Греческой площади, 3 / 4, в круглом доме.

Учителя, кроме преподававшего рисование, меня возненавидели. Он любил. Говорили, что в Одессе, конечно, есть бандиты, но такого мы ещё не видели. Короче, я не привился. В школе. В Одессе, наоборот, — очень. Вероятно, не было трамваев, на самых невероятных местах которых я бы не объездил весь город и окрестности. Из-за меня маме пришлось вернуться в Могилёв-Подольский. Несмотря на возненавиденную мной 49-ю школу, я влюбился в Одессу.

И когда в студенческую пору и потом, и перед самым отъездом в Израиль, я приезжал в Одессу, это было подзарядкой моего аккумулятора.

Всего самого доброго и светлого! Ваш Ион».

22 июня я провёл в зале того же Культурного центра литературную программу, посвящённую началу Отечественной войны, и значительную её часть уделил Дегену. Вот его реакция:

«Дорогой Михаил! Получил и потрясён! Спасибо большое!

Снова сомневаюсь в том, что достоин такого. О втором отделении просто молчу. До чего же здорово Вы его сделали! А когда Вы прочли стихотворение Сергея Орлова, мне захотелось обнять Вас».

Хочу быть правильно понятым. Возможно, приведенные мною слова Иона Лазаревича могут быть истолкованы как мою нескромность, но я далёк от этого. Цитирую его высказывания и в дальнейшем, чтобы показать необыкновенную доброжелательность этого человека, щедрость его оценок. Вот лишь некоторые из его фраз:

«Стихотворение Инны великолепно! Благодарность ей. А Вам – слов нет!», «Дорогой Михаил! Не сомневался в совпадении наших впечатлений», «Ну, что ещё я могу сказать?... Благодетель Вы. Доброго Вам здоровья, радости и удачи в наступающем году!», «Дорогой Михаил! Я же говорю, что Вы мой добрый гений! Спасибо!». Таких фраз было очень много.

В мае 2015 г. Ионе Лазаревичу должно было исполниться 90 лет, и я заранее написал ему: «Берегите себя, на юбилее Вы должны быть молодцом!» Последовала немедленная реакция: «Беречься? Как? А с юбилеем Вы ошибаетесь. Юбилей от слова на иврите ювель – кратное пятидесяти. А мне, им эрце АШем (если захочет Всевышний) исполнится 90».

Однажды он, согласившись с моей характеристикой молодого поэта, написал: «Что-то меня в этом мальчике останавливает. Какое-то непонятное недоверие. Только Вам я мог это написать». Естественно, я отреагировал: «Для меня это очень лестно и ответственно – ведь я отдаю себе отчёт, КТО Вы».

Ответ Иона Лазаревича меня потряс: «Дорогой Михаил! Вы меня смутили. Даже рассмешили этим – «КТО Вы». Я бы сам очень хотел узнать, КТО я. Пока знаю только, что я должник. Так много получил, что никак не смогу воздать. А по поводу нашего контакта Вы абсолютно справедливы – наши с Вами радары определённо работают на одной частоте».

В ответ на мою просьбу Ион Лазаревич переслал мне письмо своего знакомого, содержащее рекомендации по поиску в Гугле видеозаписи церемонии награждения

Дегена в Кремле; этот знакомый подписался «дегенолюб такой-то». Я спросил: «Можно, я тоже запишусь добровольцем в армию дегенолюбов?»

Ответ Иона Лазаревича привожу полностью, он говорит о многом:

«Дорогой Михаил! Вход в компанию дегенолюбов свободный и Дегеном, проливающим на вступающего свои добрейшие чувства, поощряется. Более того, иногда им предшествует. Например, Гаузнер стал любим Дегеном ещё тогда, когда о Михаиле Гаузнере у него не было представления. Случилось это в 1962 году, когда Деген в глубоком подполье прочитал книгу Гаузнера, главного прокурора Израиля, "6 000 000 обвиняют". А сейчас, когда Деген знаком с Михаилом Гаузнером, когда у него появилась возможность узнать его...*(пропускаю, чтобы не звучало нескромно – М.Г.)*, надо ли объяснять причину вступления Дегена в общество гаузнерлюбов?»

Позволю себе изменить обещанному подходу и привести продолжительную цитату из моего письма – оно покажет читателю, как Ион Лазаревич воспринимал юмор:

«Дорогой Ион Лазаревич! Наверняка Вы уже сыты по горло официальными поздравлениями с перечислением заслуг и пожеланиями здоровья. Поэтому (никоим образом не умаляя важности упомянутого!) для разнообразия разрешу себе немного вольностей *по-одесски*; надеюсь, Вы не сочтёте это фамильярностью.

Вы однажды написали мне, что сегодняшний день не считаете юбилеем, т.к. *ювель* означает конкретно *пятьдесят*. Позволю себе решительно заявить – *чтобы да, так нет!* 90-летие *таки да* юбилей, и ещё какой! Тем более что юбилей и просто день рождения – это *две большие разницы*. Поэтому *слушайте сюда*: Ваши девять десятков лет для любого другого человека потянули бы на все двенадцать, которые принято желать, *да ещё и с хорошим законом!* Дай Бог каждому такой юбилей!

А теперь *я обратно имею вам что-то сказать* за Ваш юбилей, но уже, *кроме шуток*, в рифму; только прошу – *не держите меня за поэта (моё рифмованное посвящение пропускаю – М.Г.)*

Мы все к Вам неровно дышим!

Шоб Вы так жили, как мы Вас любим!

Будьте ***НАМ*** здоровы и счастливы!!!

От имени многих одесситов, ставших год назад с моей подачи дегенолюбам – Ваш главный местный дегенолюб Михаил

31 мая 2015 г.»

«Уважаемый Ион Лазаревич!

31 мая я отправил Вам поздравление с юбилеем, намеренно выдержанное не совсем в канонически-официальном тоне. В нём были использованы сугубо одесские обороты и выражения – мне очень хотелось вызвать у Вас тёплое чувство и добрую улыбку. Наше длительное эпистолярное знакомство позволило мне предположить, что Вы не сочтёте это фамильярностью и не обидитесь. Очень надеюсь, что это так и было».

Как и следовало ожидать, мои опасения были беспочвенными:

«Дорогой Михаил! Конечно, в очередной раз Вы доставили мне огромное удовольствие. Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Будьте здоровы, счастливы, благополучны! Ваш Ион».

В ответ на мою просьбу выслать ссылку на документальный фильм о нём Деген ответил со свойственной ему непосредственностью: «Увы, ничего не могу Вам перекачать. Неужели Вы ещё не убедились в том, что я чайник? Что делаете нового? Обнимаю! Ион».

Я послал Иону Лазаревичу сборник своих переводов. Через несколько дней он написал:

«Дорогой Михаил! Большое спасибо. Не все оригиналы стихотворений мне по душе. Не все, если бы умел, переводил. Но Ваше мастерство поражает. Завидую Вашему умению работать над стихотворением, в этом нет ни малейшего преувеличения

(выделено Дегеном – М.Г.). Мне это недоступно. Даже писать об этом трудно.

Поговорить бы!

Спасибо! Спасибо! Спасибо! Крепко обнимаю! Ваш Ион».

Получить такой явно преувеличенный отзыв от человека и литератора уровня Дегена дорогого стоит.

В сентябре 2016 г. Ион Лазаревич впервые не обошёл молчанием мой вопрос о его здоровье и прислал исповедальный рассказ «Обоснованное упрямство», в котором подробно описал историю своего онкологического заболевания. Закончил он его так: «Ну что ж, сейчас мне девяносто второй год. Ещё юношей научился встречать смерть без паники. Главное – приучить внуков к тому, что всё идёт своим чередом, как и должно идти. Юмор в таких случаях большое подспорье.

Во мне нахально хулиганит тумор*,
И так как я пока ещё не умер,
Сильнее тумора еврейский юмор.
Он даже обезболивать умеет.
Открытым текстом сказано еврею
О том, что срочно ожидаем там.
Чтоб облегчить труды гробовщикам,
Сейчас катастрофически хUDEЮ.
Одно лишь не могу исправить жлобство –
Любимым причину я неудобство.
Понятно, что стишки такого сорта
Позволено публиковать пост мортем**.

-----
* тумор – уплотнение, опухоль

** пост мортем – после смерти (М. Г.)

И здесь Деген верен себе – юмор, самоирония и выдержка вместо жалоб.

ЭКСОДУС*

(или несколько слов о ближайшем будущем)

Исход без паники приемлю.
Как часто я бывал к нему готов.
Солдата долг – хоть на земле, хоть в землю,
Без пафоса и без высоких слов.

Воспоминания переполняют.
Душа, как сейф, добро хранит давно.
Из будущего то, чего не знаю,
Крупницу хоть увидеть из него!

Похерить причинявших муки.
Я тоже не всегда добро творил.
Простят ли за наследство внуки?
Осудят ли, что не предотвратил?

Нет, утешениям не внемлю.
Бальзам? Зачем поток ненужных слов?
Исход без паники приемлю.
Фактически к нему уже готов.

5.07.2016 г.

*** эксодус – исход, оставление, покидание родного края (М.Г.)

Конечно, у меня образовался комок в горле. Какая сила духа, какое мужество проявляет этот удивительный человек перед лицом, по-видимому, близкого конца! Я написал ему:

«Дорогой Ион Лазаревич! Не знаю, зачем я всё это пишу. Наверное, для того, чтобы Вы знали – многие люди искренне "болеют" за Вас и желают Вам всего самого доброго.

Может быть, это поможет; кто знает... Держитесь! Ваш Михаил»

«Спасибо, дорогой Михаил!

Происходит ещё одно чудо в моей жизни. Вот уже пять месяцев, а я ещё жив. Задумываюсь, не совершает ли Всевышний какой-то эксперимент, в котором мне предназначена определённая функция. Но какая? Привет и благодарность моим доброжелателям.

Будьте здоровы, счастливы, благополучны.

Ваш Ион».

Наша переписка продолжалась ещё четыре месяца. Ион Лазаревич, преодолевая своё тяжёлое состояние, писал о своих впечатлениях от моих литературных программ, делал замечания (как всегда, деликатно), что-то уточнял, присылал свои недавно написанные стихи. О том, как ему трудно, можно было догадываться.

25 января 2017 г., в частности, написал: «Продолжается чудо. Даже, преодолевая всё, пытаюсь чирикать вирши.

И снова чудо. Продолжаю жить.

Что это, наказание, иль награда?

За что награда? Скромно ли спросить?

Но для чего? Спросить, конечно, надо».

Простите, что занимаю Ваше время этой чепухой. Ваш Ион».

Даже в таком состоянии – скромность, деликатность, внимание.

Последнее письмо я получил 28 января. Оно, как обычно, заканчивалось словами: «Всего самого доброго и светлого! Ваш Ион».

28 апреля 2017 г. Ион Лазаревич Деген скончался. В письме к его супруге и сыну я, в частности, написал: «Это был настоящий человек, и я горжусь своим знакомством с ним (к сожалению, не личным, а эпистолярным). В своих письмах ко мне он был мудрым, ироничным, часто излишне скромным, проявлял прекрасное чувство юмора, очень тепло относился к моим скромным опусам и литературно-музыкальным программам (явно переоценивая их содержание и особенно моё исполнение). Особенно сильно проявился он в письмах за последние 5 месяцев. С каким достоинством, силой духа, а иногда и юмором (в его состоянии!) он писал о своей болезни! А его последние стихи с их необыкновенной искренностью! Таких людей далеко не каждому посчастливилось встретить. Надеюсь, что смогу рассказать о нём в нашем Культурном центре, где о таком разносторонне талантливом, мужественном, необыкновенном и легендарном человеке впервые узнали из моей программы о нём четыре года назад.

Светлая ему память!»

Этими словами хочется закончить очерк о светлом человеке с большой буквы – Ионе Лазаревиче Дегене.

СКАЛЬПЕЛЬ И ПЕРО
(О книге Иона Дегена «Попытка уйти от себя»)

Через год после смерти доктора Иона Дегена, в Нью-Йорке вышла в свет книга его рассказов «Попытка уйти от себя», изданная Михаилом Черпаковым и Юрием Краснопольским. «В письме ко мне (2006 год) Ион Лазаревич писал: «Конечно, в книге «Наследники Асклепия» я описал твой случай. Для меня борьба за твоё выздоровление была настоящим сражением, большим творческим усилием, огромным напряжением воображения, самоутверждением молодого врача и врачеванием, комбинацией трех моих занятий – солдата, поэта и врача. В жизни я сначала был солдатом, потом поэтом и, наконец, врачом. Но прежде всего я врач, который является солдатом, ибо борется с болезнями за исцеление больных людей, и поэтом, ибо для меня врачевание – поэзия, требующая большого воображения, творческого напряжения, медицинского конструирования».

В книге 17 рассказов, сочиненных с 1959 по 2016 год. Она великолепно отредактирована коллегой и другом И. Дегена доктором Виктором Каганом, написавшим блестящее предисловие. Это предисловие выполнено тонким художником и любящим человеком. «О чем она?» - спрашивает редактор книги – и отвечает: «О войне сквозь призму любви и о любви сквозь призму войны». Добавлю: о любви на пороге смерти. Перед нами книга рассказов об экзистенциальных моментах и пограничных ситуациях человеческой жизни. Но в прозе автора чувствуются восприятие солдата, перо поэта и мировоззрение врача.

В послесловии к книге автор пишет: «Все годы после войны я хотел отделаться от нее, забыть или хотя бы отгородиться от памяти о ней. И уж если писать о чем-то имеющем какое-то отношение к литературе, то, о чем угодно, только не о войне, на которой я прожил четыре года. Но она, подлая, которую я начал через четыре недели после шестнадцатилетия и которая закончилась за три недели до моего двадцатилетия, глубоко вонзила в меня свои когти, не отпуская ни на мгновение. И о чем бы я ни писал, война возвращала меня к себе. Но есть тема, для войны перекрытая шлагбаумом – любовь. Если слегка присолить и приперчить тему неперменной для любви физической компонентой, эротикой, которая естественна для любви, кажется можно обезопасить себя от войны, забыть о ее существовании. Вот и попробовал сделать это». Вероятно, этот отрывок из послесловия, написанного за три месяца до смерти автора, объясняет название книги «Попытка уйти от себя». Ион Деген не смог сказать: «Прощай, оружие!», не смог расстаться с войной. Война входит во все поры его повествования, открывающегося рассказом «Мыльный пузырь» о любви на войне, написанным на уровне лучших рассказов Хемингуэя. Короткий рассказ «Крыша поехала?» просто и трогательно изображает трудный поиск героя и его победу в любви всей жизни. Болезненная еврейская тема проходит сквозь любовь и ненависть в рассказах «Лето после десятого класса», «Стереоскопическая история», «У нас в гарнизоне», «Зять секретаря обкома», «Цельный характер», «Плюсквамперфект», «За советом», «Обида» и «Массаж».

Образы в рассказах Дегена складываются из простых и прямых восприятий. Эти восприятия отображены тщательно, используются экономно и точно. Хемингуэй писал: «Я научился тогда рассказывать простым языком о простых вещах». Писатель Деген прост, понятен и искренен со своим читателем. Он не учился литературному ремеслу. Он не учился сочинять, а учился и учил бороться с недугами, не выдуманными, а реальными. И в этой книге он описывает несчастья, жизненные взлеты

и падения своих персонажей, экзаменует их, с радостью и горечью описывает людские судьбы.

Флобер в беседе с Мопассаном, со ссылкой на Бюффона, сказал, что «талант – только длительное терпение». Не случайно Флобер вспоминает Жоржа-Луи Бюффона, французского ученого и писателя XVIII века, который тщательно и терпеливо работал в науке и литературе. Ион Деген интуитивно переносит свое редкое трудолюбие врача и ученого на новое для него занятие - писательство. Терпение Дегена писателя и человека безгранично. Он много читает и много думает, возвращается к людям, встреченным им в жизни, и из них медленно и тщательно создает образы для своих рассказов. Он привыкает уверенно держать перо, как раньше держал скальпель, и так же как скальпелем, он оперирует писательским пером, режет ткань человеческих отношений, выделяет правду и отсекает ложь. Как в любимой ортопедии он выявлял патологию костей, сухожилий, суставов, связок и скелетных мышц, так и здесь, в своих писаниях он обнаруживает и обнажает патологию человеческих нравов и изображает подлинное и трагическое, нежное и подлое.

Его писательский скальпель проникает на большую глубину людских отношений.

Шедевр повествования Дегена в этом сборнике – рассказ «Плюсквамперфект». В нем происходит взаимопроникновение страшного прошлого и гладкого благополучного настоящего. В нем обнаруживается ужасная тайна войны, жестокое убийство, которое из циничного равнодушия и корыстолюбия прощено главным героем рассказа и отодвигается в далекое, не имеющее для него значения, прошлое.

Невзирая на название «Попытка уйти от себя», доктор Деген не ушел от себя. Война осталась лейтмотивом его новой книги. Он не ушел от себя, а показал себя читателю в этом предсмертном сочинении. Грязь войны не пристала к лейтенанту Дегену. Он остался чистым, целомудренным человеком. Потери товарищей на фронте не ожесточили его сердце. Он остался добрым человеком. Борьба с антисемитизмом закалила его, но не превратила в мстителя. Он снял с себя бремя рабства. Он стал свободным человеком, нашел свою страну и отстранился от проблем страны, в которой родился, вырос, за которую воевал от всей души. Он все делал от всей души: лечил, воевал, занимался наукой, любил и сопереживал больным людям. Он любил острое словцо, мог выругать и дать по физиономии. Он мог быть суровым и грубым, как война. Но у него была нежная душа. Он показывает читателю свою чистую душу, свое мастерство рассказчика, свой талант сопереживания, преданность своему народу, его Книге, его Стране.

В новом сборнике рассказов слышны его ясный четкий голос, его добрые интонации, ощущается его глубокое понимание ушедших и страдающих, звучат еврейские мотивы гордого, смелого и талантливого труженика, лекаря, воина, писателя.

Для меня как пациента доктора Дегена он останется прежде всего великим врачом-врачевателем. Израненный и искалеченный на войне, всю жизнь испытывавший боль от ее ран, Деген был всегда предан пациентам, которых старался избавлять от страданий и увечий. Он был устремлен к больному и чувствовал его боль.

В книге «Наследники Асклепия» Деген писал: «Сострадание – вот необходимая компонента врачебных качеств, магически действующая на пациента и его близких». Сострадание его, человека, знающего силу страдания, было осязаемым импульсом его врачебной деятельности. Он был возмущен «дегуманизацией медицины», утратой человеческого отношения врача к больному, происходившей из-за «механизации», внедрения все более совершенной медицинской техники, отдалявшей врача от больного. Врач Деген проживал вместе с больным его болезнь и вместе с ним выходил здоровым после лечения. Его отношение к больным, к медицине и к науке о врачевании было экзистенциальным. Его видение жизни определялось взглядом врача, досконально знающего человеческое тело, и взглядом художника, досконально

знающего человеческую душу.

Последняя книга Иона Дегена «Попытка уйти от себя» – заключительный аккорд творчества писателя, конец главы жизни воина, поэта, врача, ученого, героя войны, который обращен к читателю новой гранью своего таланта и согревает его теплом своей необыкновенной души. Как он написал в одном из рассказов книги о своей героине, для него было характерно «удивительное щедрое свечение глаз». Человек и врач высокой пробы, Ион Деген проявил себя писателем высокой пробы. Он «пытался уйти от себя», но остался с читателем. Он стал стихами и рассказами и светлой улыбкой победы в День Победы.

О Лечебном Действии Магнитных Полей при Некоторых Заболеваниях Опорно-Двигательного Аппарата – и ещё кое о чём

25 мая 1965 года, в Москве, на ученом совете Центрального института травматологии и ортопедии мой отец, Ион Деген, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Несвободный костный трансплантат в круглом стебле».

В Киеве у него не было ни малейших шансов получить должность, соответствующую степени. Работая ортопедом-травматологом в районной больнице, без амбиций в свободное от оплачиваемой работы время он продолжал заниматься наукой, потому что ему это было интересно.

***

После обычного операционного дня в больнице - амбулаторный приём в поликлинике. Интенсивность такая, что нельзя было позволить себе встать и выйти для опорожнения мочевого пузыря. Зашёл очередной пациент. И вдруг во время его осмотра папа почувствовал необходимость зайти в кабинет физиотерапии, который посещал крайне редко, и то по самой острой необходимости.

В тот раз не было никакой срочности. Случилось необычное. Он прервал осмотр больного и быстро пошёл в кабинет физиотерапии. Вошёл в него в тот момент, когда сестра выключила аппарат индуктотермии и начала разматывать кабель волновода, спиралью обматывавший предплечье больного. Не отдавая себе отчёта, зачем он пришёл сюда, внимательно посмотрел на руку и подумал: ведь это же соленоид. Но если это соленоид, то, значит, индуцируется магнитное поле.

При чём же здесь термия? Тепловая процедура, осуществляемая током высокой частоты? Надо ли забивать гвозди микроскопом? Ведь нагреть тело можно более эффективно с помощью соллюкса, кварца, грелкой, и т.п. Но ему были известны случаи, когда именно индуктотермия действительно производила лечебный эффект. Следовательно, это не тепло, а магнитное поле. Но тогда, зачем высокая частота, если достаточно обычных пятидесяти герц, или даже постоянного тока?

Так и не поняв, почему он зашёл в кабинет физиотерапии, извинившись, вышел и продолжил прерванное лечение пациента. После него вошла молодая девушка, которую отец два года назад прооперировал по поводу гигромы (шишкообразное скопление жидкости) у основания правой кисти. Операция действительно пустяковая, и девушка у него больше не появлялась. Зачем нужен врач после такой операции? Оказывается, возникла другая причина. После операции возник уродливый келоидный рубец. Откуда было знать девушке, что это свойство её организма? Она решила, что прооперировал её сапожник и пошла к другому хирургу.

Уже в этом был один элемент необычного. Хирург, к которому она обратилась, блестящий врач, отлично знал, что келоиды ни при каких условиях нельзя оперировать. Потом он сказал отцу, что его чёрт попутал, что он сейчас представить себе не может, как решился на эту операцию, после которой появился келоид раза в два больше предыдущего. Но главное, девушка сказала, что первый келоидный рубец был безболезненным, а сейчас она по ночам не спит от боли.

Что делать? Возможно потому, что в кабинете физиотерапии он подумал о магнитном поле, сейчас вспомнил, что в ящике его стола лежат двенадцать небольших цилиндрических магнетиков, которыми любил играть, перебирая их, как чётки. *Да, но ведь на третьем курсе профессор, читавший патологическую физиологию, рассказывал им о шарлатанстве в медицине, одним из видов которого была магнитотерапия. Ушаты сарказма изливал профессор на доктора Месмера, врачевавшего магнитами около двухсот лет тому назад.*

Профессор был очень популярен. Всё, сказанное им, воспринималось, как истина в последней инстанции. Случилось так, что на одной из лекций, на которой он привёл в пример свою главную научную работу, отец обнаружил нарушение второго закона термодинамики. После лекции он осмелился сказать об этом профессору.

Всё это прокрутилось в сознании отца, пока он извлекал из ящика магнетики, и как браслетом окружил нижнюю часть предплечья девушки у самого основания кисти. Келоид оказался между полюсами первого и двенадцатого магнетика. С сияющим лицом девушка пришла к нему через два дня. Причина сияния - полностью прекратилась болезненность. Папа внимательно осмотрел келоид. За два дня почти исчезла багрово-синяя окраска, к тому же, рубец стал плосче.

Папа начал чуть ли не ежедневно посещать Центральную медицинскую библиотеку, просматривая зарубежные журналы, которые не выдавали на дом. Интересно, что первой книгой по заинтересовавшей отца теме была не научная публикация, а повесть Стефана Цвейга о Месмере. Но у Месмера не было ничего общего с магнитотерапией, кроме случайного совпадения терминов. А вместо того, чтобы обливать грязью память большого врача, патофизиолог должен был хотя бы упомянуть о том, что Месмер, по существу, был одним из основоположников психотерапии.

Стала появляться аппаратура, электромагниты, генерирующие переменное и постоянное магнитное поле. Тут же начались эксперименты на животных и – о ужас! на людях! Это то, в чем его потом обвинили «доброжелатели», хотя эксперименты на людях были абсолютно безвредными. Проводились они исключительно на добровольцах, на родных, на друзьях, на врачах, на студентах.

1966 год. Во время прогулки папа рассказывает мне об окончательных результатах эксперимента (в котором и я был одним из 100 подопытных кроликов), доказавшего уменьшение утомляемости мышц в магнитном поле. Эксперимент был поставлен так, чтобы исключить влияние электродвижущей силы (э.д.с.), индуцируемой магнитным полем. И вдруг папа останавливается и хлопает себя ладонью по лбу: "Я не учёл, что в крови есть ионы, и их движение в магнитном поле индуцирует э.д.с.". Я, 11.5-летний, спрашиваю: "А кто ещё об этом знает?" В ответ я получил незабываемую лекцию о научной этике и честности. Но я не унимался и задал вопрос, которого бы не постеснялся и сейчас, со своими учёными степенями по физике и Теории Исследования Операций: "А насколько существенно это явление?"

На это у папы не было ответа на месте, но, как только мы вернулись домой, он посчитал э.д.с. для данных параметров напряжённости магнитного поля, плотности ионов в крови и скорости их движения. Оказалось, что полученная величина ниже порога чувствительности клетки. Тем не менее, папа продолжил эксперимент ещё на 50 добровольцах, у которых локальное движение крови во время экспозиции магнитному полю было остановлено жгутом. Разумеется, качественная картина результатов не изменилась. Последующие эксперименты доказали нормализующее действие магнитного поля на проницаемость кожи и на свёртываемость крови, а также ускорение срастания обломков после перелома в магнитном поле.

Папа уже оформил статью и взвешивал сомнительную возможность её опубликования. Описанные результаты настолько отличались от ортодоксальных представлений, что их опубликование даже в каком-нибудь рядовом журнале казалось маловероятным. А папа мечтал не о рядовом журнале, а о «Докладах Академии наук СССР». Но в «Доклады» статья должна быть представлена академиком.

Случайным ли было совпадение, что именно в эти дни ему передали приглашение руководителя медицинской части советского космического проекта академика Парина посетить его? Профессор, передавший приглашение, сказал, что академика Парина заинтересовали результаты проведенного эксперимента.

Случайным ли было совпадение, что именно в эти дни папу пригласили в Москву на конференцию? Как мог бы он оставить работу, чтобы поехать к академику Парину, не будь этой конференции?

Едва устроившись в гостинице, он позвонил по телефону, который ему сообщили вместе с приглашением. Ответил женский голос, принадлежавший, как выяснилось, супруге академика. Она сказала, что Василий Васильевич болен и не работает. Он даже не выходит из дому, но готов принять Дегена в любое удобное для него время. Василий Васильевич прочитал статью и с интересом осмотрел папу, словно он изменился за эти полчаса.

- Если у вас нет других планов, я с удовольствием представлю эту статью в «Доклады Академии наук». О чем он говорит? Других планов!

- Но вам придется сократить ее чуть ли не вдвое - до четырех страниц.

Папа кивнул.

- У вас большая лаборатория?

- Василий Васильевич, я практический врач. У меня нет никакой лаборатории.

Папа объяснил Парину, что это исследование он провел в свободное от работы время.

Парин с удивлением слушал его рассказ.

- И в таких условиях вы сделали эту работу за пять месяцев?

- За четыре. В промежутке в течение месяца был в отпуске.

- Невероятно! Если бы мои физиологи, - я говорю обо всей лаборатории, - в течение года сделали такую работу, они бы носы задрали. А Вы один - за четыре месяца. Между прочим, их зарплата Вам даже не снится.

Начались клинические испытания, результаты которых превосходили все предполагаемые надежды. Так появилась магнитотерапия в ортопедии и травматологии, постепенно переключившаяся в другие области медицины.

Причина же, по которой папа срочно ринулся в кабинет физиотерапии, осталась необъяснимой. Озарение? Внезапное видение того, что стало объектом открытия?

На первых порах папа не думал о возможной докторской диссертации. Его больше всего занимало лечебное действие магнитных полей. Результаты лечения магнитами заболеваний, которые до этого он устранял только оперативным путём или, в лучшем случае, с помощью болезненных и не всегда безвредных инъекций, были просто удивительными.

Стремительно росло количество выздоровевших пациентов. От обращающихся за помощью не стало отбоя. Почти два года папа лечил магнитным полем под восторженные аплодисменты больных и коллег. Ион Деген стал первым в мире врачом, фундаментально изучавшим электромагнитное воздействие на костные ткани.

И вдруг грянул гром. Главный врач больницы запретил ему пользоваться магнитным полем до получения официального разрешения министерства здравоохранения.

Формально он был прав, а объяснялось всё просто: «доброжелатели» из Киевского ортопедического института доложили министерству здравоохранения Украины о том, что Деген занимается запрещённой деятельностью – экспериментирует на живых людях.

Визит к председателю ученого совета министерства здравоохранения был облегчен тем, что кто-то из его близких родственников оказался папиным пациентом и восторженно отозвался о лечении магнитным полем. Это определило доброжелательное отношение должностного лица. Тем не менее, необходимо было соблюсти определенные формальности: получить рекомендацию ученого совета ортопедического института, того самого, в котором папу с момента его появления там называли бандитом, а потом еще и сионистом, что оказалось поистине потрясающим предвидением.

Елизавета Меженина, которая была секретарем партийной организации в пору папиной ординатуры, стала теперь заместителем директора института. Предупрежденная председателем ученого совета министерства здравоохранения, она не посмела отказать папе в официальном докладе на заседании ученого совета института. Но у нее была другая возможность помешать ему.

Председательствуя на заседании ученого совета, она попыталась дискредитировать результаты проведенных им исследований. Но все её усилия наткнулись на прочную броню неопровержимых фактов. Ученый совет был вынужден принять решение рекомендовать министерству разрешить продолжение клинических исследований лечебного действия магнитного поля.

Однако это разрешение распространялось лишь на одного Дегена. Удовлетворенный результатом заседания, папа не обратил внимания на один нюанс: для продолжения исследования необходимо представить справку о безвредности аппаратуры. Поначалу это показалось совсем уж пустяком, - как получить справку о безвредности электрического утюга.

Его пациенты в Киевэнерго встретили папу как родного:

- Какие могут быть разговоры! Дайте паспорт на аппарат, и через пять минут получите справку.

- Но аппарат-то самодельный. Где взять на него паспорт?

- Доктор, Вы знаете, как мы Вас любим, как хотим что-нибудь сделать для Вас, но без паспорта на аппарат никто Вам не даст такой справки.

Теперь уже папа осознал значение внесенной заместителем директора института поправки, которая показалась ему столь несущественной. Неужели, всё? Неужели, круг замкнулся, и нет возможности из него выбраться?

В тот же день папа позвонил крупному физика, своему приятелю, Илье Гольденфельду, *который впоследствии стал профессором еврейского университета в Иерусалиме*. Без звука возражения или отговорки Гольденфельд дал папе справку.

Но папин племянник Михаил Фёдорович Дейген, доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН УССР, охладил его пыл: "на твоём месте я не стал бы пользоваться этой справкой. Во-первых, ты можешь подвести Люсика (так мы звали Илью), а во-вторых, фамилия автора справки не очень подходящая для твоего случая".

Иона сын **Ахиэзера** (Ион Лазаревич) Деген, Юрий Ионович Деген, Фалик сын **Ахиэзера** (Фёдор Александрович) Дейген, Михаил Фёдорович Дейген, 1972 г.

Уже на следующий день на улице папа встретил своего доброго знакомого профессора Василия Ивановича Стрыжака, заведовавшего кафедрой ядерной физики Киевского университета, и попросил его дать необходимую справку. *(Во время моей учёбы на физическом факультете Киевского университета профессор Стрыжак стал деканом*

факультета.) Профессор Стрыжак сказал, что нет никаких проблем. Но он попросил папу сделать доклад на семинаре на его кафедре, ещё на этой неделе.

Профессор Стрыжак начал семинар в точно объявленное время:

- Слово для доклада о механизме влияния магнитных полей на биологические объекты предоставляю доктору Дегену.

Всё шло наилучшим образом до тех пор, пока папа не упомянул о возможности механизма, при котором протон поднимается до уровня дна потенциальной ямы неработающего нуклеотида и происходит пи-эн переход. Тут вопрос в несколько агрессивной форме задал молодой человек, по-видимому, аспирант. Достаточно ли для этого применяемая напряжённость магнитного поля? Папа ответил. Молодой человек, вероятно, не был удовлетворён, и сказал:

- В таком случае, подсчитайте силу кулоновского взаимодействия в протоне.

- Простите, но я не обладаю математическим аппаратом для такого подсчёта.

- То есть, как не обладаете?! – Возмутился молодой человек. – Доктор физико-математических наук и не обладаете математическим аппаратом?!

- Я не доктор физико-математических наук. Я врач. Что касается степени, то всего лишь кандидат медицинских наук. – До степени доктора медицинских наук оставалось ещё несколько лет.

Молодой человек недовольно обратился к заведующему кафедрой:

- Василий Иванович, но Вы же объявили: доктор Деген.

- Витя, - ответил профессор Стрыжак, - конечно, я объявил доктор, то есть врач. Чего ты возмущаешься?

Всё закончилось благополучно. Папу благодарили. Профессор Стрыжак, оказывается, уже приготовил необходимую справку, но сказал, что её принесут завтра, после того, как на ней появится большая университетская печать.

На следующий день в поликлинике, в которой папа вёл амбулаторный приём, появились восемь молодых вчерашних участников семинара. Они принесли справку, а заодно пришли убедиться в том, что Василий Иванович не мистифицировал и доктор Деген действительно врач.

Меженина, увидев не одну, а сразу две справки, выглядела Бабой Ягой, которая предвкушала пообедать Иванушкой-дурачком, если он не сумеет выполнить ее задание, и теперь осталась голодной, - Иванушка каким-то образом справился с казавшейся ей невыполнимой задачей. На сей раз она не сумела сдержаться и проявила свою черносотенную сущность:

- Ну и мастера же вы, евреи, доставать все из-под земли!

- Совершенно верно. Века антисемитизма выработали в нас это умение. Спасибо за учение. В том числе, вам лично.

После более чем двухмесячного перерыва работа возобновилась.

***

Всякое научное исследование - это преодоление препятствий. У папы, дополнительно ко всем прочим, были еще препятствия несколько необычные, обусловленные его работой практическим врачом. Он просто не имел места, где мог бы проводить экспериментальную работу. Даже крыс ему приходилось держать дома, в туалете. И мама с удивительным стоицизмом и чувством юмора наблюдала за тем, как он охотится за удравшей из своего обиталища крысой (обнаруженной мною), чтобы водворить ее на место. Ведь, не дай Бог, самый аристократический район Киева, рядом с гостиницей Центрального Комитета Партии превратится в рассадник крыс. Тогда, чего доброго, обвинят сионистов в диверсии против родного ЦК.

Когда после работы в день получения справки папа пришёл домой, у входной двери в квартиру стоял огромный магнит с приклеенной к нему бумажкой, на которой было

написано: «С восхищением и благодарностью. Аспиранты кафедры ядерной физики. Напряжённость МП между полюсами 4000 эрстед. Вес игрушки 160 кг». Огромная напряжённость! Да и вес солидный. Где они взяли и как они смогли принести такую тяжесть, мы не могли себе представить. Для точности следует заметить, что это был не один магнит, а пара утончающихся кверху рогов, образующих прерванную арку. Эта солидная пара когда-то была частью магнетрона очень большого радиолокатора. С тех пор приезжавшие в Киев коллеги рассказывали, что, увидев магнит, они даже не искали табличку с номером нужной квартиры, которой и не было. И без этого им было ясно, что они попали именно к доктору Дегену.

А ещё магнит устранил одну весьма неприятную проблему. В углу недалеко от двери стоял примерно метровый оцинкованный сундук. В сундуке хранились редко используемые инструменты. Квартира на первом этаже. А за углом гастроном. Наш подъезд был единственным в квартале, в котором купившие пол-литра водки могли этот продукт распить на троих. И распивали. Через несколько дней после появления магнита распитие на троих в нашем подъезде прекратилось: среди выпивох ближайших улиц распространился слух о том, что в нашем подъезде поселилась нечистая сила. Источником слухов оказался весьма уважаемый покупатель гастронома, участник многочисленных распиваний на троих.

В одно прекрасное утро уважаемый почувствовал, что его с невероятной силой кто-то тянет к двери. Испуг был так велик, что уважаемый тут же выскочил из подъезда, увлекая за собой собутыльников. Нетрудно было догадаться, что в кармане у него была связка ключей. Это событие очень обрадовало маму, которой почему-то не нравились выпивающие на троих у входа в нашу квартиру. Впрочем, сундук продолжал оставаться местом любовных утех озадаченных квартирным вопросом парочек, которые, по-видимому, интуитивно догадывались, что магнитное поле существенно замедляет подвижность сперматозоидов.

Научная работа, на первых порах попросту удовлетворявшая папино любопытство, постепенно разрасталась и оформилась в докторскую диссертацию на тему «Лечебное действие магнитных полей при некоторых заболеваниях опорно-двигательного аппарата». К концу осени 1970 года диссертация была завершена и отпечатана. Это была первая в медицине докторская диссертация по магнитотерапии.

Защищать ее папа намеревался во 2-м Московском медицинском институте.

Хирургический ученый совет там был самым строгим, самым требовательным, но, как ему было известно, не самым антисемитским. Этот совет могла интересовать, в основном, научная ценность диссертации, а уже только потом личность соискателя ученой степени. Кроме того, членом этого совета был председатель хирургической секции ВАК'а, что в какой-то мере уменьшало опасность последующего прохождения диссертации в лабиринтах этого странного учреждения.

О предварительной защите папа договорился с руководством Киевского ортопедического общества. Не было сомнений в том, что власть предрержащих в этом почтенном обществе, в отличие от хирургического ученого совета 2-го Московского медицинского института, будет интересовать, в первую очередь, не диссертация, а его мало приятная им личность. Защита должна была состояться в конце февраля 1972 года.

Вечером, ровно за неделю до назначенного дня, раздался телефонный звонок и незнакомый мужской голос произнес:

- Ион Лазаревич, в следующую пятницу ваша предзащита. Так вот учтите, что вам собираются устроить еврейский погром.
- Кто это говорит?
- Не важно. Ваш доброжелатель.
- Мои доброжелатели знают, что на меня можно положиться и обычно

доверяются мне.

Трубку положили. Так. Кто же это был? Действительно ли доброжелатель? Или посланец тех, кто собирается устроить ему погром? Попытка испугать его, деморализовать? А, может быть, действительно отказаться от предзащиты в Киеве, тем более, что он тогда был болен - следствие тяжелой пневмонии, что давало возможность почетно отступить?

Выздоровел ли уже зав. кафедры ортопедии института усовершенствования врачей член-корр. АМН УССР Богданов? Сможет ли он председательствовать на заседании общества?

Тут же папа позвонил ему. Федор Родионович еще был болен. Его нисколько не удивил рассказ об анонимном телефонном предупреждении. Оказывается, кое-какие слухи уже дошли до его ушей.

- Я знаю, Ион, - сказал Богданов, - что Вы сочтете это проявлением украинского антисемитизма. Лично я в этом не уверен. По-моему, это меня заживо хоронят и делят наследство. Поэтому Левенец пойдет на любую подлость ради карьеры.

- Приятно слышать, что вы отделяете антисемитизм от подлости.

- Ну-ну, уже сели на своего конька! Послушайте, Ион, а на кой оно вам все сдалось?

Мы с вами больны. В следующую пятницу вместо посещения этого зверинца, посидим у меня, тихо выпьем, поболтаем.

- Нет, Федор Родионович, мне противопоказано отступать. Очень жаль, что вы испугались.

- Бросьте, Ион, кого и чего мне пугаться? Вы же знаете, что я болен. Если смогу, - приду.

Настроение после этого разговора у папы испортилось. Хоть он и хорохорился, но в глубине души прекрасно осознавал, чего стоит быть оставленным без поддержки, один на один с бандой уверенных в своей безнаказанности антисемитов.

В следующую пятницу, в шесть часов вечера папа, мама и я приехали в ортопедический институт, в конференц-зале которого ровно через час должно было начаться заседание общества. Развешивая фотографии и таблицы, папа почему-то не волновался и понимал неестественность этого состояния. Просто давала себя знать физическая слабость после тяжелой болезни.

Зал стал заполняться задолго до начала. В течение 26 лет папа посещал заседания ортопедического общества. Но никогда - ни до, ни после этого вечера не было в этом зале такого количества людей. Уже назавтра банда начнет распространять слухи о том, что Деген заполнил аудиторию своими подольскими пациентами во главе с евреем Виктором Некрасовым. (На Подоле - район Киева, - до революции разрешали селиться евреям. Что же касается Виктора Некрасова, то слухи о том, что он еврей, упорно распространялись украинскими «пысьменниками» во главе с поддонком - антисемитом Мальшко.)

С Виктором Некрасовым папа дружил. По отцовской линии Некрасов стопроцентный русский. Зинаида Николаевна, мама Виктора - полурусская, на четверть итальянка и еще на четверть шведка.

Но какое это имеет значение! Антисемиты, как правило, пользуются не фактами, а слухами. А тут и факты, вызвавшие ненависть антисемитов к Виктору Некрасову. С любовью выписанный им образ еврея-лейтенанта Фарбера в книге «В окопах Сталинграда», гневная статья в «Литературной газете» против танцулек на трупах евреев, уничтоженных в Бабьем Яру, пламенное выступление против антисемитизма на неофициальном митинге в годовщину фашистской акции в Бабьем Яру...

Ложь о составе аудитории без труда можно опровергнуть даже протоколом заседания: из 143 членов общества присутствовало 123. Было много врачей не ортопедов, в том числе врачи из папиной больницы. Только девять человек в

переполненном зале были не врачами: мама и я, трое самых близких папиных друзей - Юра Лидский, Шурик Местецкий и Изя Левицкий, Виктор Некрасов с женой, физик Илья Гольденфельд и еще один физик.

Без десяти минут семь в зал шумно ввалилась большая веселая компания сотрудников ортопедического института. Папа ждал нападения и представлял себе предполагаемых противников. Но появившаяся группа была настолько неоднородной, что ему и в голову не могла прийти мысль об ударном отряде врагов.

Трех профессоров, его явных доброжелателей, даже страдаая манией преследования, нельзя было объединить с врагами, находящимися в этой группе. Один из доброжелателей, заведующий четвертой клиникой, постоянно плакался папе в жилетку, объясняя, как трудно ему существовать в окружении подлецов.

Второй, - заведующий лабораторным отделом - во время немецкой оккупации Киева был директором ортопедического института. Возможно, своеобразный комплекс вины был причиной его более чем хорошего отношения к инвалиду войны против немецких фашистов, хотя он уверял папу, что просто любит интеллигентных людей, которых ему явно недостает в институте. Третьим был профессор, числящийся армянином, сын еврейской матери. Были в группе и двое абсолютно незнакомых мужчин.

Время приближалось к семи. Люди теснились в проходах у стен. Два возможных председателя нынешнего заседания общества не появлялись - директор ортопедического института и Богданов. Что касается первого, то папа заранее был уверен в том, что его не будет. Грязную работу он предпочитал делать чужими руками, тем более что чужие руки делали ее не без удовольствия.

Из разговора между заместителем директора ортопедического института Межениной и вторым профессором кафедры ортопедии института усовершенствования врачей Николаем Новиковым, мы узнали, что зав. кафедрой Богданов все еще болен, что его в тот день не было на работе и на обществе, естественно, не будет. Меженина предложила Новикову быть председателем. С явным удовольствием на пьяном лице он занял председательское место. Картинно изогнув руку, он посмотрел на часы, готовясь открыть заседание. Стрелка приближалась к семи.

В этот момент, протискиваясь между врачами, запрудившими проход, к столу приблизился Богданов. Надо было видеть выражение лица Новикова! Не просто неудовольствие - ненависть была написана на пьяной мужицкой физиономии. Он неохотно покинул председательское место, которое тут же занял Богданов.

Красивый самоуверенный мужчина, всегда заботящийся о том, чтобы произвести на окружающих самое благоприятное впечатление, он выглядел подавленным и явно больным. Только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить его появиться на людях в таком виде. Он открыл заседание и тут же предоставил слово соискателю.

Обычно на заседаниях общества после доклада, вызвавшего интерес, сразу поднималось несколько рук желающих задать вопрос. Как потом выяснилось, доклад вызвал интерес у аудитории. Неизвестно, поднялись ли бы руки в этот вечер, потому что не успел еще Богданов предложить задавать вопросы, как, не ожидая разрешения, вскочил профессор, представлявшийся армянином. Он был возбужден.

Язык его слегка заплетался. Причина оказалась простой, но выяснилась она, когда мы узнали, что весь «ударный отряд» ортопедического института явился после только что состоявшейся попойки. Справляли масленицу!

Когда-то во время «широкой» масленицы перепившиеся черносотенцы с крестом и хоругвями шли громить евреев. Сейчас сотрудники ортопедического института, сливки советской интеллигенции, перепившись по поводу все той же «широкой» масленицы, спустились в конференц-зал на предварительную защиту докторской диссертации опять-таки еврея.

Следуя указанию, полученному во время попойки, полуеврей, скрывающий вторую половину этого слова и числящийся армянином, задал первый вопрос:

- Кто Вам разрешил экспериментировать на людях?

Это была явная провокация. Папа спокойно объяснил профессору, что эргографию, например, он мог бы без всякого разрешения проводить даже на контингенте детского садика, не причиняя детям ни малейшего ущерба. В других, не менее безвредных исследованиях принимали участие близкие, друзья, приятели, люди, которых заинтересовала работа, но не подчиненные, не пациенты, не люди, зависящие от него и подвергающиеся исследованию по принуждению.

Следующие вопросы были подстать первому и ничего общего с научным обсуждением не имели. Особенно изощрялась Меженина. Но, зарвавшись, она дала возможность папе ответить так, что хохот несколькими продолжительными раскатами прошелся по аудитории, а председатель, с трудом подавляя предательский смех, все снова и снова требовал соблюдать тишину. Незнакомый папе сотрудник ортопедического института, явившийся в составе банды, задал несколько абсолютно нелепых вопросов, вроде «что такое магнитные волны?». Богданов даже вынужден был сделать замечание, сказав, что человек, имеющий степень кандидата медицинских наук, как предполагается, должен иметь и среднее образование.

Все это напоминало какую-то абсурдную атаку безоружных людей, идущих на пулеметы. Люди падают, падают и снова зачем-то бессмысленно прут на косящий их огонь. Мы еще не понимали, что нелепые вопросы тоже имеют определенный смысл, что они преследуют заранее запланированную цель.

Самый великолепный вопрос задал Новиков. Перелистывая приложение к диссертации, в котором значились фамилии всех пациентов Дегена, он вдруг спросил:

- А чем объясняется такой состав ваших больных?

Председатель поднялся, чтобы осадить своего заместителя, понимая, какое продолжение может последовать. Но папа немедленно спросил:

- Что Вы имеете в виду?

- Ну, как Вы подбирали больных?

- Я их не подбирал. Это жители Киева, обращавшиеся в нашу больницу.

- А почему же здесь так много евреев?

- Вероятно, к чьему-нибудь сожалению, их количество среди пациентов в какой-то мере соответствует демографической картине Киева. Лично я не вычислял процента, так как не это было целью диссертации.

После вынужденного перерыва (потребовали справку о безвредности используемой аппаратуры для людей, за которой я помчался домой) заседание, казалось, вошло в нормальное академическое русло. Выступил первый официальный оппонент, профессор-биолог Иванов-Муромский из системы Академии Наук. Он высказал столько лестных слов по поводу диссертации, что даже стало как-то неловко.

Замечания его были сугубо научными. Во время ответа с некоторыми папа согласился, некоторые аргументировано отверг, что не вызвало возражений оппонента.

Вторым выступил профессор Стецула, сотрудник ортопедического института. Уже значительно позже мы узнали, что руководство института усиленно обрабатывало его, взывая к чувствам украинца, призванного бороться с еврейским засильем в науке. Но профессор осмелился возразить, что не может быть какого-либо засилья в науке, потому что наука универсальна. Кроме того, у ученых должна быть совесть. Ему, коммунисту, совершенно резонно заметили, что он забыл о марксистском подходе к науке, что следует отличать науку буржуазную от науки социалистической, основанной на марксистско-ленинском учении.

Выступление профессора Стецулы на заседании общества еще раз продемонстрировало его полнейшее непонимание этих азбучных истин. Его безудержно хвалебная рецензия

на диссертацию была началом серьезного конфликта с Киевским ортопедическим институтом, окончившаяся полным разрывом. Профессор-украинец был вынужден оставить не только институт, не только Киев, но и Украину.

Следует заметить, что и до перерыва одно выступление явно выпало из общей тональности. Заместитель главного врача папиной больницы должна была выступить с характеристикой на своего подчиненного. Но вместо этого она обрушилась на обструкционистов. Очень эмоционально она рассказала об условиях, в которых практическому врачу приходилось заниматься наукой, об убегающих крысах, об аппаратуре, созданной из «бутылочек и веревочек», о запретах и их преодолении.

- Научная работа Дегена, - сказала она, - уже приносит пользу практическому здравоохранению. Посмотрите, какая очередь больных, желающих попасть к доктору Дегену на лечение. В их числе и работники ортопедического института. А вы здесь впустую тратите государственные деньги на так называемые исследования, которые никому не нужны сегодня и ничего не дадут людям в будущем. Поэтому бездарные люди, занимающие чужое место, с подлым чувством зависти обрушиваются на талантливую работу.

Это выступление было встречено аплодисментами аудитории, чего обычно не бывает и не принято на защитах диссертаций.

С двумя упомянутыми рецензиями, как и положено, папу ознакомили за несколько дней до защиты. Рецензии третьего оппонента, доцента Левенца, папа не получил. В начале недели он позвонил и попросил прощения за то, что не успел вовремя написать и отпечатать ее. Папа охотно простил ему грубое нарушение правил, уверенный в том, что Богданов несколько необъективен в оценке своего доцента, что никаких пакостей от него ждать не следует. Они были в отличных отношениях.

Конечно, он не мог быть оппонентом на официальной защите. На предварительную он был назначен, как начинающий - первая рецензия на докторскую диссертацию. Но он даже не пытался дать мало-мальски объективную рецензию. С чувством неоспоримого превосходства, с перехлестывающей через край иронией он говорил о том, что научной работой тут и не пахнет, что диссертант даже опустился до того, что ссылается на чьи-то неопубликованные высказывания, и далее в том же духе.

Перед голосованием, вероятно, чувствуя настроение аудитории, Меженина встала и направилась к выходу. За ней последовало несколько человек из этой компании. Закljučая, Богданов сказал: "Было задано 49 вопросов. Из них не все по существу диссертации. Тем не менее, на каждый вопрос был дан четкий ответ, не оставляющий ни малейшего сомнения в компетентности диссертанта. Два официальных оппонента заявили о полном удовлетворении по поводу ответов на свои замечания. Третий официальный оппонент ничего не заявил. Возможно, он чувствует себя неудовлетворенным. Но это ощущение субъективное. Я бы даже сказал - эмоциональное. Ортопедическое общество также объективно может быть удовлетворено ответами на рецензию третьего официального оппонента. Так же обстоит дело с ответами неофициальным оппонентам. Поэтому есть предложение рекомендовать диссертацию к официальной защите. Кто за это предложение? Кто против? Кто воздержался? Единогласно. От имени Киевского ортопедического общества поздравляю Иона Лазаревича с новаторской диссертацией и с блестящей мужественной защитой, которая длилась четыре часа тридцать пять минут. Объявляю заседание общества закрытым".

Член-корр. АМН УССР Федор Родионович Богданов

Через несколько месяцев без всяких происшествий папа прошел положенную предзащиту во 2-м Московском медицинском институте, где потом, 19.11.1973 г. в самом «страшном» хирургическом ученом совете состоялась и официальная защита.

Нам говорили: "Где Ион?
И почему так тянет он?
Неужто ждать ему не лень?"
Но я-то знал, что неспроста,
Что должен, должен был настать
Ноябрьский Ведьмин День.

Деген – он дня такого ждал,
Он жаждал долгие года,
Хранил с душою тело,
И вот, одетый словно франт,
Свой магнетический талант
В сей день пустил он в дело.

Как колокольчик на дуге,
Звенел на кафедре Деген
Задорно и маняще.
Он говорил, он всех учил:
Удобно, выгодно лечить
Магнитом настоящим.

И зал молчал, заморожен.
Сейчас не мог перечить он -
Деген так говорит:
И контрактуру, и отёк,
И всё, о чем сказать не мог,
Вылечивал магнит.

Смирней овцы стал оппонент.
Он говорил: "Сомнений нет,
(Второй и третий вторил)
Что нужно степень сразу дать,
И книгу выпустить в печать,
Деген войдет в историю".

Голосовал один на двадцать,
Что он, мол, против диссертации.
Как всё же мир наивен!
Не надо думать о враге.
На пять процентов – знал Деген –
Магнит не эффективен.
Юрий Холодов, 19.11.1973

ОТВЕТ

Вам, вероятно, было лень
Учесть реальные критерии.
Ведь суть не в том, что Ведьмин День,
А день Советской Артиллерии.

Все магбиологи сполна
Мне оказали снисхождение –
От полевой до РГК,
Прикрыв огнем сопровождения.

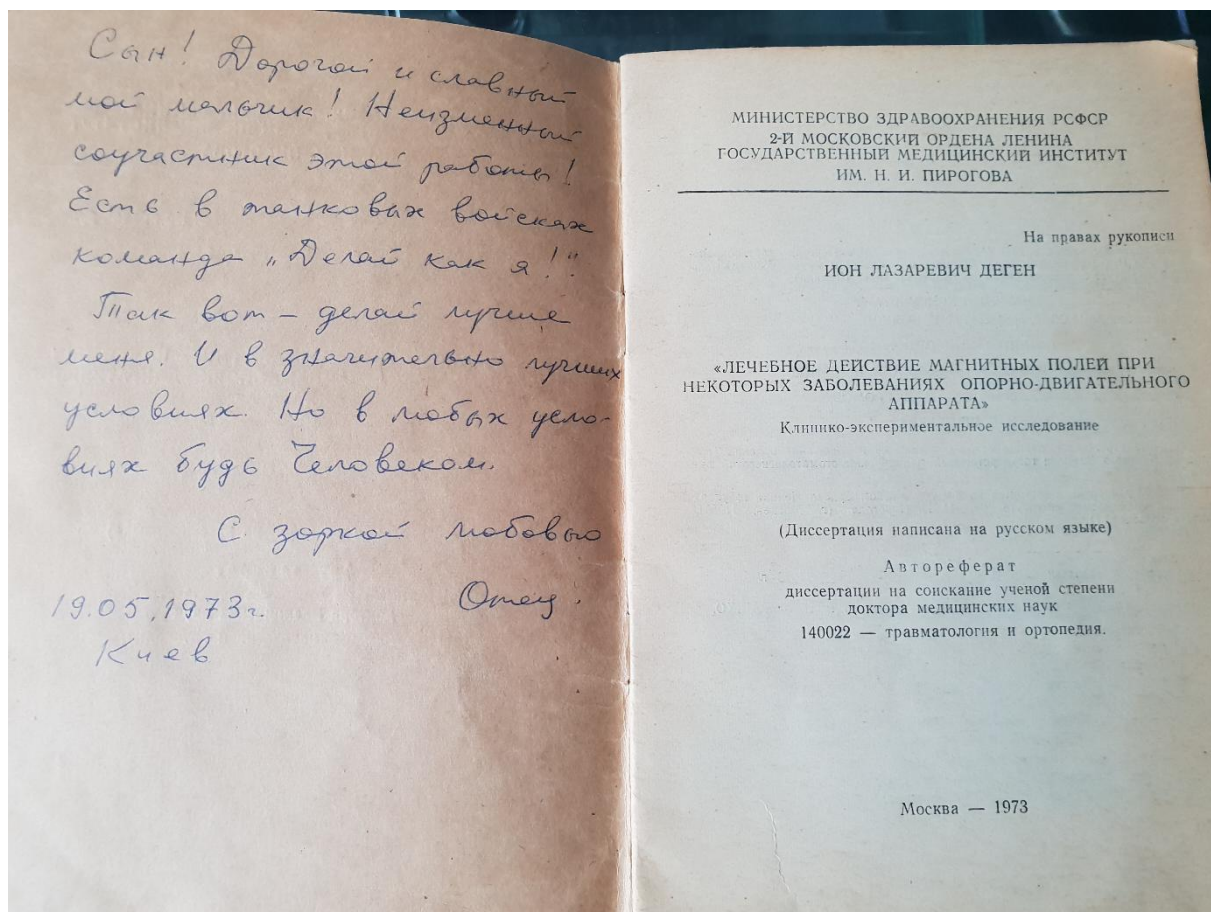
Когда дозрел двуцветный зал
До ситуации критической,
Ваш щедрый отзыв стартовал,
Взлетел ракетой стратегической.

(Коммуникабельный, как Рейн,
Привыкший к громкой славе смолоду,
И популярный, как Эйнштейн,
Вы подписались просто – Холодов.)

И хоть от страха я пищал
При прениях и выступлениях,
Но артподдержку ощущал,
Как танк, идущий в наступление.

Итак, отбросим оккультизм,
И ведьм, и леших свору стылую.
Без нас немало магнетизм
Отождествят с нечистой силою.
Ион Деген, 26.11.1973

Папа к своей диссертации относился очень спокойно, как к оформлению еще одной научной работы, описанию нового метода лечения. Диссертация ведь не могла изменить ни его несуществующей научной карьеры, ни и без нее более чем благополучного для советского гражданина материального положения.

Летом 1976 года он получил письмо-приглашение прочитать лекцию о лечебном действии магнитных полей на семинаре по теме: «Влияние магнитных полей на биологические объекты». Организаторами семинара были Томский медицинский институт, Томский политехнический институт и Томский университет.

Папа показал письмо главврачу и спросил его, сможет ли он поехать в командировку в Томск в ноябре месяце. «Нет денег» — глухо ответил главный врач. Папа даже остался доволен — нечего засвечиваться перед отъездом в Израиль.

Шло время, и он забыл о приглашении. В один из мрачных дождливых ноябрьских дней папа только вернулся с работы, как раздался телефонный звонок. Приятный женский голос:

— Здравствуйте, Ион Лазаревич. Сейчас с вами будет говорить министр здравоохранения, академик Петровский.

Щелчок. И уже мужской голос. Без обращения. Без приветствия.

— Вы почему не в Томске?

Папа вспомнил, что сегодня день открытия школы-семинара.

— Главный врач не дал мне командировки.

— Немедленно вылетайте.

— Не могу лететь. Могу поехать поездом. (Примерно четыре дня езды из Киева до Томска.)

— Это почему не можете?

– У меня осколок в мозгу, и я не переношу полётов. – В этой фразе правдой был только осколок в мозгу. На том конце провода минутное молчание. А затем:

– Не дурите. Вылетайте немедленно. – Щелчок. Разговор окончен.

На конгрессе ортопедов в Рио-де-Жанейро в 1981 г. японский коллега расскажет папе, что за год до того телефонного разговора с министром-академиком он был приглашён на конгресс в Японию, в Киото. Все расходы – полёт, гостиница, взнос участника, содержание и местный транспорт – за счёт японцев. Даже небольшие карманные деньги – подарок императора Японии. Но папа не имел об этом ни малейшего представления. Так вот именно академик Петровский подписал ответ, что, к сожалению, доктор Деген не может прилететь, так как у него в мозгу осколок, и он не переносит полётов.

Через несколько минут снова раздался телефонный звонок. Теперь звонил заместитель министра здравоохранения Украины, с которым папа был в дружеских отношениях.

– Ион, иди к своему дурню и получи командировочные. Я заказал билет. До Москвы – сегодня вечером, а из Москвы до Томска завтра утром.

И папа пошёл к «своему дурню», который сидел за своим столом красный, как варёный рак.

– Что ж вы мне не сказали?

– Сказал. И показал вам письмо из Томска.

– Идите в бухгалтерию и получите командировочные.

– Сколько?

– Как положено. Два шестьдесят в сутки.

– Нет, за такие деньги не поеду. – Впервые в жизни папа проявил стяжательство и потребовал десять рублей.

– Положено два шестьдесят в сутки. Ничего другого не положено.

– А положено доктору медицинских наук работать рядовым врачом в больнице под Вашим руководством? Так что, либо платите, либо сами летите в Томск.

– Ладно, идите в бухгалтерию, – с мучкой выдавил из себя главврач.

На следующий день после лекции, папу пригласил к себе ректор Томского медицинского института, академик академии медицинских наук, профессор Иннокентий Васильевич Торопцев. Поглаживая лысину, он без вступления сказал, что вскоре в институте состоится конкурс на замещение должности заведующего кафедрой ортопедии, травматологии и военно-полевой хирургии, и он хотел бы видеть на этом месте Дегена.

Папа за предложение поблагодарил, но сказал, что вынужден от него отказаться.

Академик Торопцев недоумённо глянул на него.

– Ион Лазаревич, я знаю, что Вы работаете рядовым врачом. И это при Вашем уровне. О Вашем характере мне тоже кое-что известно. И, как подтверждение, – Ваша лекция с явно антисоветскими закидонами. Кстати, мне, как Вы выразились, антисемиту, они весьма понравились. И при этом отказываетесь от предложения, которому обрадовались бы профессора, занимающие кафедры во многих институтах? Ничего не понимаю.

– Дорогой Иннокентий Васильевич! Нет слов выразить Вам мою благодарность. Но я уже одной ногой в Израиле, где обещаю Вам никогда не забывать о Вашем предложении.

Они встали почти одновременно. Академик Торопцев подошёл к нему, молча пожал его руку и, помедлив, обнял.

***

18.11.1977. Последний день нашего пребывания в Советском Союзе. Утром мы приехали в Чоп, станцию на границе с Чехословакией. Вымочаленные предотъездными делами, издевательствами властей и чиновников, мы с естественной для советских

граждан опаской, хоть уже не были советскими гражданами, думали о том, как пройдёт этот день до того счастливого момента, когда мы покинем пределы великого и могучего...

Около двух часов ночи поезд пришёл на станцию небольшого словацкого города Кошице. Здесь папе должны были передать портфель с самым ценным его капиталом, нелегально вывезенным за границу: картотекой, рукописью книги и парой дюжин магнитофонов - уникальных тогда, да и сейчас, эластичных резиновых пластинок с ферромагнитными вкраплениями, обеспечивающими заданные напряжённость и градиент магнитного поля.

Изобретатели магнитофонов – заказчик, доктор Ион Лазаревич Деген, и исполнитель, инженер Александр Соломонович Фефер

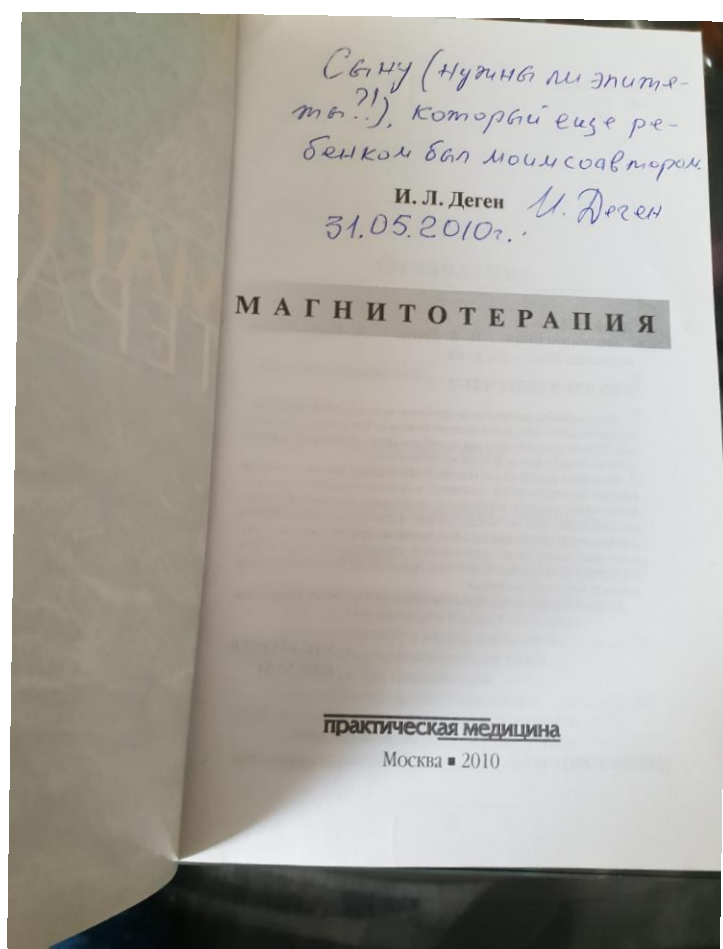
Картотека была сокровищем. Компьютеров тогда у нас ещё не было. Поэтому папа всё реферировал на перфокартах. Не только статьи, но и книги. Поиск нужной карточки занимал у него секунды. Следовало только провести спицу через необходимое отверстие в перфокартах. Это значительно облегчало, а заодно и убыстряло создание научной работы. Тем более что, реферируя статью или книгу, он сразу же красными чернилами вписывал свои замечания или возникшие мысли. Нередко эти красные вписывания без всяких изменений становились частью статьи.

Поезд уже должен был отойти, когда из здания вокзала, пошатываясь, к поезду направились два человека. У одного из них в руках был папин портфель. Почему два, а не один? Что делать? Быстро подняться в вагон, пожертвовав сокровищем, или подождать? Холод через пальто пробрался к его спине. А может быть, этот холод не имел ничего общего с морозной ночью? Тут тот, который был с портфелем, окликнул папу. Он быстро подошёл, отдал ему портфель, попросил прощения за опоздание, - понимаете, выпили слегка, - и пожелал счастья. На ступеньку папа поднялся, когда поезд уже тронулся с места...

После пяти месяцев изучения иврита в ульпане папе предложили должность визитинг-профессора в Институте Вейцмана в Реховоте. Что это такое, он не имел представления. Ему объяснили, что научной работой в Институте он сможет заняться немедленно, как только получит грант. Но он не знал, что такое грант, а главное, где его получают?

Папа не нашёл и не искал этот грант, потому что даже китайские иероглифы, которые он хотя бы видел, были ему понятнее, чем организация научной работы в стране, где магниты, и магнетометр, и реактивы, и приборы и всё прочее не воруют, а покупают.

Поэтому он пошел по другому и более понятному ему пути – подтвердил свою квалификацию хирурга-ортопеда и двадцать лет проработал практикующим врачом. Разработанный им метод магнитотерапии в Израиле тоже практически не применяли. Как-то, услышав, что папа лежит с температурой сорок градусов, его друг, старый опытный терапевт, немедленно примчался к нему. На правой ноге большое болезненное красное пятно с чёткими границами, как на географической карте. Диагноз, который без труда мог бы поставить и студент-медик старшего курса, не вызывал сомнения у такого опытного врача. Рожистое воспаление. Тут же он назначил папе сильные антибиотики. Стандарт. Конвенциональная медицина. Папа улыбнулся и показал приятелю на стоявший рядом с постелью аппарат - электромагнит: «Дружище, не надо антибиотиков. Несколько сеансов переменного магнитного поля, и максимум через неделю я буду здоров». Приятель знал, что у папы в мозгу осколок. Поэтому смотрел на него, как на пациента, нуждающегося в срочной помощи психиатра. От антибиотиков папа всё-таки отказался. Приятель ушёл возмущённый и обиженный. Через четыре дня, снова навестив папу, он увидел здорового человека. Температура тридцать шесть и восемь. Никакой красноты. - Почему же не применяют этого лечения? - Во-первых, потому, что Вы, старый опытный врач, назначаете лекарства. Заодно, не задумываясь об этом, увеличивая количество штаммов микроорганизмов, нечувствительных к антибиотикам. Во-вторых, потому, что фармакологические компании, эти кровопийцы, не хотят потерять свои многомиллиардные доходы. Я сделал максимум возможного: защитил докторскую диссертацию на эту тему не где-нибудь, а в самом авторитетном учёном совете. Написал монографию. Врачам оставалось только прочитать, познакомиться и применить. Но, увы...

Во многом прав был профессор Московского Университета Вилли Иванович Классен: "В Израиле у Вас такого не будет. И, хотя Вы называете себя кустарём-одиночкой, не связанным ни с институтами, ни с кафедрами, хотя Вы, по-видимому, единственный доктор медицинских наук, работающий только практическим врачом, условия для научной работы у Вас такие, о каких в Израиле Вы и мечтать не сможете. Я знаю. Я встречаюсь с учёными за рубежом. Тут Вам стоит только чихнуть, и любой директор завода разбивается в лепёшку, чтобы сказать Вам: «Будьте здоровы». Чтобы за счёт завода соорудить Вам без единого гроша все, что пришло Вам в голову". На что папа ответил: "Это так. Вы правы. Но это не имеет никакого отношения к твёрдо принятому решению. Мне очень неуютно быть каплей масла на поверхности воды. Я хочу быть в однородной среде".

Несмотря ни на что, папа никогда не раскаивался в принятом решении.

Смотреть в глаза смерти так, чтобы она отводила свой взгляд

Скоро исполнится 95 лет со дня рождения Иона Дегена – одного из самых знаменитых воинов Великой Отечественной войны

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

Это стихотворение я знал много лет. Еще с 70-х годов прошлого века. И всегда мечтал познакомиться с его автором, хотя легенда гласила, что стихи эти – народные. Строчки народного поэта с упоением читали Михаил Луконин и Александр Межиров, Василий Гроссман цитировал их в своем романе "Жизнь и судьба"... Миф о народности разрушил Евгений Евтушенко, который опубликовал эти стихи в своих «Строфах века» и назвал имя великого поэта – Ион Деген. Потом уже, после нашего знакомства, Ион Лазаревич рассказывал мне, что в конце сороковых знали, что это он написал «Мой товарищ...». Однажды, ему даже пришлось читать свои стихи в Центральном Доме Литераторов, и Константин Симонов прилюдно обвинил молодого поэта: «Это апология трусости! - кричал он Дегену. - Мародерство! Как это можно, призывать снимать с мертвых валенки?» Лишь спустя много лет, Евгений Евтушенко рассказал Иону Дегену, что Симонов тогда спас ему жизнь. Ведь там же, в ЦДЛ, Деген прочитал свое другое стихотворение:

За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.

Это стихотворение попало в Министерство Государственной безопасности, Дегена собирались уже арестовывать, и Симонову пришлось применить весь свой авторитет, чтобы доказать чекистам, что Деген имел ввиду не Сталина, а своего непосредственного начальника – командира батальона. Так, благодаря Евтушенко я узнал, что Ион Деген жив. Что с 1977 года он живет в Израиле. Что он великий врач – не только был пионером практической магнитотерапии в СССР, но и вообще - первым в мире применил магнитотерапию при лечении ортопедических заболеваний. Постепенно я стал узнавать о Дегене все больше и больше. Про то, что он легендарный советский танкист-ас. Что на его счету не менее 12 уничтоженных танков – в том числе один «Тигр» и восемь «Пантер», четыре самоходных орудия, включая тяжёлую самоходно-артиллерийскую установку «Фердинанд», бесчисленное число орудий, пулемётов, миномётов и живой силы противника. И что подвигов, совершенных Дегеном, хватило бы на несколько звезд Героя Советского Союза.

При освобождении Вильнюса, Ион Деген творил такие чудеса, что его именем даже называли улицу в этом городе – «Дегенская»! Но когда командир батальона только заикнулся в штабе бригады, что лейтенант Деген за Вильнюс заслуживает звезду Героя, замполит все сделал для того, чтобы наградной лист даже не был подписан и что нужно вести «борьбу за чистоту геройских рядов от всяких там Дегенов».

И все же дважды Иона Лазаревича представляли к этому званию - причем второй раз - в январе 1945 года - его представлял сам командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Иван Черняховский — за успешную операцию в Восточной Пруссии. Иван Данилович пообещал лично проследить за награждением Дегена звездой Героя, но вскоре он был убит там же, в Восточной Пруссии...

Почему так и не дали Героя? Основная причина – евреев старались к высоким наградам не представлять. Была и другая причина - в 1965 году Дегену показали в киевском военкомате документ, где было написано: «В связи с тем, что у гвардии лейтенанта Дегена большое количество наград, есть мнение звание Героя Советского Союза ему не присваивать» ...

Ион Деген вернулся с войны инвалидом с орденами и медалями общим весом в шесть килограммов – этот вес однажды, приподняв на руке парадный пиджак Дегена, точно определил все тот же Евгений Евтушенко.

...С 1977 года Ион Лазаревич жил в Израиле, в небольшом городе Гиватаим недалеко от Тель-Авива.

В 2013 году вместе со своим соавтором - режиссером Юлией Меламед - мы приехали к Герою, чтобы снять о нем документальный фильм, название которого придумали еще в самолете – «Деген».

Четыре дня мы не расставались, записывая на камеру его невероятные воспоминания. Это были четыре дня счастья. Четыре дня, за которые я влюбился в Иона навсегда, - человека такой силы воли, такого обаяния, такой силы ума мне еще моя профессия ни разу не предлагала, а ведь я снял много сотен репортажей и много десятков документальных фильмов.

Жизнь Иона Дегена вмещает в себя сразу несколько судеб, каждая из которых почти неправдоподобна и могла бы оборваться много раз. Например, однажды, во время голода на Украине его, восьмилетнего ребенка, чуть не съели...

На войне Деген трижды попадал в госпиталь с тяжелейшими ранениями. Из него извлекли 22 осколка, а 23-й остался с ним навсегда в его голове...

Рассказы Дегена невероятны. Вот он рассказывает нам о том, что для танкистов обыденным зрелищем была корма танка в крови и в кусках человечины. На войне быстро к такому привыкаешь. Как привыкаешь к тому, что приходится выгребать из сгоревших танков куски обуглившихся тел своих товарищей:

На фронте не сойдешь с ума едва ли,
Не научившись сразу забывать.
Мы из подбитых танков выгребали
Всё, что в могилу можно закопать.

Комбриг уперся подбородком в китель.
Я прятал слезы. Хватит. Перестань.
А вечером учил меня водитель
Как правильно танцуют падеспань.

Отдельной разговор с Ионом Дегеном был про убийства на войне - ведь он лично уничтожил сотни немцев-фашистов.

Первого он убил, когда ему исполнилось 16 лет и 1 месяц – просто поймал в прицеле бегущего врага и нажал курок. Другое убийство было связано с его первой любовью – радисткой по имени Люба. Ион вместе с Любой оказались в тылу противника. На их пути попался немецкий часовой, и Иону пришлось заколоть его кинжалом. Деген всадил лезвие сверху вниз над ключицей часового, фонтан липкой крови брызнул Иону в лицо, и его начало тошнить. Звуки рвоты привлекли внимание фашистов, они открыли шквальный огонь, и Любу убили...

А эта история произошла летом сорок четвертого года. Большая группа немцев толпой убегала по пологому склону холма от танка Т-34, которым командовал Деген. Можно было спокойно достать их из танковых пулеметов. Но лейтенант Деген скомандовал своему заряжающему поставить шрапнельный снаряд на картечь. Несколько десятков человек прямо на глазах экипажа разорвало в клочья...

Да, ему приходилось уничтожать врагов, но он был солдатом. Воином. Одним из лучших на той страшной войне.

...Сидя напротив Иона в Израиле, и с восторгом слушая этого человека, мы начинали понимать, что наше и его поколения говорят на разных языках и что мы им – не чета... Премьера нашего фильма «Деген» в Израиле прошла в потрясающем месте Латрун, что в пятнадцати километрах к западу от Иерусалима. Здесь находится выдающийся танковый военный Музей – один из лучших в мире. Конечно, не случайно, что фильм мы показали именно здесь, потому что Ион Деген – великий танкист, и это признали даже в Израиле. А ведь именно израильские танкисты считаются лучшими на планете. Один из них, подполковник, прошедший три войны, встал после показа нашего фильма и сказал буквально следующее: «Я хочу поклониться вам, Ион Деген. Вы, советские танкисты, учили нас, израильских танкистов, как смотреть в глаза смерти так, чтобы она отводила свой взгляд» ...

Ион Деген умер в апреле 2017 года, не дожив двух месяцев до 92 лет.

Но я до сих пор мечтаю о том, что российская власть все же вспомнит о своем Герое и наградит его. Конечно, такой страны, как Советский Союз уже нет. Но командира танка Т-34 лейтенанта Дегена, 1925 года рождения, можно наградить сегодня звездой Героя России. Лично для меня, Ион Лазаревич Деген - уже давно реальный Герой, который хоть и не получил эту награду, но заслужил её всей своей жизнью.

Иону Дегену и об Ионе Дегене

Врач ... в 1946 году поступил в медицинский институт ... часами вывязывал искорёженными пальцами хирургические узлы и тренировался резать скальпелем стопку папиросной бумаги на глубину задаваемого себе числа листков ... с 1951 года ортопед-травматолог ... в 1959-ом выполнил первую в мире реплантацию руки ... работал от больного к письменному столу, а не от стола к больному, и в 1965-ом в Москве защитил кандидатскую и в 1973-ем в Москве же докторскую (первая докторская по магнитотерапии в медицине), 90 научных статей ... знаменитый киевский доктор ... в 1977-ом уехал от государственного антисемитизма в Израиль, где больше двадцати лет работал ортопедом.

Поэт и писатель ... автор знаменитого написанного в декабре 1944-го стихотворения: «Мой товарищ, в смертельной агонии Не зови понапрасну друзей. Дай-ка лучше согрею ладони я Над дымящейся кровью твоей. Ты не плачь, не стони, ты не маленький, Ты не ранен, ты просто убит. Дай на память сниму с тебя валенки. Нам ещё наступать предстоит».

В Большой Библиотеке Поэта оно было опубликовано как стихотворение неизвестного солдата, хотя Ион читал его вместе с другими своими стихами в 1945-ом в Центральном доме литераторов в Москве, где после ранения служил в полку резерва. Его стихи, в которых было: «За наш случайный сумасшедший бой признают гениальным полководца», вызвали погромно-патриотическую реакцию, на которую он ответил стихотворением:

«Я не писал фронтовые стихи
В тихом армейском штабе.
Кровь и безумство военных стихий,
Танки на снежных ухабах
Ритм диктовали.
Врывались в стихи
Рваных шрапнелей медузы.
Смерть караулила встречи мои
С малоприветливой Музой.
Слышал я строф ненаписанных высь,
Танком утюжа траншеи.
Вы же – в обозе толпою плелись
И подшибали трофеи.
Мой гонорар – только слава в полку
И благодарность солдата.
Вам же платил за любую строку
Щедрый главбух Литиздата».

Много лет после этого он никому свои стихи не показывал. Его прозаические книги выходили в разных странах, ему предлагали вступить в писательские союзы, но – «Зачем мне ещё писательский союз – тем более что я писателем себя не считаю? Я – рассказчик. И в прозе, и в стихах – рассказчик». Его проза это не fiction, не вымысел – это свидетельство, документальная проза даже если он иногда одевает её в одежды fiction. Это усилие осмысления своего жизненного – человеческого, военного, профессионального – опыта. Он был self-made-man – человеком, сделавшим самого себя вопреки, а, может быть, и благодаря всему тому, что многих других сломало бы.

Но не просто сделавшим, а неустанно делавшим себя – продолжавшимся до конца жизни собиранием себя, собственно, и делающим человека человеком.

Человек с ясным взглядом

(Разговор с Ионом Дегеном)

Мы провели вместе два дня – малую толику того времени, которое хотелось бы провести вместе, и целую вечность – по тому, что в это небольшое время вместились. И я попробовал поднять за ручку его 5-кг палку так, чтобы она образовала прямую линию с вытянутой рукой, – палка клюнула носом – Ион поднял и правой, и левой: за камерой я успел лишь потянуться, а заставлять Иона позировать не хотел – верьте на слово. Вообще хотелось побыть с ним, а не быть в роли протравленного к нему папарацци с беспрерывно щёлкающей камерой в одной и включённым диктофоном в другой руке. Что было – то было и как было – так и хорошо. Но одно хочу исправить ...

Когда мы уже прощались, Ион заметил, что в иврите нет слова «вы» и в наших «вы» было что-то неправильное. Я нечто вежливое, к случаю подходящее, промямлил... А сейчас, уже прожив этот наш с ним разговор заново, вижу, что он был прав, а я – нет. Не только и даже не столько в смысле языка – мы всё-таки на русском говорили, но и в буберовском смысле диалога «Я – Ты», и потому ещё, что в моём отношении к Иону очень много от отношения к отцу и старшему брату (если бы у меня был старший брат), которым говорил бы «ты», лишь подчёркивая им своё уважение... Это единственная сущностная правка, которую я, фактически следуя пожеланию Иона, внёс в наш разговор.

В.К. – Ион, я ждал нашей встречи, и я её робел, потому что...

И.Д. – О чём ты говоришь?!

В.К. – Да нет, я не о возрасте, я о биографии, в которой столько сошлось, столько в неё вместились, что не знаешь, с кем рядом сидишь – с историей или человеком: то ли встать навтыжку, то ли сесть поудобнее. Когда с тобой самим ничего даже слегка подобного не происходило и уже не произойдёт, естественно, и восхищаешься, и робеешь ... Но история сегодня пусть отдохнёт, я хочу не о ней поговорить... Я верю, что человек живёт не фактами, а значениями – вопросы мои будут больше о значениях, но это ни к чему тебя не обязывает – говори, о чём будет говориться.

И.Д. – Навтыжку только не надо – садись поудобнее, и я – тоже...

В.К. – Вот, ты раньше сказал об атравматической игле, которую впервые увидел в Израиле, а до этого, делая первую реплантацию руки, вынужден был обходиться без неё – кирпичом бриться, и ведь сделал! На фронт сбежал, когда керогаз был счастьем...

И.Д. – Керогаза я не видел – для нас вершиной был примус...

В.К. – ... который был счастьем, новый примус – огромным счастьем, а он же в своей комнате (о своей квартире и не заикаюсь) – счастьем невероятным, невозможным. Оказался на войне, когда оружием были нож, трёхлинейка, пистолет трофейный, с их помощью добытый...

И.Д. – Совершенно верно.

В.К. – Это было время, когда ты входил в жизнь. Скажу даже – «мы», потому что детство было наполнено тем же. Сейчас мы переписываемся по Интернету, летаем на самолётах...

И.Д. – ... смотрим на экран плазменного телевизора в полстены, забыли не то, что о стеклянной пластине, но и плёнке в фотоаппарате ...

В.К. – ... можем из космоса прочитать название статьи в газете у пенсионера на скамейке, обнаружить генерала Дудаева по его cell phone и лишить жизни при помощи ракеты «воздух – земля», оперируем, глядя не в раскрытое тело, а на монитор компьютера... Жизнь, которую просто невозможно было вообразить и которая продолжает изменяться со страшной скоростью. Как ты себя ощущаешь, как чувствуешь в этой новой жизни?

И.Д. – Знаешь, иногда – как пришелец на планете, на которой никогда не бывал. Смотрю на внука – как он работает на компьютере, когда пытается меня чему-нибудь научить. Я его спрашиваю: «Авиоз, скажи мне – в вашем классе может ещё кто-нибудь так, как ты?», а он: «В нашем классе все лучше меня могут». Я с удивлением смотрю на это поколение ... до меня просто не доходит... мы ругаем их: читать не любят, ещё что-то, думаем, что мы лучше. Да ничего подобного! Жизнь, которую я вижу сейчас, я воспринимаю, как ещё одно проявление чуда. Если бы ещё человек мог догонять дела собственных рук, если бы человеческая мораль могла идти вровень с техническим прогрессом, наверное, на Земле был бы уже Рай. Но пока его почему-то нет. А что касается того, как жизнь меняется... это уму непостижимо и, вместе с тем, воспринимается как совершенно обычное. Мы вошли в быт этой жизни, влезли в него, вползли и уже не думаем, не осознаём, что это – чудо. Но, увы, морально мы от него безнадежно отстаём, хоть нам и кажется, что мы впереди. Просто пока мы один круг проходили, это чудо прошло двадцать и дышит нам в затылок.

В.К. – Я так слышу, и по словам, и по тону, что жизнь эта при всей её сумасшедшей новизне вполне обжита и уютна...

И.Д. – Да, конечно, хотя можно и без всего этого. В палатке где-нибудь в лесу я чувствую себя ничуть не менее уютно. Приятно, конечно, выйти из душевой кабины, в которой танцевать можно, и погрузиться в джакузи ... Но в палатке на берегу озера я совершенно на своём месте и по джакузи не тоскую. Всё это замечательно и приятно, но круг того, что нужно, чтобы жить по-человечески, не этим очерчен. Сама жизнь не в этих вещах.

В.К. – Вот, ты говоришь о жизни, а я думаю, что немногим людям приходится встречаться со Смертью так, как ты с ней встречался – во всём её страшном и грязном обличье. И ты вторую жизнь живёшь. Как это для тебя? Что это для тебя значит?

И.Д. – Видишь ли, тогда я не осознавал этого. Когда я услышал, как заведующая отделением во время консультации профессора Чаклина [*ЧАКЛИН Василий Дмитриевич (13.03.1892-11.10. 1976, Москва), хирург-травматолог, орг-тор здравоохранения и науки на У., чл.-корр. АМН СССР (1945), д-р мед. наук (1935), проф. (1935), Засл. деят. науки РСФСР (1971). В годы ВОВ – консультант эвакогоспиталя – В.К.]*, приехавшего в наш госпиталь ... дело в том, что я был в сознании. Верхняя

челюсть была оторвана, гипсовая шапочка, под подбородком – гипс, всё это было скреплено, была проволочная рамка с подвязанным к ней прошитым языком, чтобы я в бессознательном состоянии язык не проглотил, всё было заплывшее, глаз не было видно ... заведующей, видимо, и в голову не приходило, что я в сознании ... когда Чаклин назначил мне внутривенно пенициллин каждые три часа, она воскликнула: «Василий Дмитриевич, ведь он же больше недели не протянет! Ну что же мы будем пенициллин выливать?! Ещё пятнадцать человек в палате, которым пенициллин для жизни нужен! Нельзя же так!». А Чаклин повторил: «Пенициллин внутривенно через каждые три часа!» И я подумал: «Старая дура! (старой дуре, между прочим, было 36) Недели не протяну?! Да я тебя переживу!». Я не осознавал близости смерти. Я понял, в каком состоянии был, только когда стал студентом-медиком – да и то не в полной мере. В полной мере я это осознал, когда Чаклин в день защиты моей кандидатской показал мне мою историю болезни. Вот тогда я понял! А так ... я, пожалуй, не могу ответить на твой вопрос...

В.К. – Как это для тебя сейчас – само знание, что уже был по ту сторону, был там, а вот – здесь и живёшь вторую жизнь?

И.Д. – Чудо! Когда я читаю о людях, побывавших в состоянии клинической смерти и помнящих то, что с ними происходило, я пытаюсь к себе это приложить. У меня был такой случай – мой пациент рассказывал мне, а я удивлялся этому и ходил по клиникам, проверяя, не рассказал ли ему кто-нибудь, что я делал... он действительно всё это видел и переживал. Нет, я ничего такого не видел, ничего не осознавал, ничего не помню ... Но вкус жизни изменился – каждый её момент стал целой жизнью, ценностью.

В.К. – Что такое для тебя война, Ион? Она была такая, какая была. Но, как и всё в жизни, потом, по мере жизни, она в представлении, в переживании как-то меняется, картина её изменяется. Что она такое для тебя сейчас, сегодня?

И.Д. (*после паузы*) – Вот эта книга – «Война никогда не кончается». Она действительно никогда для меня не кончается. Она всегда продолжается. И очень многие вещи воспринимаются сквозь неё. До сих пор мерилom многих вещей, мерилom моего поступка является то, как бы я повёл себя в такой ситуации там, на войне.

Вещь, которая может показаться смешной. Я награждён тремя польскими орденами, в том числе и самым почётным польским боевым орденом – *Virtuti Militari*. Награждён ни за что. Понимаешь – абсолютно ни за что. Если сравнить то, за что мне его дали, с любой моей танковой атакой, это – ничто. Дело в том, что восьмого июля сорок четвёртого года мой взвод был внезапно передан в 184-ю стрелковую дивизию, и нам сказали, что мы можем посмотреть кино, насладиться вечером... А в Вильнюсе был самый настоящий ад: поляки Армии Крайовой Андерса, воевавшей под командованием англичан, – против немцев. Нас в бой специально не пустили, чтобы немцы поколошматили поляков, поляки – немцев: такой «намёк» союзникам. В бой мы вступили только на следующий день, мой танк был подбит, я пересел в другой... Вижу – стоит группа польских офицеров. Мне стало стыдно за вчерашний день. Я вылез из танка, подошёл к ним – их знаков различия я не знал, оказалось потом, что обратился к полковнику – и спросил, могу ли чем-то помочь. Если бы ты видел выражение лица этого полковника! Он потерял дар речи. Потом: «Вы мне можете очистить эту улицу от пулемётов?». Я говорю: «Попытаюсь». Он спросил мою фамилию – я сказал. Он велел

адъютанту записать моё имя – наверное, по имени и фамилии понял, что я еврей. Я очистил эту улицу от пулемётов.

Это было ничто. За пять дней боёв в Вильнюсе этот эпизод с улицей был действительно ничто. И вот за это ничто я получил столько всего! Как мне потом сказали в Польше: «Вы получили орден за то, за что Вы могли получить пулю в СМЕРШе – за то, что Вы сделали. А Вы всё-таки это сделали». Почему я это сделал? Я просто не мог этого не сделать – это был бы не я, если бы не сделал. Так что и в жизни послевоенной я многое измеряю мерками войны – сделал бы я это или нет? Иногда я делал, преодолевая свою дикую трусость. Думали, что я герой. Я не был героем – я был трусом, но страшно боялся, чтобы не увидели, что я трус. Война – мерило, тот метр, которым я измеряю расстояние своей жизни.

В.К. – Может быть, перескакивая, но на самом деле – в связи с этим: в одном из прошлых интервью ты говорил, что был юным фанатиком, беззаветно преданным коммунистической идее, а потом – о ключевом эпизоде, когда твоя главврачиха окрысилась на евреев, и у тебя в душе повернулся ключик. Но он мог повернуться, только если замок был смазан – если ты был готов к этому повороту. Озарение происходит внезапно, но готовится долго. Вот ты – человек, воевавший и погибавший за эту страну, патриот выше крыши... что в тебе бродило, что сделало возможным поворот ключа? Тысячи людей слышали такие вещи, а ключ в них не поворачивался. И ты до этого слышал – не мог не слышать, а он не поворачивался. Директору института, от которого многое в твоей жизни зависело, в морду за это дал, а ключик не повернулся. А тут повернулся. Что всё-таки сделало возможным этот поворот?

И.Д. – Знаешь, это было не внезапно. Даже когда дверь открываешь, делаешь два поворота ключа: открывающий замок и отпускающий ручку. Наверное, да – поворотом ключа были слова моего главврача о том, что страдают несчастные египтяне на Синае от евреев. Почему они страдают от меня с моим требованием, чтобы в операционной были инструменты?! И рассказы о евреях, всюду заставляющих людей страдать... Потом был разговор с дворником Андреем, у которого я попросил Библию почитать и который не сразу – естественно, боялся, но всё же дал. Прочитал. Стал верующим евреем. Но тринадцать лет оставался тем же патриотом, коммунистом. Ключ уже повернулся, но я продолжал быть истовым и законопослушным советским гражданином. Видел уже многое, как верующий еврей, продолжая быть коммунистом. И только когда мне мой сын открыл глаза, ключ повернулся второй раз. Сын вышел из своей комнаты с раскрытой книгой Ленина: «Папуля, ты читал эту статью?». Я спрашиваю – какую? «Партийная организация и партийная литература». Конечно, читал. Он говорит: «И ты считаешь, что родоначальник фашизма – Муссолини, а не этот твой с нимбом вокруг лысины?». Я наорал на него так, что потом должен был просить у него – 15-летнего – прощения. А он сказал: «Посмотри, это же 1916 год – эта статья, это же фашизм» и ушёл в свою комнату, оставив книгу у меня на столе. Я стал просматривать статью: «Ёлки зелёные! Я же её читал! Как же я так читал, что не заметил того, что 15-летний мальчик увидел?!». И вот это был второй поворот ключа. Вот тут я перестал быть коммунистом. Это было в шестьдесят девятом. Партбилет я не выбросил, но стал чемпионом Советского Союза по непосещению партсобраний. 25 месяцев подряд у меня были совершенно уважительные причины для отсутствия: срочная операция, лекция, командировка – я никак не мог попасть на партсоборание, быть на котором мечтал (смеётся).

В.К. – Час назад ты вспомнил, как рассказал, вернувшись в часть, полковнику Драгунскому [*Давид Абрамович Драгунский – см. в ru.wikipedia.org – В.К.*] об обещании выдать тебе твою звезду Героя Советского Союза в случае поступления в институт танковой промышленности, а «Не пойдёшь в институт – о Звезде забудем», и он тебе сказал: «Мальчик, уноси ноги в другую сторону от этих антисемитов». Это не готовило поворот ключа?

И.Д. – Нет! Но много лет спустя жена мне дала «Правду» со статьёй Драгунского, подписанной «генерал-полковник танковых войск». А я ей говорю: «Ну, ты же знаешь, как подписала такую статью наша знакомая народная артистка, и я с ней из-за этого не разговаривал, а на самом деле она в это время была в больнице и представления о статье не имела. Вот так и Драгунского подписали». И знаменитая телепередача – не помню год, м.б., шестьдесят девятый, в которой я увидел Драгунского. Это был уже не тот Драгунский, которого я помнил по войне. Ты знаешь, я чуть не заплакал, чуть не заплакал ... Герой! Настоящий герой Драгунский – и вот такое ничтожество в гражданской жизни. Для меня это было потрясением. Я был уверен, что так себя не повёл бы, хотя, конечно, не был таким, как Драгунский – до того, каким я его знал когда-то, мне было далеко...

В.К. – Как сказал замечательный русский поэт: «Ещё страшней и тяжелей бои, когда они без грохота и дыма...»

И.Д. – Да-да, это совершенно точно.

В.К. – ... но ключ повернулся, дверь открылась – и вот ты в Израиле. В жизни часто как в анекдоте. В еврейской – особенно. «Как ты там? Тоскуешь по России? – Ещё чего? Что я – еврей, что ли, чтобы по России тосковать?». Об эмиграции говорят, как о тяжёлой ломке. Это было для тебя ломкой?

И.Д. – Нет, ничуть. Просто, оказавшись в Израиле, я увидел, что идеализировал его. Когда мы приехали, некоторые вещи меня восхищали до состояния почти неприличной эйфории. Но были и вещи, которые меня возмущали и мне хотелось дать по морде. Но это не было для меня ломкой – переходный период, когда я привыкнуть должен был, да, но не ломка. Мне было хорошо. Мне просто было хорошо. И до сих пор есть вещи, которые не по мне, и кандидаты на получение по морде есть, хотя я стал значительно терпимее. Когда наш нынешний президент вошёл – он тогда был премьер-министром (*Шимон Перес – А.М.*), мы сидели, он вошёл, все встали, а я продолжал сидеть. Он проходил мимо и положил мне руку на плечо, а я брезгливо сбросил её. При всём моём уважении к нашему государству, его гимну и флагу (может быть, не поверишь, но я всюду, куда ни приезжаю, на гостиницах ищу среди флагов наш, нет нашего флага – это для меня не гостиница), к президенту у меня отношение до сих пор не изменилось, так что я и сейчас бы его руку с плеча сбросил. Но это – моя страна. Со всеми её пороками, а всё-таки самая лучшая страна. Всё-таки самая лучшая!

Мы с женой были в 65-ти странах (до Израиля я был невыездным – почему, до сих пор не могу сообразить), нет штата в Америке, включая Гавайи и Аляску, в котором бы мы не были...

В.К. – В Техасе вы только не были...

И.Д. – Как это не были?! Естественно, были – мы не могли не быть в самом большом штате Америки. В конце концов, надо было увидеть техасских кузнечиков, хоть они и поменьше немного, чем кенгуру ... И всюду интересно, всюду что-то своё замечательное, но лучше Израиля... нет, лучше Израиля нет.

В.К. – Об Израиле говоря, мы, так или иначе, говорим о Боге. Что для тебя за этим словом стоит, что такое для тебя Бог?

И.Д. – Я не могу это сформулировать, не умею. Меня можно бы, наверное, назвать деистом. Я понимаю, что что-то существует – не нарисованный боженька, которого на иконах можно видеть, но – что-то ... Я не знаю – что это. Я знаю, что не бывает случайностей – например, мы с тобой не могли не встретиться, и я Ему благодарен за то, что Он эту встречу организовал...

В.К. – ... а уж как я благодарен...

И.Д. – Нет случайностей. Как-то Эйнштейн сказал Великовскому, мол, случайным может быть положение кресла в моём кабинете, а то, что два таких сумасшедших, как мы, встретились и не могли не встретиться, это не случайно – это совершенно определённо. Кстати, потом нашлись специалисты по истории науки, использовавшие это как доказательство того, что Эйнштейн считал Великовского сумасшедшим.

В.К. – Деизм деизмом, но ты так знаешь иудаизм...

И.Д. – Но обрати внимание: нигде в Торе ты не увидишь Бога, как личность, ни в одном – нет такого места в Торе. Борух Ата А-дой-ной ... – Благословен Ты – Творец Вселенной. А что – Творец Вселенной? Как он выглядел? Что было причиной Большого Взрыва? Нет в Торе определения-описания. Известно, что что-то существует, что-то происходит и кто-то это всё делает. Но кто – мы не знаем, и имени не знаем. Я могу сказать «Ата», могу сказать «Элоһейну», что угодно могу сказать – это не имя, нет имени! Но даже то, что есть, не произноси всуе. Не надо! Не надо!

В.К. – Да ... религия часто кажется сковывающей. Иудаизм создаёт для тебя какие-то рамки, ограничения?

И.Д. – Да, рамки есть – 613 мицвот, вещей, которые надо или не надо делать. Я не выполняю все подряд 613. Это совсем не значит, что я тот еврей, о котором:

«Еврей? Скажи, где синагога,

Свинину жрущий и насквозь трэфной,

Не знающий ни языка, ни Бога,

Да при царе ты был бы первый гой».

Я уже и язык знаю, и свинину не жру (хотя и любил её очень) – да наша израильская ветчина из гусятины вкуснее свиной. Но даже в рамках иудаизма мы себя не ограничиваем ни в чём, ни в каких удовольствиях – мы просто правильно получаем удовольствия. Но я очень поздно вошёл в это. Сыну значительно легче, чем мне, а о

внуках и говорить не приходится – они рождены в этом. Я сижу на пасхальном седере недавно – я уже не неофит, но стараюсь не читать «Агаду», пусть читают её другие, потому что для них это легко, естественно, а для меня всё-таки усилие. Иврит знаю, но книги на нём читать – для меня до сих пор работа, а не удовольствие. На английском проще. Но настоящее удовольствие я получаю, только читая на русском. Увы!

В.К. – Ну почему «Увы»? Так жизнь сложилась. Головой я понимаю, что можно жить в другом языке, работаю на нём ... Но каждый язык – грань человеческого ума, исчезают языки – ум человечества беднеет. У чукчей для обозначения снега в марте больше тридцати слов...

И.Д. – Вот-вот, я это часто говорю израильтянам: ну, не могу я тебе перевести слово «валенки» в моём стихотворении – нет у нас такого, как я могу объяснить это? «Сапоги, сделанные из...» – ну, невозможно. Валенки, пимы ... И в иврите своё непередаваемое есть. Есть у меня стихотворение «Скажи мне, Господи, обязан я покаяться за то что заповедь нарушил «Не убий...» и т. д. Я говорю в нём, чего я не знал, а в Торе есть и объясняется. Например, когда ты убиваешь в бою, это не убийство. В иврите есть два разных слова: одно – для обозначения убийства, когда старушку топором и т. д. это «рэцах», а в бою – «харига», это не убийство, оно оправдано жизнью.

В.К. – Тут у меня профессиональное играет... Если помнишь, у Балтера в «До свидания, мальчики» первый убитый им немец – это потрясение, ему открывается, что он *убил человека*. Но владей он ивритом, это не было бы таким потрясением, чтобы много лет спустя в тексте романа звучать.

И.Д. – Наверное, я был уже евреем в этом смысле. Я вспоминаю первого своего убитого немца – для меня это не было убийством. А через год, даже больше, мы выходили из немецкого тыла, и надо было снять двух часовых. Мой подчинённый – Степан Лагутин с ручищами больше моей головы – своего немца просто задушил, а я своего – кинжалом сверху над ключицей, кровь ударила в меня и меня начало рвать. Степан зажал мне рот своей лапой, но уже было поздно – звуком я успел выдать нас, немцы открыли огонь и я был ранен. Вот для меня это было убийством – когда я непосредственно убил, вот так, ножом. А ведь до этого уже не одного немца убил. Но на расстоянии. Даже застрелил фельдфебеля в упор – это для меня не было убийством. Для меня это было «харига» – то, что в Торе написано. А вот снятый через год часовой – «рэцах»: я его зарезал...

(Пауза)

В.К. – Да, как в Одессе говорят, что-то мы всё о весёлом, да о весёлом, давай о чём-нибудь грустном...

И.Д. *(улыбается)* – Да...

В.К. ... – о медицине. Читаю твои «Портреты учителей» и рассказы о медицине: мало того, что учусь, но и переносюсь в прошлое – к своим первым учителям в медицине, настоящим врачам. Ты – из них.

И.Д. – Спасибо большое. Я не ожидал получить от тебя такое...

В.К. – А как иначе, Ион, если это так? Есть служащие в медицине, есть живущие в медицине и медициной. Ты – из вторых. Но в любой работе есть свои минусы, свои издержки, которыми мы платим за удовольствие работать. Что для тебя эти минусы?

И.Д. – Много минусов. Начнём с того, что – не удивляйся! – для меня мировая фармацевтическая промышленность это несчастье медицины. Звучит парадоксально, правда ведь?

В.К. – Не скрою – да.

И.Д. - Какие сейчас изумительные лекарства есть! Но всё равно, то, что делает фармацевтическая промышленность, это преступление против настоящей медицины. Та же магнитотерапия, которая могла бы помочь очень многим больным... Но она же не принесёт такого дохода, какой приносят лекарства...

В.К. – Ион, мне кажется, я понимаю, о чём ты, но когда мне утром принятая маленькая такая таблеточка позволяет до следующего утра о давлении не думать, я, вроде как, и благодарен этой самой промышленности...

И.Д. – А ты не пробовал что-нибудь другое? Мы не можем починить электронные часы кузнечным молотом, а таблеточка твоя маленькая – молот. Может быть, достаточно полповорота тоненькой отвёрточки? Может быть, достаточно было бы команды организму самому справиться? Он же сам себя ремонтирует. На лекциях, когда мне на это говорят: «Но ты же хирург!», я говорю: «Назовите мне хоть одну операцию, которую я делаю не для того, чтобы помочь организму, а вместо него». Даже ампутацию я делаю не потому, что конечность сама не отпадёт – отпадёт за милую душу, но до этого продуктами распада будет долго отравлять организм, а я должен предупредить это. Я помогаю организму. И если бы медицина развивалась по пути помощи организму, а не замещению его в производстве здоровья... Но то, что она делает, это заработки, это «Деньги или жизнь»...

В.К. – Ион, прости, но ты, похоже, в атаку на фармакологическую промышленность и технологии всю свою танковую роту поднял... Я правильно понимаю, что у тебя две претензии серьёзных – деньги и замещение вместо поддержки?

И.Д. – Совершенно верно. Возьми антибиотики. Меня спас пенициллин. Сегодняшние антибиотики примерно в 350 раз сильнее того пенициллина. Мог бы он сегодня меня спасти? Нет. Появились пенициллиноустойчивые формы микроорганизмов. Кто виноват в этом? Мы – врачи. Потому что давали на каждый чих.

В.К. – Что – на чих? Человек ещё чихнуть не успел – только простыл, а ему уже эту противомикробную атомную бомбу выписывают. Зачем? Говорят – для профилактики инфекции. Что бьём-то, когда ещё микробной инфекции нет? То есть, такая тактика выжженной земли: чтобы уж ничего не прорастало...

И.Д. – Вот, вот – именно об этом и речь, мы с тобой одинаково это видим...

В.К. – Помню первую свою «клизму» за такое видение. Когда учился, гормоны только входили и нам показывали девочку с успешно вылеченной гормонами ангиной чутко потяжелее обычной. А я поинтересовался тем, как будет с воспроизводством, если несколько поколений девочек так хорошо от всего полечить гормонами?

И.Д. – Ну, кто мне скажет, зачем и почему мы вводим кортизон в места артритических болей, устраивая дикую встряску всему организму?!

В.К. – Потому что *так надо!* Я начинал в медицине, свободной до безобразия: твори, выдумывай, пробуй. Пожурят, конечно, если больному на вторые сутки после инфаркта вместо всех лекарств назначишь пить томатный сок, потому что слышал что-то о его сердечной полезности, но не более того. И всё же у думающего врача возможность творчества была. Сегодня – добавим это к деньгам и замещению – медицина зарегулирована: шаг влево, шаг вправо от инструкции тяжело карается. Первой задачей образования становится научение правильно читать и понимать инструкции. Творчество существует на долечном только этапе.

И.Д. – Да, протокол! Мы эти три беды очень похоже видим...

В.К. – Если бы только три ... В начале 1990-х мне попался рисунок: территория госпиталя со множеством дорожек и указателями «Сердце», «Желудок», «Глаза», «Ноги» и т. д. – все органы и системы. А посреди всего этого благолепия – растерянный пациент, спрашивающий: «А человеку куда?». С тех пор стрелок стало больше – вместо «Рука» уже «Плечо», «Предплечье», «Кисть». Узкая – такая узкая, что человек перед ней, как верблюд перед игольным ушком – специализация. Когда-то А. Райкин над так пошитым костюмом смеялся. А когда уже не о костюме, а обо мне любимом речь, то не до смеха становится. А всё-таки в восхищении от неинвазивной хирургии замрешь. Но ведь и представления о танковой атаке изменились с появлением ПТУРСов, беспилотников и самонаводящихся ракет. Главной деталью любого механизма, как в «Двух бойцах» сказано было, является голова его хозяина. Дай Бог, чтобы и в медицине эта деталь была в порядке.

Но – ближе к телу ... Кончается война. 20-летний Ион Деген в том состоянии здоровья, в котором многие уходили в запой и уже из него не возвращались...

И.Д. – Нет, выпить мог и пары стаканов спирта не боялся, но это – не моё...

В.К. – И выбор: звезда Героя и танковая промышленность – литература (оживший автор знаменитого стихотворения) – медицина. Не жалеешь о сделанном выборе?

И.Д. – Танковая промышленность прекрасно обошлась без меня, а я – без Звезды, хотя приятно было бы. Поэзия? Есть у меня стихотворение среди тех, что не публиковались:

Ты говорил мне – сделайся поэтом.
Меня ж Асклепий звал к себе упорно.
И я пошёл и всё иду по этим
по тропам трудным, путаным и торным.
Но славы мне не надо ни полушки.
Ну что – поэзия? Скажи, что может слово?
Ведь был Овидий и Шекспир, и Пушкин,
а человечество всё так же нездорово.
А скальпель может! Теплотой согрет он,
и ты порой подобен Демиургу.

Как хорошо, что я не стал поэтом!
Как хорошо, что сделался хирургом!

В.К. – Ион, ты оставил писательство свободным, каким ему, собственно, и надлежит быть, чтобы – воспользуюсь словами А. Межирова: «Не вмешиваться в грязные дела и не бороться за существование»...

И.Д. – В девяносто пятом году я выступал на презентации своей книги «Война никогда не кончается». И поднялся поэт – Борис Камянов: «Ион, дайте мне свою фотографию, на обороте напишите номер удостоверения личности – это для вступления в Союз Писателей Израиля». Я говорю: «Борис, а зачем это мне нужно? Я член профсоюза врачей Израиля – с меня этого достаточно». Зачем мне ещё писательский союз – тем более что я писателем себя не считаю? Я – рассказчик. И в прозе, и в стихах - рассказчик.

В.К. – Но для тебя же это что-то значит, занимает какое-то место в душе. Что такое для тебя – писать?

И.Д. – Ну, как тебе сказать? Напротив нашего дома парк. Очень приятный такой парк Гиватаим. Гуляю – вдруг появляется какой-то ритм, что-то вспоминаю или что-то вижу. И совершенно случайно наматывается стихотворение. Возвращаюсь домой и записываю. Вот и всё писательство. Править я себя не умею. Я себя не слышу. В твоих стихах я немедленно увижу не только опечатку, но и слово, которое хотел бы заменить... А себя я не слышу. Я не знаю, как оно написалось. Я как тот узбек на осле – что вижу, о том пою.

В.К. – Что касается «заметить». В моём стихотворении «День памяти» ты – единственный, кто заметил мой арифметический ляп. Борис Кушнер – поэт и профессиональный математик – не заметил, никто не заметил, кроме тебя.

И.Д. – Да не может быть! Но ... есть две вещи, которые замечаю сразу: в стихах нестыковки и в оркестре фальшь какого-нибудь инструмента. По спине проходит такое неприятное чувство, будто противное насекомое ползёт, – это ужасно. Например, я страшно боюсь начала – это какая, вторая, по-моему, часть пятой симфонии Чайковского, где соло валторны (*напеваает*) – здесь часто фальшивят, ну, убил бы...

В.К. – Как ты так с музыкой познакомился?

И.Д. – Нигде я с ней не знакомился – я её просто люблю. Ну, и память музыкальная. Я понятия не имел о том, что такое абсолютный слух, пока не услышал, что у меня он есть. Мы сидели со скрипачом второго пульта первых скрипок нашего оркестра в Киеве – мы были очень дружны – сидели, ожидая начала исполнения скрипичного концерта Мендельсона. Он спрашивает о тональности – я насвистываю. Он говорит: «Вы уверены?». Я спрашиваю: «Я ошибся?». Он: «Я не знаю».

– То есть, как не знаете, Вы же музыкант?!

– Ну да, я музыкант – смотрю в ноты и знаю.

Меня это страшно удивило. Начался концерт, он посмотрел на меня: «Удивительно – как же Вы так точно?!» Не знаю – так оно звучит. Я не могу это

объяснить – так слышу и всё, значит, так оно должно быть. Жена всегда знала, как у меня идут дела. Когда докторскую писал, если шло туго – слушал Моцарта, если всё хорошо – Бетховена.

В.К. – С тобой не заскучаешь, Ион – ты полон чудес. Тогда уж скажи, как пришла идея магнитотерапии? С тех пор как месмеровский магнетизм оказался «просто гипнозом» («Просто гипноз» – о том, что до сих пор объяснить не могут, хорошо звучит, правда?), он проходил как-то больше по разряду шарлатанства...

И.Д. – Это забавная история. Я с детства любил магниты – любил играть с ними. И в ящике стола на работе у меня была дюжина твердосплавных магнитов. Появилась 18-летняя девушка, которую в 15 лет я оперировал по поводу какого-то пустяка на предплечье. У неё образовался келоидный рубец – раз рубец после моей операции, значит, я и виноват, ко мне она с этим не пошла, а пошла к очень хорошему хирургу – моему коллеге и другу, который удалил этот келоид. Я его потом спрашивал: «Пётр Васильевич, как Вы могли её прооперировать?». Он говорит: «Не знаю. Чёрт попутал». Был у красивой девочки некрасивый келоид, но не болезненный. После удаления возник значительно больший, сине-багрового цвета и с дикой болезненностью. С этим она пришла теперь уже ко мне. А я только перед её приходом видел в физиотерапии, как индуктотермию проводят. И подумал: «Зачем для вызывания тепла токи высокой частоты, если есть тёплая вода, парафин? Но ведь проводят её зачем-то». И когда эта девочка появилась, я решил, а, дай попробую, хоть и помнил ещё с 3-го курса, что магнитотерапия это шарлатанство в медицине. Я ей из этих 12-ти магнитиков сделал браслет, так что её келоид оказался между полюсами первого и двенадцатого магнитов. Через три дня боли прекратились. Смотрю – и цвет стал немного другим. Стал наблюдать за этим келоидом. Он стал потихоньку проходить. Тогда я сделал аппарат постоянного магнитного поля, переменного, стал экспериментировать, набирать больных, пробивать лбом железобетонные стенки препятствий, ставившихся на каждом шагу. В Израиле с этим оказалось проще – тоже стенка, но из ваты.

В.К. – И еще вопрос, Вот-вот начнётся последний месяц перед днём рождения. Астрологи говорят, если память мне не врёт, что он потруднее других месяцев.

И.Д. – Не знал...

В.К. – Говорят ... Ты его проведёшь в кризисе, в гостях, с родными ... Но через месяц – день рождения. Что такое для тебя – твой день рождения?

И.Д. – Удивить тебя?

В.К. – Мне кажется, я так тобой удивлён, что больше уже невозможно...

И.Д. – Я терпеть не могу этот день! С детства терпеть его не могу! А не люблю почему? Отец умер, когда мне было 3 года. Остался я на руках мамы – *вдовы буржуа*: отец был знаменитым фельдшером и считался очень состоятельным человеком. А для того, чтобы похоронить его, пришлось продать его костюм. Выяснилось, что вместе с рецептом он мог под подушкой у пациента оставить деньги – не взять у пациента, а оставить ему. Мама, будучи медсестрой и фармацевтом, пошла работать чернорабочей на завод. Ночные смены. Я в 3 года оставался один в доме – со страхами и всем таким ... В детском саду – в дни рождений приходили мамы и устраивали праздники, а моя мама могла себе позволить придти только с конфетами и раздать их – вот и весь

праздник. Я себя чувствовал ущербным в эти дни. В школе всегда в этот день экзамены. В институте тоже. Ну как это любить?!

И праздную я не день рождения, а 21 января – день моего последнего ранения, когда я был убит. Вот это день моего рождения!

Фото В. Кагана

Очень часто вижу людей изрядно моложе себя, но со взглядом, подёрнутым старчески-молочной плёнкой безразличия – их ничем не удивишь, ничем не заинтересуешь. Ион в свои без месяца 84 – человек с ясным взглядом.

Иону Дегену

Дела давно минувшей старины,
столетья прошлого кровавые страницы.
Бог миловал меня от той войны,
но подарил возможность в ней родиться.
И рваный шрам на голове отца
я трогал, от восторга холодея:
«Он воевал!», с наивностью мальчика
мечтая, что на третью я успею.
И дух победы надо мной витал,
маня дурной лубочной красотой.
Отец ушёл — и я мужчиной стал.
И мать ушла — остался сиротою.
Теперь, когда за ними скоро мне,
среди благополучного покоя
непознанная правда о войне
дымится кровью над скупой строкою.
И я молюсь, чтоб их оберегло —
всех тех, кто это злое время оно
взял на себя и выжил злу назло,
как в чреве дага* яростный Иона.
***

Сорок печальный, сорок проклятый,
сорок растерянный, сорок святой,
сорок невинный и виноватый,
сорок кровавый, сорок простой...
День за три года, год за полвека.
Жизнь — паутиной в горящем лесу,

лучиком сквозь обожжённое веко,
жилкой височной дрожит на весу.
Сорок весёлый хрупкой пластинкой
хрустнул под болью чёрной луны.
Мальчик выходит, взмахнув хворостинкой,
против быков разъярённых войны.

***

Тогда, в свои шестнадцать лет
шагнувший в пекло преисподней,
он, божьей милостью поэт,
мудрее был, чем я сегодня.
Напластование времён
я чувствую душой и кожей.
Старею, стало быть. А он —
он и сейчас меня моложе.

***

Солнце тлело вполнакала.
Смерть шептала: «Не дыши!»
Жизнь по капле вытекала
из простреленной души.
Без конца минута длилась.
Жизни бился бледный блик.
Бог войны дарил, как милость,
прерывающийся миг.
Вдоху не хватало тела,
выдох воздух ртом хватал.
Долго звёздочка летела
на алеющий протал.
Облака тянулись к раю.
Адом чёрный снег пропах.
Проступала соль земная
на искусанных губах.
Отражались в роговице
пух земли и неба твердь.
Умирал, чтобы родиться,
в жизнь переплавляя смерть.
И душа, изнемогая,
отлистнула календарь.
Начиналась жизнь другая.
Двадцать первое. Январь.

***

Мальчик, бредящий о любви
и не знавший ещё любви,
шёл сквозь чад обугленной крови,
омываясь в своей крови.
Небеса оплывали мороком,
он от них уплывал в забытьё,
с того света доставленный волоком
в эту жизнь, чтобы делать её.
А она обернулась не сказкой,
не журавликом с неба в горсти.

И судьба то лаской, то таской
не давала сойти с пути.
Годы страшные и прекрасные.
Силу не растеряла соль.
На снегу проталины красные
и второго рождения боль.

***

На земле обетованной
просыпаешься в поту —
память жмётся рваной раной
к подорожника листу.
И восставленный из смерти
улыбаешься себе,
жизни смертной круговерти,
взявшей за руку судьбе.
И ведёшь судьбу по бритве.
День другому дню пролог.
Дань труду, любви, молитве.
Остальное знает Бог.

***

Завершает июнь превращенье
года прошлого в будущий год.
Против ветра и против течения
твой кораблик упрямый плывёт.
За кормой остаются буруны,
сединай серебрятся борта.
Ты такой же, ты всё ещё юный,
только жёсткие складки у рта,
только память прошита войною,
как любовью кисет с табаком.
Кровь твоя шелестит под страною
и гудит по ночам под виском.
Ты убит и восставлен из смерти,
чтобы жить, как живёшь — за троих.
В тополиных снегов круговерти
круг рождений вершится твоих.
И спускается с неба журавлик,
и с ладони синица клюёт,
и по синему морю кораблик
против времени ветра плывёт.

***

От лета до зимы и от зимы до лета
то осень, то весна, то проблеск, а то блик.
Молитва в алтаре промозглого кювета
под сенью на ветру поникших повилик.
Молитва наугад — наитье, откровенье:
спаси и пронеси, дай выжить, не убей...
Обугленной души молитвенно паренье.
Клюёт с ладони жизнь озябший воробей.
И к мигу миг прильнёт короче свиста пули,
и каждый миг, как дар, намоленный в огне.

А те, что на груди у смерти прикорнули,
молитву за живых бормочут в вечном сне.
Им тихо вторит Бог дрожащими губами
и посреди войны под мать и перемать
безбожником стоит с поднятыми руками
в молитве и тщете спасать и сохранять.
И месяц с кровью грязь безбожники и боги —
теперь ли разбирать, кто свой, а кто не свой?
Закуришь на краю раздолбанной дороги —
спаси и пронеси ... спасибо, что живой.

***

Сводит зубы попытка вдоха.
Меч дрожит на продрогшем луче.
Воробей— весёлый пройдоха
на впитавшемся в снег кумаче.
Ищет крови опохмелиться
бог войны и подносит война —
вся в крови и гное блудница.
Лейтенант трети сутки без сна.
К двойке лепится единица.
Снова смерть накрывает фуршет.
Три по двести. Он будет сниться
семь десятков посмертных лет.
Будет сниться, не переставая,
оглушать наяву и во сне.
Проступает вода живая
солью пота на простыне.
Голоса оживают и лица,
боль и ярость, нежность и страх,
и надежды тлеет крупица
на растрескавшихся губах.
Жизни ствол прорастает из боли
в три обхвата, листвою шурша,
и под кроной покоя и воли
жизни радуется душа.

***

Тихий снег над грохочущим миром
продолжает идти, как тогда,
когда Бог онемел над клавиром
и катилась под траки звезда.
Двадцать первое. Смерть. Воскресенье.
Сорок пятый. Военный. Январь.
Кровь заходится в белом каленье.
Небо рушится в жирную гарь.
И ни жалости, ни снисхожденья
не прося, ткнувшись в землю страны,
обретаешь второй день рожденья
вопреки провиденью войны.
И звезда над твоею судьбою
подмигнёт сквозь года январю.

И молитвы слова — не мольбою,
только: «Господи, благодарю».

***

Расставлены все знаки препинанья,
дописана последняя строка.
Нам негасимый свет воспоминанья.
Тебе свободный путь за облака.
Судьба завершена. И не роптанье,
не причитаний мутная река —
скорбящих кадиш и в любви признание.
Колышет саван ветерком слегка.

Но есть талант и воля...

С Ионом Дегеном мы познакомились на открытии памятника советским воинам в Нетании в 2012 году. Это было знаковое событие, с большим общественным резонансом, с участием президента России и руководства Израиля. РЕК являлся генеральным спонсором строительства этого мемориала, опекаем его до сих пор.

Тогда мы впервые привезли большую группу российских ветеранов войны, устроили очень трогательную их встречу с ветеранами, живущими в Израиле. Среди израильских был и Ион Деген. Но говорить о нем как об одном из многих некорректно. Он, конечно, выделялся на любом фоне.

Его статья, остроумие, обаяние привлекали внимание сразу. А когда я поговорил с ним, услышал его историю, восхитился ею, мне стало ясно, что не делиться им нечестно. Он воплощал в себе образ героя войны, еврейского героя – все, что можно и невозможно было бы придумать о подвиге победителей нацизма, об этом поколении, для гордости народа, и еврейского, и советского, - было сосредоточено в нем. Мне показалось исключительно важным ввести Дегена в российское информационное пространство – чтобы люди узнали его и впечатлились им так же, как я.

Я сразу же пригласил его в качестве почетного гостя Российского еврейского конгресса в Москву. Он приехал. Увидел современную Москву – людей, давно не бывавших в столице, она действительно поражает. Мы организовали множество встреч с Ионом – с ветеранами, историками, еврейскими деятелями, журналистами...

Думаю, именно после этого визита он стал широко известен в России. Появились публикации о нем, интервью с ним, его стали звать различные российские структуры на различные мероприятия. Он не то, что вошел в российское информационное пространство, чего хотел я, приглашая Иона в Москву, - он превратился еще и в российскую знаменитость.

А у нас с ним возникли и личные дружеские отношения. В тот его первый приезд я повел Иону на концерт моего друга Владимира Фельцмана - выдающегося пианиста, сына знаменитого композитора Оскара Фельцмана, с которым я тоже дружил до последних его дней. После концерта пошли вместе в ресторан. И тут Иона удивил меня еще раз – тем, как глубоко, эмоционально он воспринимает музыку.

Потом мы встречались не раз – и в Москве, и в Израиле. Мы с женой бывали у него дома, в Гиватаиме – Ион с супругой (тоже, к сожалению, недавно ушедшей из жизни) пригласили на обед. Очень вкусно поели и даже выпили – Дегену было уже под 90, но он умел держать чарку, как фронтовик.

Мое главное впечатление о нем – ну, кроме общепризнанных вещей: ума, таланта, мужества, обаяния, - что это был сгусток воли. Отвлечемся от его военных подвигов, от поэтического таланта – все это высшей пробы, общепризнанно. И его достижения в мирной жизни известны. Но не все отдают себе отчет в том, что то, чего он добился в тех условиях, в той обстановке, в которой жил, - свидетельствует об уникальной силе –

именно духа и воли.

Стать хирургом с перебитыми кистями рук, хирургом, который проводил многочасовые операции, стоя на протезе, стать доктором медицинских наук в самые антисемитские времена в Киеве... Может, быть только люди моего поколения понимают, что это такое.

В этом славном городе еврейские ребята уезжали, Бог знает куда, чтобы получить высшее образование, – в Киеве не принимали евреев в институты даже на самые массовые тогда инженерные специальности – «закрытый город». Чтобы сделать карьеру, добиться высот в медицине, в хирургии, в медицинской науке – надо было бежать оттуда без оглядки. Так, кстати, и появлялись медицинские светила-евреи в провинции – потому что в центральных городах им ходу не было. Как думаете, почему великий хирург Илизаров, автор метода восстановления конечностей, используемого ортопедами во всем мире как азбуку, открыл свой институт в Кургане? Что, там какая-то уникальная медицинская база была? Просто только в такой глухой провинции никому не было дела до его пятой графы.

А Ион Деген стал врачом, хирургом, профессором (правда, докторскую ездил защищать в Москву) именно в Киеве, где пробыть к любимому делу, а тем более, достичь в нем высот, было труднее во сто крат.

У меня ощущение, что, несмотря на то, чего он достиг в жизни – и в литературе, и в медицине, и в науке, несмотря на славу, которая была у него на закате жизни всемирной, если считать «русский мир», на признание в Израиле, - он ощущал себя не до конца реализованным человеком. Его энергия, его эмоциональная жажда была рассчитана на гораздо большее.

И это обязательно произошло бы, будь он в годы своего расцвета в более дружественной среде, хотя бы в такой, что выпала его сыну и внукам. Кстати, именно благодаря ему и тому, что он сделал ради них. Заслуженный фронтовик, успешный профессор-хирург, среди пациентов которого были самые влиятельные люди страны, он в 70-е бросил все и уехал в Израиль после того, как непреклонное желание уехать высказал его сын, блистательный математик, который был единственным евреем, принятым в 1971 году в Киевский университет, благодаря невероятным усилиям, приложенным его отцом. А что они потеряли, знает только израильская оборонка.

Человек с большой буквы

Очень непросто писать об Ионе Дегене. Во-первых, потому, что горечь утраты еще слишком свежа и трудно осознать, что Ион Деген сегодня не с нами. Во-вторых, чтобы писать о таком Человеке (именно и только с большой буквы), нужно найти незатертые слова, величественные, и в то же время простые, которые, хоть на йоту, смогут приблизить нашу память к тому, кем был Ион Деген.

Поэт, Воин, Врач, Человек. Величие, сила духа, беспрецедентное мужество, и в то же время беспредельная скромность отличали этого человека.

Евгений Евтушенко, назвав знаменитые строки молодого Дегена гениальными, не зря внес их в свою антологию «Строфы века». Потому что Ион Деген был, безусловно, символом этого века, страшного и мучительно прекрасного.

Встречаясь с ним, находясь рядом, вспоминая о нем, очень волнительно бывает осознать, что нам выпало счастье быть его современниками, встречаться и общаться с ним. Каждый раз, оказываясь с ним рядом, я получал огромный заряд силы и стойкости, которая исходила от него.

К какой бы области деятельности ни прилагал свои способности Ион Деген,, он добивался высших достижений. Гениальные строфы поэта, звание танкиста-аса, прошедшего через горнило страшной войны, одного из безоговорочных победителей коричневой чумы, признание врача с мировым именем, травматолога, возвращающего счастье и жизнь множеству людей - везде Ион Деген был примером для всех.

Нам очень не хватает Ионы Дегена. И сохранение его памяти, его наследия - наша Святая обязанность. Прежде всего, для того, чтобы вспоминая его, мы могли оставаться людьми и стараться хоть капельку соотнести наш путь с тем великим путём, которым прошел этот человек.

Памяти Иона Дегена

В 2020 году ему исполняется 95 лет, не исполнилось!!!

Он казался несокрушимым! Неизменно бодрый, активный, полный замыслов! Не могу представить его без постоянно готовой к отпору тяжелейшей палки, наполненной свинцом.

Таким я узнала Иона Лазаревича (Яню) Дегена в Киеве в далекие 60-годы. Встречались у общих знакомых, чаще у профессора Юрия Шанина, (латиниста), постоянного автора «Клуба12 стульев» в Литературной газете или у Народного художника Украины, а в те годы просто Миши Туровского. Бродили по тенистым паркам и улицам родного города. Ион Лазаревич занимался научной работой, наряду с практической, в больнице на Козловке недалеко от Аскольдовой могилы и поликлинике, напротив Владимирской горки - знаковые места Киева. Жила я по соседству с упомянутой поликлиникой и часто встречала доктора Дегена.

Известно было о высоком профессиональном мастерстве Иона Лазаревича. Однажды я обратилась к Яне с просьбой посмотреть пациентку на дому. Не задавая лишних вопросов, согласился. Приехал, осмотрел, диагноз в те годы был неутешительным (перелом шейки бедра). Потом началось самое интересное - «допрос» о связи со мной. Уловки не помогли, положенный гонорар не взял. Сейчас такое выглядит неуместной выдумкой! Так вели себя благородные врачи. Мой дед, земский врач, порой оставлял деньги под подушкой, тоже случалось и у его сына, моего отца профессора Е.И. Лихтенштейна.

Исследования по магнитотерапии Ион Лазаревич проводил совместно с моим кузеном профессором Леонидом Тульчинским, отец которого Наум Тульчинский, погибший в годы войны, был земляком Иона Лазаревича.

Оказалось, что семья моего деда с материнской стороны проживала в Могилеве Подольском. Перекличка!

Дружил с Виктором Некрасовым.

Однажды пригласил нас к себе домой, в уютную квартиру в прекрасном районе Киева, Печерске. В этот вечер состоялась единственная незабываемая встреча с уже опальным, но не ставшим от того менее великим, Виктором Некрасовым. Писатель читал неопубликованные рассказы, увидеть которые в печати не представлялось возможным. Встреч было много. Ион Лазаревич очень тепло и уважительно относился к отцу, профессору Ефрему Исааковичу Лихтенштейну. В отзыве на мою публикацию в журнале «Заметки по еврейской истории» написал об этом более чем заинтересованно.

Дорогая Исанна!

Пользуюсь Вашим определением «цепкость человеческой памяти». Ваш рассказ зацепил очень длинную цепочку памяти. Комната в редакции «Врачебного дела». Аристократичный, благородный, многознающий Ефрем Исаакович удивительно интересно рассказывает мне неизвестные подробности жизни Вересаева, можно сказать, в честь которого Вас называли. «Врачи-отравители». Мороз по коже. В ту пору железо-бетонный коммунист (стыдно признаться), я тоже отказался выступить. Вечер в нашем доме. Восторженные лица – Ваше и Лёвы. Виктор Некрасов читает свои антисоветские рассказы «Король в Нью-Йорке» и «Ограбление века». Ни Вика, ни вы, ни я не знаем, что, кроме присутствующих в этой комнате надёжных людей, чтение автора слушают неприглашённые лица в КГБ. Микрофоны мы обнаружим перед отъездом в Израиль, когда разберём книжный стеллаж, перед которым вы сидели. (Кстати, исправьте НКВД на МГБ и уберите год защиты и должность Л.И.Медвидя. В ту пору он еще не был даже помощником наркома. Но как

Вы, ребёнок, могли знать такие подробности?). Сколько струн задел Ваш замечательный рассказ! Миша Туровский, Гелий Аронов, Юра Шанин! Добрая, красивая часть моей жизни. Напрасно Вы пощадили профессора М. Изрядная сволочь. В 1971 году в коротком разговоре это подтвердил мне академик Василенко. Вам, дорогая Исанна, огромная благодарность от восторженного читателя. Лёве сердечный привет. Ваш Ион.

<http://berkovichzametki.com/2011/Zametki/Nomer1/Lichtenshtejn1.php>

Ион Деген

- at 2011-01-11 10:22:19 EDT

Порой мы печатались в одном номере разных журналов.

Профессор Александр Гордон любезно переслал последнюю книгу Иона Дегена «Попытка уйти от себя», которую автору увидеть не довелось. Книга прекрасная! Главное, мужество автора, способного творить, глядя в лицо неизбежному!! Не каждому дано! Но он и есть «не каждый».

Достаточно вспомнить о стихотворении, тогда еще неизвестного автора, вошедшем в «Строфы века». Антологию русской поэзии, составленную Е. Евтушенко.

Никогда не забуду, как достойно вел себя Ион Лазаревич на вручении награды в Кремле!

Есть много, о чем могла бы написать. Моя цель написать то, что знаю, помню и берегу!

Разговоры в приятном обществе, веселые застолья, шутки, стихотворные экспромты.

У нас хранятся книги Дегена с теплыми надписями.

И память!

Разносторонне талантливый, неординарный, способный на крутые поступки, таким запомнится Ион Лазаревич Деген.

Ион Деген -- человек и легенда

С Ионом Лазаревичем Дегеном мы лично никогда не встречались. Но общались активно – путем взаимной переписки. Первое коротенькое письмецо я ему послал 30 мая 2009 года – по адресу, который мне сообщил Борис Кушнер. Побудительной причиной были отзывы Иона на мои публикации в сетевом журнале «Заметки по еврейской истории» Евгения Берковича. Всегда очень положительные, лестные для автора. Один из них – под моим очерком о Борисе Кушнере – математике, поэте и эссеисте, с которым, как оказалось Деген уже состоял в переписке:

«Многоуважаемый Семен Резник! Благодарю Вас за то, что Вы изложили мои мысли значительно лучше, чем я мог бы изложить».

Подобный мотив звучал и в некоторых других отзывах Иона Лазаревича: он подчеркивал мое литературное «мастерство», тогда как себя относил к разряду «дилетантов». Вместе с чувством благодарности его завышенные оценки вызывали у меня некоторую неловкость. То, что военные стихи Иона Дегена давно стали классикой, было общеизвестно, но его рассказы, регулярно печатавшиеся на портале Берковича, у меня тоже вызывали восхищение – не только своим содержанием, но и отточенной литературной формой. Это были рассказы «бывалого человека», изложенные просто и сжато, сдобренные юмором и иронией. Вот мое первое письмецо Дегену (здесь и далее привожу письма или отрывки из них, укрупняя абзацы и выправляя описки):

«Дорогой Ион Лазаревич!

Борис Кушнер сообщил мне Ваш электронный адрес. Я хочу поблагодарить Вас за добрые слова, которые Вы не раз высказывали обо мне в Гостевой книге Берковича. Не делаю это через гостевую книгу, так как по возможности избегаю участия в таких форумах, что не всегда удается. Поэтому не через Гостевую, а в личном письме хочу Вам сказать, что всегда читаю Вас с большим интересом и волнением. Вы блестяще владеете формой небольшого рассказа, в Ваших публикациях столько точных деталей, юмора, доброты, неожиданных поворотов сюжета, что читать их одно наслаждение. Желая Вам здоровья, сохранения Вашей обычной жизнерадостности и дальнейших творческих свершений. Искренне Ваш Семен Резник».

Ответ датирован следующим днем:

«Дорогой Семён! Простите, не знаю Вашего отчества, хотя мог бы его разыскать. Но я старый израильтянин (84 года, из них в своей стране -32), а в Израиле отчество не употребляется. Кроме того, без отчества создаётся впечатление большей близости. А для меня высокая честь получить Ваше письмо. Маловероятно, что есть у Вас поклонники с моей степенью поклонения. Всё, написанное Вами - книги, эссе, пьеса, всё доставляет мне истинное наслаждение. Ум, умноженный на литературный талант, а к этому ещё так джентльмена, что может быть больше! Ещё раз большое спасибо. Будьте здоровы и счастливы со всеми близкими. Ваш Ион».

Столь теплое и искреннее письмо сразу сделало общение простым и естественным. Я тут же ответил:

«Дорогой Ион! Намек понял и отчество опускаю. В этом отношении я предпочитаю быть осторожным, потому что много лет назад, как говорится, нарвался. Я тогда составлял книгу Сахаровских слушаний 1 , посылал тексты авторам для окончательного утверждения. Среди участников был Владимир Войнович, и я, не имея под рукой его отчества, да и помня, что при знакомстве на самих Слушаниях он представился Володей, к нему так и обратился, по ходу пошутив, что на Западе мы потеряли не только отечество, но и отчество. Он на это очень обиделся, и только когда я написал ему, что не ожидал, что автор «Ченкина» не чувствует юмора, конфликт был улажен. Ваше письмо меня очень тронуло, особенно тем, что среди понравившихся Вам вещей Вы назвали мою пьесу 2 . У меня такое ощущение, что ее никто не заметил и даже не прочитал. Мне было бы очень приятно подарить Вам одну или две из моих книг, которых у Вас нет. Сообщите, пожалуйста, почтовый адрес и сообщите, есть ли у Вас мои романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель», издательство Алетейя, СПб, 2006. Если нет, с удовольствием Вам пошлю. От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и новых рассказов! Жду их всегда с нетерпением. Самые добрые пожелания Вашим близким. Искренне Ваш С.Р.»

Книги, о которой я спрашивал, у Иона не было. Перед отправкой я должен был ему написать:

«Испытываю неловкость, что навязываю Вам её, чем Вас как бы обязываю её читать и как-то реагировать. Прошу ни в коем случае не считать себя обязанным к этому, ибо уверен, что времени у Вас в обрез. Ни в коем случае не откладывайте ради этого Вашей собственной литературной работы. На таких условиях, я бы с удовольствием вложил в бандероль и мою другую книгу, которой, почти уверен, у Вас нет – «Красное и коричневое»³ . Но только на таких условиях! Для меня Вы классик поэзии, что общепризнано, и классик прозы, что если не так широко признано, то будет признано, это для меня несомненно».

В ответных письмах Деген категорически возражал против причисления его к классикам, а в доказательство своего «дилетантизма» приводил то, что рассказы его пишутся быстро, как бы, между прочим.

«Дорогой Семён! Иллюстрация моего «творчества». Сколько времени оно занимает. Несколько лет назад была опубликована книжечка из сотни с лишним маленьких рассказов «Голограммы». Первый из них был написан в 1946 году. После издания «Голограмм»; рассказы продолжают капать. Только что, отправив Вам письмо, я написал ещё один».

И тут же привел маленький рассказ, совсем крохотный, забавный и поучительный, написанный в один присест.

ЕВРЕЙСКИЕ МАМЫ

Это же надо! Впервые такой позор в истории Армии Оборона Израиля. Взвод новобранцев-десантников в полном составе отказался от прыжков с парашютом. Страшно. Командование не просто обескуражено. В ауте. Можно, естественно, заставить. Но какие же это десантники? Какая элита?

.....
1 Сахаровские слушания ....

2 Пьеса «Кровавая карусель» написана по мотивам моего исторического романа «Кровавая карусель» (о Кишиневском погроме 1903 г.) .....

3 Семен Резник. Красное и коричневое. Вашингтон, «Вызов», 1991 г.

.....
Пока в верхах принимали решение, капитан, командир роты, в которую входил этот взвод, позвонил своей знакомой, матери одного из струсивших солдат:

- Рывка, как такое могло случиться в вашей семье? Твой Шмулик боится прыгнуть с парашютом. Скажи своему Ави, чтобы завтра приехал на базу. Если сможет, пусть привезёт всех отцов, которых сумеет оповестить. Он знает состав взвода.

- Обеспечь пропуски на базу. От нашей семьи я приеду сама.

В семь часов утра, к всеобщему удивлению, на базу приехали тридцать мам всех тридцати солдат взвода. В контакт с сыновьями они почему-то не вступили. Но на базе началась немыслимая возня. Появился командир полка. Забегали подчиненные. Мам усадили в один автобус, взвод – в другой. Автобусы подъехали к взлётной полосе. Выстроенный взвод наблюдал, как облачали мам, как надевали на них парашюты. Выстроенный взвод со стыдом наблюдал за тем, как мамы одна за другой спускались на парашютах. Две мамы огорчили своих сыновей. Они спустились на пару с инструкторами.

В полку потом говорили, что детей никогда не поздно воспитывать».

К этой краткой, как выстрел, миниатюре, Ион сделал приписку:

«Вот такая голограммка. Буду ли я ее в будущем править? Понятия не имею. Всего-всего самого доброго! Обнимаю! Ион».

Комментировать не буду, приведу мое ответное письмо – от 8 июня 2009 г.:

«Дорогой Ион, спасибо за прелестный рассказец! Относительно того, что пишутся они у Вас быстро, могу только позавидовать. Но Вы в этом отношении не уникальны. Я как раз недавно перечитал известную книгу Корнея Чуковского «Современники», новое издание открывается очерком о Чехове и завершается воспоминаниями о Репине. Так вот, Чехов вел такой образ жизни, что у него постоянно гостила масса народа, он усиленно зазывал к себе всех, даже случайных знакомых. Кроме того, он выполнял массу хлопотных поручений самых разных людей, много бражничал, устраивал розыгрыши и все такое прочее, а еще ведь и врачевал! А писал рассказы между делом, непонятно когда. И неплохо получалось! Что же касается Репина, то картина обратная. Взвзвись за чей-то портрет, он обычно на первом сеансе его и завершал, получалось замечательно. Но он оставался неудовлетворенным, на следующих сеансах исправлял, доделывал и часто – непоправимо портил! Мораль из этой басни выведите сами. Всяческих благ и удовольствий! Ваш С.Р.»

В награду за это письмо я получил незамедлительный ответ с еще одной голограммой:

«Дорогой Семён! Спасибо за одобрение. Оно подвигло меня на ещё одну голограмму. И снова Вы будете первым читателем, возможно, полуфабриката. (А может быть, просто утиля). Надеюсь, Вы мне простите мою наглость.

В ГЕТТО ВЕНЕЦИИ

Во время третьей поездки в Венецию с женой мы решили осмотреть гетто, что упустили во время предыдущих поездок. Как и обычно, осмотр города начали «от печки» - от площади Св. Марка. После относительно продолжительного похода подошли к массивной стене гетто. Бронзовые барельефы на стене создали настроение, обычное, возникающее, когда сталкиваешься со свидетельством

уничтожения евреев. Вдоль стены повернули налево, и вышли на маленькую площадь с двумя синагогами. Суббота, но синагоги закрыты. Возможно, потому, что время между утренней и дневной молитвами. Программа, намеченная на этот день, была выполнена. Мы направились к каналу, чтобы добраться до корабля, на котором совершали круиз по Средиземному морю.

На небольшой почти безлюдной улочке внимание привлёк невысокого роста мужчина весь в чёрном – от шляпы до туфель, очень похожий на наших ортодоксальных евреев. Он стоял у двери, над которой на иврите большими буквами над итальянским названием ресторана было написано «Кошерный». Увидев наше удивление, он спросил по-английски:

- Откуда вы?

- Из Израиля.

Надо было увидеть его реакцию! Он схватил меня за руку и стал тащить в ресторан. Чтобы отделаться, я объяснил ему, что сегодня суббота, что сегодня нельзя платить. Моё объяснение он отверг сходу. Никакой платы. Вы наши дорогие гости. Попытка отделаться оказалась безуспешной.

- Ну, израильяне, хоть войдите и поприветствуйте евреев. У нас сейчас кидуш после молитвы.

Зашли. За длинным столом сидело примерно сорок-пятьдесят евреев в чёрной одежде. Слева в проёме был виден расположенный под прямым углом такой же стол. За ним сидели женщины. Втащивший нас еврей наполнил янтарным вином два бокала и на итальянском языке, по-видимому, представил нас. За обоими столами воцарилась тишина космического пространства. На иврите я благословил вино и поприветствовал присутствовавших. Женщины бросились обнимать жену.

Я проявил лучшие бойцовские качества, чтобы отказаться от обеда и вырваться из ресторана. Правда, пришлось, благословив, выпить ещё один бокал вина. Кстати, вино оказалось великолепным. Оно напоминало молдавское алигате.

Мы шли к каналу, и я думал, как евреи встретят Мессию, если венецианские евреи так встретили израильяна».

Концовка, конечно, блестящая.

Мой ответ: «Дорогой Ион! Спасибо, еще одна очень выразительная миниатюра! Прочитал с удовольствием. И чтобы не быть в долгу, посылаю Вам мой последний опус, который, вероятно, скоро появится на сайте Берковича. Он посвящен юбилею моего друга молодости, но там много о нашей (то есть и моей) общей молодости. Всех благ, Ваш С.Р.»

Моя статья «Защитник свободной России: к 70-летию Григория Крошина» появилась в июньском номере «Заметок по еврейской истории» за 2009 г. (№ 10 (113) <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer10/SReznik1.php>), но Ион прочитал ее еще до публикации. В какой мере его ответ характеризует мою статью, не мне судить. Но он очень рельефно характеризует самого Иона.

«Дорогой Семён! Я умел разобрать тридцатьчетвёрку буквально до шплинтов. Я могу препарировать труп до мельчайших едва заметных веточек нервов. Но я не могу объяснить, почему получил удовольствие от Вашего очерка. Не могу, возможно, потому, что я не литератор, не профессионал. А, может быть, потому, что всё описанное Вами увидел и ощутил. Именно такое описание - мастерство автора. При этом я не заметил «строительного материала». Просто вот так, не отрывая карандаша от бумаги, одним махом нарисован профиль, а ты увидел в нём личность, о которой можно рассказывать часами. Это, если карандаш был в руке настоящего художника. Читатели, уверен, получают такое же удовольствие, какое получил я. Спасибо огромное! Будьте здоровы и счастливы! Ваш Ион».

Что можно было ответить на такое письмо?

«Дорогой Ион, огромное спасибо за столь эмоциональный и тонкий отзыв. Я привык, что читатели, от которых я получаю положительные отзывы, отмечают фактографию, много-де узнали нового и т.п., но почти никто не замечает, КАК это написано. Вы же отмечаете именно это, и мне это очень приятно».

Опускаю несколько писем, в которых я писал о рассказе Иона, появившемся на сайте Берковича, а он благодарил за полученные от меня книги. Разумеется, он отзывался о них с присущей ему щедростью, но снисходительным читателем он не был. Так, он указал, что в романе «Кровавая карусель» обнаружил несколько «блох».

В ответ я написал: «Спасибо сердечное за столь выразительный отзыв «такого рядового читателя». Конечно, я делаю поправку на Вашу супердоброжелательность. Оба романа, как Вы, конечно, заметили, были написаны 30 лет назад, и то, что они и сегодня не нагоняют скуку, тешит мое авторское самолюбие. Буду признателен, если сообщите, какие именно блохи Вы заметили в «Карусели».

Ответ Иона опять же характеризует гораздо больше его, нежели мою книгу: «Дорогой Семён! Никакой супердоброжелательности. Я просто не умею. Жена называет меня солдафоном или роботом. Есть у меня, правда, недостаток. Своеобразный закон Старлинга - всё или ничего. Чёрное-белое. Мало полутонов. Но Ваши книги, независимо от времени написания, до того хороши и как художественные произведения и как серьёзные документы, что ВСЁ не является преувеличением.

Блохи. Сейчас мне несколько трудно разыскивать их. Но навскидку - хронология: стр. 355-6, сначала 11.05.1903 г, потом 8.05.1903 г. Стр. 367 - 20.05.1903г., 13.05.1903 г. Где-то ещё. Жаль не отметил, когда читал. Но я просто придираюсь. Ещё раз - большое спасибо! Доброго Вам здоровья и счастья. Ваш Ион».

Для не читавших мой роман «Кровавая карусель» должен пояснить, что он посвящен Кишиневскому погрому 1903 года и состоит из двух повестей. Сюжет одной из них – неудавшееся покушение молодого еврея Пинхуса Дашевского на черносотенного писателя и издателя Павла Крушевана, главного вдохновителя погрома; сюжет второй повести – поездка В.Г. Короленко в Кишинев вскоре после погрома. Каждая глава в романе завершается «документальными вставками»: в них – языком сухих полицейских документов – обрисовывается сам погром. В число этих документов входит перевод письма одного британского доброжелателя российских погромщиков, некоего Уайта, который сообщал министру внутренних дел фон Плеве о «возмутительной» публикации в лондонской газете «Таймс», где было обнародовано его секретное письмо Кишиневскому губернатору, чем опровергалась официальная версия российских властей – о том, что погром произошел неожиданно и что местные власти «растерялись» и потому не погасили его в зародыше. Оказалось, что министр внутренних дел фон Плеве заранее предупредил Кишиневского губернатора о предстоявших в городе «беспорядках» против евреев и давал понять, что предотвращать погром путем жестких полицейских мер не следует. Рядом с письмом англичанина о «возмутительной» публикации в «Таймс» у меня помещен черновик ответа, подготовленного по поручению Плеве начальником Департамента полиции Лопухиным, в котором опровергалась подлинность этого письма. «Блоха», пойманная Ионом, состоит в том, что письмо Уайта датировано 20-м мая, а ответ – 13 мая. То есть получается, что ответ был написан раньше, чем само письмо. Другая замеченная «блоха» тоже связана с датировкой приводимых документов. Заметить такие «блохи» можно

было только при очень внимательном и придирчивом чтении. О том, как и почему они появились, - в моем ответе:

«Дорогой Ион! Спасибо! Действительно, там есть несуразность, которую мне следовало пояснить. Объясняется это, конечно, тем, что Уайт ставил дату по новому (европейскому) стилю, а Лопухин по старому, принятому в России. Разница, как Вы знаете 13 дней, так что фактически ответ был написан 26 мая, что и следовало пояснить. Это относительно второго из указанных Вами хронологических сбоев. Что, касается первого, то там даны два независимых документа, когда я их отбирал, то порядок расположения определялся, видимо, не хронологией, а какими-то иными соображениями. Поскольку это было написано 30 лет назад, то, честно говоря, я уже не помню, чем именно руководствовался. Может быть, тем, что в первом из приведенных документов речь идет о лицах, нигде больше в повествовании не встречающихся, а во втором – о Кенигшаце, который становится одним из ведущих персонажей следующей главы. Я, видимо, поставил документ о нем на последнее место, чтобы он глубже запал в сознание читателя и легче вспомнился, когда этот персонаж появится в самом повествовании. Впрочем, это я сейчас, задним числом, объясняю, какой я был умный, но приходило ли мне это в голову, когда все это писалось, не поручусь. Еще раз спасибо. За 30 лет ни я сам, и никто из читателей не замечал сбоев, замеченных Вами! Не часто приходится общаться с такими «рядовыми читателями». Сердечно Ваш С.Р.»

Остается пояснить – что Е.С. Кенигшац был один из преуспевавших и очень известных юристов города Кишинева. Хотя он принял крещение, он был одним из ведущих деятелей еврейской общины. Он много знал о закулисной роли властей и откровенно рассказал об этом В.Г.Короленко, но при условии, что эти изобличения властей не будут опубликованы. Кенигшац опасался, что если власти загнать в угол, то они снова отыграются на беззащитном еврейском населении. Встрече Короленко с Кенигшацем в романе посвящена большая глава.

4 мая 2010 года в Гостевой книге портала Берковича был помещен мой торопливо написанный некролог, посвященный скончавшемуся писателю и литературному критику Валентину Дмитриевичу Оскоцкому, одному из ведущих российских литераторов демократического лагеря, который мужественно противостоял возрождавшейся идеологии сталинизма и национал-патриотизма. Ион тут же отозвался на эту публикацию:

«Дорогой Семен. Спасибо за отличный некролог. К сожалению, у меня не было представления об Оскоцком (благодарная память его). Спасибо».

Ко мне иногда приходили гулявшие по интернету отзывы на стихи или прозу Дегена, я пересылал их Иону, как доказательство того, что его знают и помнят не только читатели портала, где он постоянно публиковался. Один из пересланных мне отзывов, полученный от моего друга Владимира Письменного, был особенно выразителен: эссе Владимира Бейдера из Иерусалима. В нем приводилось знаменитое стихотворение Дегена «Мой товарищ, в смертельной агонии...», а дальше говорилось:

«Многие, в том числе большие поэты, сами фронтовики - Александр Межиров, Борис Слуцкий, Евгений Винокуров, Михаил Дудин, - называли эти строки лучшим военным стихотворением.

Еще с войны оно ходило в списках, без имени автора. Считалось - он погиб, стихотворение нашли в полевой сумке, извлеченной из подбитого танка. Впервые оно было опубликовано в 1988 году в «Огоньке». Его поместил в своей антологии русской поэзии «Строфы века», печатавшейся тогда в журнале, Евгений Евтушенко - так же, без имени автора.

Но автор был. И есть. Ион Деген, доктор медицинских наук, хирург-ортопед, известный в своей области ученый, к тому времени уже более 10 лет жил в Израиле и, несмотря на возраст, инвалидность, продолжал работать, писать стихи и прозу, монографии и научные статьи.

Свое знаменитое стихотворение он написал 19-летним лейтенантом, командиром танковой роты (танкового взвода – А.М.), в декабре 1944-го. Шел его четвертый год на фронте.

Еще впереди был последний бой, после которого его, разможенного, придется собирать по частям, и не все части найдутся, еще он не знал, что за спиной, на отвоеванной земле, в Восточной Пруссии, осталась его свежая могила - действительно извлекли из подбитого танка его полевую сумку, похоронили вместе с останками других членов его экипажа, эта могила с его именем на надгробье до сих пор осталась в калининградском Нестерове, бывшем Эйткунене и, говорят, содержится в порядке.

Война началась через пять дней после сдачи последнего экзамена за 9-й класс. Его родной Могилев-Подольский бомбили уже 22 июня. Ион сбежал на фронт из эвакуационного эшелона. В истребительном батальоне возраст не спрашивали - взяли сразу. Через два дня он уже командовал взводом. Через месяц от его взвода осталось двое.

Ни плача я не слышал и ни стога.

Над башнями надгробия огня.

За полчаса не стало батальона.

А я все тот же, кем-то сохраненный.

Быть может, лишь до завтрашнего дня.

Зимой 1945-го в Восточной Пруссии он воевал в последний раз. Когда его нашли, в нем было шесть осколков и 7 пуль. Раздроблена нижняя челюсть (верхняя челюсть – А.М.), пробита грудь, перебиты руки и ноги. Врачи совершили чудо. Но часть ноги отрезали. Это тогда, в госпитале, он определил свою судьбу.

- Я возненавидел слово «ампутация», - рассказывал Ион мне. - Решил, что стану врачом и буду не ампутировать, а пришивать конечности.

Он это сделал. В 1959 году первым в Советском Союзе произвел такую операцию: пришил киевскому слесарю-сантехнику Уйцеховскому руку, которую тот по дури оттяпал себе на фрезерном станке.

Но путь в медицину оказался непрямым, неблизким и нелегким.

Деген - единственный лейтенант в мощной и влиятельной организации ветеранов танковых войск Израильской армии «Яд ле-ширьен». Свой он, естественно, и среди советских ветеранов войны.

Израиль - единственная страна мира, кроме бывшего СССР, где День Победы отмечают 9 мая, а не 8-го, как везде.

За пределами бывшего СССР только здесь 9 мая ветераны выходят на парад.

В Израиле, где большинство старожилы - ветераны нескольких войн, но нет привычки к парадам, поначалу с недоумением взирали на строем шагающих по центральным улицам стариков с блестящими на злом здешнем солнце иконостасами на груди. Но привыкли. Стали перекрывать движение транспорта, подвозить воду, произносить речи, подбадривать с обочины, а то и становиться в строй. Теперь в Израиле День Победы - официальный государственный праздник. И это отвоевали наши ветераны напоследок.

От мая до мая их все меньше в парадном марше. Зато медалей у них все

больше. Вот и в этом году прибавилась еще одна.

В посольство России в Израиле пришло полтонны юбилейных медалей «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Несколько недель дипломаты носились по городам и весям Святой земли, устраивая церемонии награждения. Речи, объятия, заверения во взаимной любви и благодарности, слезы ... Так что для живущих в Израиле участников Великой Отечественной праздник начался задолго до 9 мая, за что они премного благодарны некогда покинутой родине: родина помнит, родина знает, не забыла, хотя и могла. Что еще нужно состарившемуся герою? По крайней мере, от нее ...

Среди других получил в торжественной обстановке юбилейную медаль и Ион Деген. А на следующий день прочел мне стихи:

Во рту оскомина от слов елейных.
По-царски нам на сгорбленные плечи
Добавлен груз медалей юбилейных.
Торжественно, так приторно-слюняво,
Аж по щекам из глаз струится влага.
И думаешь, зачем им наша слава?
На кой ... им наша бывшая отвага?

Ему опять удалось сказать о своем поколении то, что другим удастся только Почувствовать.

Владимир Бейдер
Иерусалим».

Пересылая Иону это прекрасное, на мой взгляд, эссе, я сопроводил его короткой припиской: «Дорогой Ион, Вчера я получил этот мессадж от одного приятеля. Вам, конечно, его содержание и само существование известно, но, может быть, Вам интересно узнать, что он гуляет по интернету и передается «из уст в уста». Сердечно Ваш С.Р.»

Однако отношение Иона к сочинению Владимира Бейдера было более сдержанным:

«Дорогой Семён! Во-первых, большое спасибо. Слегка не понял.

Вероятно, статью прислал Вам не Бейдер?

Во-вторых, как всегда, когда пишут обо мне, обязательны неточности и даже легенды. В-третьих, испоганили стихотворение, которое тоже не шедевр.

Вчера получил медаль
«65 лет со дня Победы»

Привычно патокой пролиты речи.
Во рту оскомина от слов елейных.
По-царски нам на сгорбленные плечи
Добавлен груз медалей юбилейных.

Торжественно, так приторно-слюняво,
Аж по щекам из глаз струится влага.
И думаешь, зачем им наша слава?
На кой... им наша бывшая отвага?

Безмолвно годы мудро и устало

С трудом рубцуют раны, но не беды.
На пиджаке в коллекции металла
Ещё одна медаль ко дню Победы.

А было время – радовался грузу,
Превозмогая боль потери горько.
Кричал: «Служу Советскому Союзу!»,
Когда винтили орден к гимнастёрке.

Сейчас всё ровно, как поверхность хляби.
Равны в пределах нынешней морали
И те, кто блядовали в дальнем штабе,
И те, кто в танках заживо сгорали.

23.02.2010 г.

Ещё раз большое спасибо. Будьте здоровы и счастливы. Обнимаю! Ваш Ион». Одно из удивительных качеств Иона – глубокое и часто преувеличенное чувство благодарности за самую мелкую услугу или простую любезность. Вот в какую форму он облек уведомление о том, что посланная ему книга получена.

«Дорогой Семён! Вернулись домой после подарка Всевышнего - недели на Мёртвом море. А дома ждало нас продолжение подарка - Ваша книга. Нет слов, чтобы выразить мою благодарность! Издана великолепно. Чуть избавлюсь от накопившихся долгов и приступлю к чтению. Предвкушаю удовольствие на основании опыта. Всё, написанное Вами, доставляло мне удовольствие. А как человеку, занимающемуся наукой, не верить в экстраполяцию? Ещё раз огромное спасибо! Всего-всего самого лучшего Вам и всем Вашим близким!»

Ну, а после прочтения книги пришел не просто отзыв, а рецензия, да такая, о какой автор может только мечтать:

«Дорогой Семён! Есть такое понятие и термин – магнитное насыщение. Когда брусок железа намагничен до предела, когда выстроены все домены, сколько бы дополнительной электроэнергии не употребили, невозможно добавить ни одного гаусса напряжённости магнитного поля. Таким «магнитным насыщением» я считал моё отношение к Вашему творчеству. Но, прочитав «Непредсказуемое прошлое», вспомнил, что, кроме железа, намагнитить можно кобальто-никелевый сплав, и напряжённость магнитного поля будет больше предыдущей. Какой же Вы молодец! Не верю в случайности. Не случайно от «Николая Вавилова» через «Мечникова» Вы пришли к еврейской теме. Он, зная Ваши возможности, вёл Вас. И наградил Вас. И прославил Вашим творчеством. Кроме огромного литературного таланта, Вы серьёзный учёный. Объединённые Сюжеты 8 и 9 - диссертация на степень кандидата исторических наук, безусловно превосходящая уровни известных мне диссертаций 4 . Два заключительных Сюжета написаны тем же Мастером и читать их интересно. Но темы показались мне мельче предыдущих. Не настаиваю на том, что это истина в последней инстанции. Субъективизм рядового читателя. Заметил несколько «блох». Возможно, это пригодится Вам при переиздании. Стр. 110 - «Эта дерзость» – дерзость. 147 – в сноске «Литературный газета» оказалось... 175 – деепричастный оборот в первых строчках. 225 – сноска: несогласованное предложение (издал многих томов). 295 – О еврейской о матушке Че Гевары. 227 – «Подбрасывать дровишки» (что, а не чего). Было ещё одно где-то на первых страницах. Записал, но не могу найти. Старый склеротик. Ещё раз моя огромная Вам благодарность. Доброго Вам здоровья, счастья и благополучия. И

всем Вашим близким. Ваш верный поклонник Ион».

Речь идет о моей книге «Непредсказуемое прошлое: выбранные места из переписки с друзьями», изданной в Питере издательством «Алетейя».

Что я мог ответить на такой отзыв?

Только то, что «не припомню, чтобы мне приходилось читать такие отзывы на мои скромные труды, а уж от такого читателя, как Вы!... Я глубоко взволнован и благодарен за все, особенно за замеченные опечатки, которые перенесу в свой рабочий экземпляр. Обнимаю Вас, желаю здоровья, успехов, счастья, Ваш С.Р.»

Между тем продолжался «спор» о том, кто из нас «профессионал», а кто «дилетант». Вот мое письмо от 2 сентября того же года:

«Дорогой Ион! Отвечаю с опозданием, так как все лето мы пасли внука, я почти не подходил к компьютеру и за это время накопились горы переписки, которые теперь разгребаю. Опечаток в Вашем письме я не заметил, это вообще мое слабое место, я читаю слово целиком и опечаток не вижу, что создает проблемы при вычитывании собственных текстов. А прав я все-таки на сто процентов!

Писатель – это прежде всего рассказчик, остальное – архитектурные излишества. А рассказчик Вы несравненный – прежде всего потому, что Вам всегда есть что рассказать, во-вторых, потому, что Вы это делаете легко, без лишних слов, без занудства и почти всегда с юмором и иронией. Поэтому Вас так любят все Ваши читатели. Будьте здоровы, бодры и деятельны! С наступающим праздником Рош Ашана! И пусть впереди у Вас будет еще много-много таких праздников! Ваш С.Р.»

Через некоторое время, словно бы в подтверждение моих слов, в «Заметках по еврейской истории», № 12 (135) за 2010 год и №1 (136), 2011, появились две потрясающие публикации Иона. Полное горького сарказма эссе под названием «Евреи не воевали» содержало сгусток информации о воинских подвигах многих евреев – на фоне целенаправленного замалчивания, причем, двумя способами: либо подвиг героя не признавался, либо замалчивалась его национальная принадлежность: его выдавали за русского, украинца, грузина – но только не за еврея. Ведь «евреи не воевали», «евреи штурмовали Ташкент».

Не менее выразителен рассказ Дегена «Еще один конец нитки», относящийся уже к другой эпохе: 1970-м годам. Рассказ наполнен едким юмором и сарказмом. «Нитка памяти» закручена на том, как «рядового» хирурга Киевской больницы со степенью доктора наук пригласили выступить с докладом на научной конференции в Томске. Директор больницы отказался его туда командировать, но в последний момент, по приказу министра здравоохранения, срочно выписал командировку. И как затем, в Томске, автору неожиданно предложили пост завкафедрой в мединституте. К глубочайшему недоумению ректора, столь заманчивое предложение было отклонено. Доверительный разговор с ректором составляет кульминацию и изюминку всего рассказа. Соль в том, что ректор был злостным антисемитом, но очень не хотел таковым слыть. Уволенный им завкафедрой был евреем. В научно-преподавательских кругах ходили толки о том, что «пятый пункт» и был истинной причиной его увольнения. До ректора доходили такие разговорцы и сильно его нервировали. Чтобы их погасить, он решил заменить удаленного еврея другим евреем. Доктор медицинских наук Ион Лазаревич Деген, практикующий хирург высшего класса и ветеран войны, подходил по всем статьям. Ион сочувственно выслушал ректора, просившего войти в его положение, но объяснил, что помочь не может, так как уже принял решение уехать в Израиль и скоро подаст официальное заявление. В финале немая сцена, как в известной комедии Гоголя.

Рассказ написан с неподражаемой иронией. Когда я его читал, под ним уже

стояла дюжина восторженных отзывов, что, впрочем, характерно для всех публикаций Иона Дегена на сайте «Заметки по еврейской истории». Вот мое письмо Иону от 23 января 2011 года.

«Дорогой Ион, я только сегодня добрался до январского номера «Заметок», прочитал Ваши «Нитки» и – восхитился! Согласен со всем лучшим, что сказано в отзывах. Я не пишу отзывы в Гостевую, потому пишу Вам лично. Одна особая ремарка. Столько лет читаю и, как кажется, знаю Вас; знаю, что Вы врач, но только из этого опуса узнал, что Вы доктор наук. Сам я не кандидат, не доктор, может быть, поэтому все эти звания ни в грош не ставлю: в каждой области есть звания и есть гамбургский счет. Но тут подумал: а если бы я все-таки был доктором наук – молчал бы об этом столько лет? И понял, что нет! Говорю это к тому, что Ваша скромность, кроме всего прочего, заслуживает не только пельменей из медвежатины [упоминаются в рассказе], но и того, чем их заливают. Лехаим! Здоровья, успехов, такой же живой памяти, юмора и добра. Обнимаю Вас, Ваш С.Р.»

Ответ Иона на это короткое письмо, мне кажется, тоже ярко характеризует его:

«Дорогой Семён! Конечно, спасибо огромное. Но рассмешили Вы меня до предела. Это я скромный? Из интернета я узнал о себе такие подробности, такие тонкости, о которых не имел представления. Но следует же верить тому, что о тебе говорят. Так вот обо мне в интернете написано, что я хвастун, что хвастаюсь своими боевыми подвигами, которых даже быть не могло, что я лгун, написавший, что экстерном получил аттестат зрелости, что работал в больнице, которая не существовала. Обнаружил даже, что редакцию журнала «Хирургия» запросили, действительно ли я осуществил первую в мире реплантацию конечности. (Это пошло мне на пользу. Я считал, что статья опубликована в 11-м номере 1970 года, а редакция ответила, что в 11-м номере 1969 года). Конечно, я не забывал существования коэффициента антисемитизма. Но всё же *vox populi*. А Вы говорите скромный. Ещё раз большое спасибо. Общение с Вами, пусть даже такое короткое, радует меня. Будьте здоровы и счастливы со всеми близкими. Обнимаю! Ваш Ион».

Касаясь наветов, перечисленных в письме Иона, я ответил:

«Дорогой Ион! Так это же – СЛАВА!! Следующий этап – это когда будут писать, что Вы изнасиловали весь женский и мужской персонал Израиля и нескольких сопредельных стран, не говоря уже о Стране Советов! Обнимаю С.Р.»

2010-й год был у меня особенно урожайным, так что я мог послать Иону еще одну книжку, «Запятнанный Даль», вышедшую в издательстве Санкт-Петербургского университета. Пресловутая «Записка о ритуальных убийствах», много способствующая нагнетанию юдофобии, почти сто лет издавалась и переиздавалась на многих языках под престижным именем Владимира Даля, что придавало этому пасквилю некоторую респектабельность. «Записка» хорошо послужила дореволюционным российским погромщикам, была оприходована нацистской пропагандой в Германии, а в постсоветской России многократно переиздавалась красно-коричневыми национал-патриотистами, как их называл В.Д. Оскоцкий. Путем историко-литературного и сравнительно-текстологического анализа мне удалось доказать, что создатель «Словаря живого великорусского языка», выдающийся лингвист, писатель и ученый Владимир Иванович Даль не мог быть автором этой поделки. Вот реакция Дегена:

«С интересом и удовольствием прочитал книгу Семёна Резника “Запятнанный Даль”. Книга – обстоятельная полноценная диссертация на

соискание учёной степени доктора исторических наук, написанная опытной рукой талантливого литератора.

Дорогой Семён! Так бы я начал официальную рецензию. Действительно, с удовольствием читаю всё, написанное Вами. Но как я могу обойтись без блохоискательства? Стр. 56. Последний абзац. «...лучшего в то время В стране.». И ещё. Не Цevi, а Цви. Это довольно распространённое еврейское имя. Цви на иврите – олень. Вчера Вы были упомянуты в моих просьбах. С Новым годом! Счастья и доброго здоровья Вам и всем Вашим близким».

Мой ответ:

«Дорогой Ион! Огромное спасибо за отзыв, а особенно за замечания. Они пришли как нельзя более вовремя, так как в Питере собираются допечатать тираж (первый ведь всего 300 экземпляров) и при этом обещают исправить опечатки. Я им тотчас сообщил о пропущенном предлоге «в». Что касается имени Цви, то я знаю, что правильная транслитерация именно такая. Но в большинстве русскоязычных работ об этом негодяе принята транскрипция Шабатай-Цevi б , поэтому я ее использовал, сделав сноску о других транскрипциях. А с именем Цви у меня кое-что связано! Дело в том, что когда я пришел к окончательному решению, что «надо тикать» из Совдепии (а это было уже после начала афганской войны, когда выезд резко сократили и вводили новые и новые ограничения), то в Москве, в кругах отказников, ходили упорные слухи, что готовится решение, по которому ОВИРы станут принимать документы только при наличии вызова от самых близких родственников. Поэтому я запросил своего дальнего родственника в Израиле, если будет возможно, прислать вызов от какого-нибудь Резника. Он так и сделал, и когда я, после долгой борьбы, потому что вызовы тогда изымала почтовая служба (но это отдельная история), получил вызов, то он оказался от Цви Резника. Я сочинил легенду о том, что это мой брат, который во время войны, ребенком оказался в оккупации под румынами, а после войны семья румынских евреев его увезла в Израиль, а мои родители всю жизнь скрывали, что у них есть еще один сын, и т.д. Но прежде чем сочинить эту легенду, я должен был выяснить, «брат» это или «сестра». Я затратил немало сил и времени, чтобы определить мужское это имя или женское, этого в моем окружении никто не знал! Включая многолетних отказников, нацеленных на Израиль и изучавших иврит!! Но потом я все-таки нашел знающего человека. Так что для меня это не просто имя, а кусочек биографии. Еще раз спасибо. И дай Вам Бог здоровья и всего самого лучшего! Ваш С.Р.»

.....
б Шабатай-Цevi – еврей, объявивший себя Мессий и вызвавший массовое сектантское движение среди евреев Восточной Европы. События относятся ко второй половине XVII века. Под конец жизни Шабатай-Цevi принял мусульманство, что привело к распаду его секты на несколько отдельных течений. Об отношении В.И. Даля к секте Шабатай-Цevi и к сектам, возникших на ее «развалинах», говорился в книге «Запятнанный Даль».

.....
В письме от 3 марта 2011 года Ион мне писал:

«Забавное совпадение: только что собрался написать Вам по поводу нескольких «блох» в блестящей статье о биографии Солженицына [«Сквозь чад и фимиам», Стр. 310-344], как пришло письмо от Моисея Бороды, которое пересылаю. От себя могу сказать, что Моисей очень талантливый человек (литература, музыка), но главное - безукоризненно порядочный».

Моисея Бороду я знал по его публикациям, но личные контакты возникли благодаря Иону. Он переслал мне письмо Моисея со ссылкой на статью из какого-

то русскоязычного издания в Риге. Моисей послал ее Иону «с тысячью извинений», потому что не хотел его расстраивать. Ответ Иона (тоже мне пересланный): «Дорогой Моисей! Вы удивили меня своим извинением. Ваше письмо застало меня за чтением 242-й страницы книги Семёна Резника (уверен, что это имя Вам известно) «Сквозь чад и фимиам», которую весьма уважаемый мною достойный и талантливый автор прислал мне с избыточно щедрым автографом. Всего в книге 459 страниц. Книга подробно исследует явление, породившее присланное Вами письмо. Трудно расстроить израильтянина таким письмом».

Моисей переслал Дегену, а он мне, статью из русскоязычной газеты, выходившей в Риге. Автор резко протестовал против проектировавшегося слияния русской школы с латышской. При этом в статье содержался такой сгусток юдофобии, что автор мог бы дать много очков вперед самому Геббельсу. Дегену я написал: «Русскую школу хотят слить с латышской. Хорошо это или плохо для русских и латышских детей, не знаю, но виноваты евреи. Везде одно и то же». Ион в своих письмах высоко отзывался о моей книге «Сквозь чад и фимиам», причем не вообще, а об отдельных статьях и очерках, которые в нее вошли. Особый интерес у него вызвала статья «Протоколы сионских мудрецов шагают во второе столетие». В ней говорилось о том, как появились эта самая кровавая книга столетия, как и кем она создавалась. Ион, по его словам, был «под сильным впечатлением» от этой работы. Приводить его эмоциональный отзыв я не буду – это было бы нескромно с моей стороны. Что же касается судеб России в контексте еврейского и вообще национального вопроса, то вот мой ответ (письмо от 2 марта того же 2011 года):

«Только что прочитал в «Гранях» несколько статей к 80-летию Горбачева. Сплошные панегирики. И Елена Боннэр, и Новодворская, более сдержанно, но тоже в основном хвалебно написал Войнович. Много в этом справедливо: ведь “мог же и полоснуть” 5 ! Но я не могу забыть о некоторых мелких, но, на мой

.....
5 Имеется в виду широко ходивший в советские годы анекдот о том, как старая большевичка рассказывает школьникам о доброте Ленина. Она видела его, когда была маленькой девочкой, и с умилением рассказывает: «Мы забежали к нему, а он бреется. Бритва такая острая в руке, а лицо все намылено. Мы кричим: “Дядя Володя, дядя Володя, пойдем с нами играть!” А он говорит: “Брысь отсюда, мне некогда!” Вот такой добрый был!». Мальчик поднимает руку и спрашивает: “В чем же тут доброта? Я что-то не понимаю”. “Ну как же, дети, вы не понимаете! Я же говорю – он брился. Бритва такая острая в руке. Мы к нему пристаем, а он – “брысь отсюда”, и все... А мог же и полоснуть”.

взгляд, показательных моментах. Когда началась заваруха в Нагорном Карабахе, Горбачев распорядился – увеличить квоту на поставки туда мяса! Таков был его уровень понимания межнациональных конфликтов – на уровне желудка! И второе, уже после путча, когда была знаменитая совместная пресс-конференция Горбачева и Ельцина, транслировавшаяся на весь мир. Среди других им был задан вопрос об обществе «Память». И оба замычали и не знали, что сказать. А Ельцин промямлил, что «Память» меняется к лучшему. И вот тогда мне стало ясно, что ничего хорошего у них не будет. И я до сих пор убежден, что если бы Горбачев понимал остроту национального вопроса, то он бы не потерял власть, Союз бы не распался, приватизация не превратилась бы в прихватизацию, и демократия могла бы утвердиться на всей территории Союза, и экономика была бы другой». Не обо всем, однако, мы писали друг другу с такой свирепой серьезностью.

Когда Ион, отрекомендовав с самой лучшей стороны Моисея Бороду, переслал мне его письмо, в котором он просил передать мне его желание вступить в прямой контакт, я ответил:

«Дорогой Ион, ну конечно, буду с интересом ждать емелю от Моисея Бороды. Кстати, какого цвета у него борода? Не тот ли он самый Вайсбарт, в которого Шафаревич перекрестил Белобородова, убийцу царской семьи?» «Блохи», найденные Ионом в статье «Сквозь чад и фимиам» (она дала название всей книге), тут же последовали. Опять же воспроизвожу мой ответ: «Дорогой Ион! Спасибо сердечное! Вы столько внимания уделили моей книге, что мне даже совестно. Что касается очепяток, то их, в ней, к сожалению, больше. Произошла накладка – они мне забыли прислать на вычитку вторую корректуру (а по первой я делал указатель имен, не особенно занимаясь вычиткой), вернее прислали тогда, когда тираж был отпечатан, так что пришлось сделать наскоро список опечаток. С родительным падежом при отрицании у меня проблемы. Правило я знаю, но иногда это никак не звучит. Наверно это вкусовое, но рука не поднимается написать «не мог изменить своего имени», а не «не мог изменить свое имя» и т.п. А с фразой «Не только можно, но даже нельзя обойти» Вы меня испугали: подумал – неужели я не заметил такого прокола. Тут же полез в книгу и успокоился: там написано «нельзя не обойти». А вот фраза «Можно ли обойти этот конфликт в его биографии?» действительно неудачна. Следовало написать «Можно ли обойти этот конфликт автору его биографии». Если доведется это еще издавать, обязательно исправлю.

Замечательную книгу Марголина я читал, полностью разделяю Вашу оценку 6. Но все-таки – это «Путешествие в страну ЗК» уже извне, как путешествие Гулливера в Лилипутию (Сейчас как раз перечитываю, чтобы рассказывать внуку).

.....
6 Автобиографическая повесть Юлия Марголина (1900-1973) «Путешествие в страну зека», одна из первых книг о ГУЛАГе, написана в 1946-47 гг. Детство провел в Екатеринославе и Пинске, в 1936 году, переехал из Польши в Палестину, но начало Второй мировой войны застало его в Польше, а после ее раздела между Нацистской Германией и СССР, оказался на советской территории, где вскоре был арестован и отправлен в ГУЛАГ. После освобождения, уехал в Польшу, оттуда в Палестину, где и описал свое «Путешествие в страну зека».

.....
А Солженицын бросал им в лицо свои разоблачения изнутри этой самой Лилипутии, чем приблизил ее конец. Так что для оценок нужна совсем другая шкала отсчета. Сердечно обнимаю Вас. С.Р.»

В ответ на это письмо Ион, которому было не занимать чувство юмора, прислал забавную статейку, полученную им от Хаима Соколина, которого я нередко читал, но личных контактов у нас никогда не было. Название статьи «История опечаток». Привожу ее в надежде, что Хаим Соколин не будет в претензии:

«Первопечатник Иоганн Гутенберг стал, естественно, и первоопечатником (каламбур Ильфа и Петрова). Правда, у Гутенберга опечаток было немного. Но с увеличением тиражей работа становилась все небрежней, а исправления все более трудоемкими. Не прошло и полвека после изобретения печати, как опечатки были узаконены: издатель Габриэль Пьерри придумал помещать в конце книги список замеченных опечаток - errata.

Со временем опечатки превратились в настоящий бич книгопечатания. Поэтому, когда немецкие печатники к 100-летию своей гильдии издали ее юбилейную историю, они позаботились о том, чтобы в этом роскошном

фолианте не было ни одной опечатки. На титульном листе было с гордостью напечатано: «Уважаемый читатель, ты держишь в руках единственную книгу на немецком языке, в которой нет ни одной опечатки». И именно в этой фразе были две опечатки. Больше всего от опечаток пострадала Библия. Пишут, что в одном издании было 6000 опечаток. А некоторые Библии в честь опечаток получили даже имена собственные. В 1631 году вышла в свет Библия, «виновная в супружеской неверности». В седьмой заповеди из набора выпала частица «не», и осталось просто: «Прелюбодействуй!»; Король Чарльз I, который заказал это издание, приказал уничтожить весь тираж и лишить печатников лицензии. Но 11 экземпляров избежали злой участи и сохранились до наших дней.

В 1561 году вышел в свет трактат «Мессы и их построение» в 172 страницах, 15 из которых занял перечень опечаток, начатый с извинения: «Проклятый Сатана вооружился всеми своими хитростями, чтобы протащить в текст бессмыслицу». Возможно, именно это «убедительное» оправдание породило знаменитый по сей день каламбур – «бес опечатки».

В борьбе с лукавым Французский географ рубежа XVIII - XIX веков Конрад Мальт-Брюн, описывая одну гору, назвал ее высоту: 36000 футов над уровнем моря. Хватил лишнего: на Земле нет гор высотой 12 километров. Однако наборщик ошибся еще на один ноль - 360000. На полях корректуры Мальт-Брюн внес исправление. Наборщик понял его превратно и добавил пятый ноль. Гора вышла высотой 1200 километров. Читая вторую корректуру, географ пришел в бешенство и написал на полях: «36 миллионов ослов! Я писал 36000 футов!». В итоге книга вышла в свет с таким текстом: «Самое высокое плоскогорье, на котором проживают 36000 ослов, простирается над уровнем моря на высоте 36 миллионов футов».

Легендарные опечатки. Некоторые опечатки были так хороши, что их стоило придумать. Об одной такой рассказывает известный русский писатель Викентий Вересаев: «В одной одесской газете при описании коронации было напечатано: «Митрополит возложил на голову Его Императорского Величества ворону». В следующем выпуске газеты появилась заметка: «В предыдущем номере нашей газеты, в отчете о священном короновании Их Императорских Величеств, вкралась досадная опечатка. Напечатано: «Митрополит возложил на голову Его Императорского Величества ворону» - читай: «корову».

Анτισоветские опечатки. В 1939 году советские цензоры считали, какие антисоветские опечатки встречаются в прессе чаще всего. Лидировали: «кассовый», вместо «классовый», «предатель», вместо «председатель», «истерический», вместо «исторический».

Наборщиков, корректоров и редакторов, допустивших антисоветские опечатки, приговаривали по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к срокам от трех лет лагеря до высшей меры... «Челябинский рабочий» в 1936 году напечатал резолюцию областного съезда Советов, не забыв про успехи, «достигнутые за 19 лет под руководством партии Ленина-Сталина».

В том же году в Воронеже в лермонтовском «Маскараде» вместо «великосветской черни», появилась «великосоветская чернь». Тогда же в дальневосточной газете «Путь Ленина» было напечатано, вместо «первый маршал Советского Союза Ворошилов» - «первый враг Советского Союза». Даже в Средние века писцы не страдали столь сильно от проделок беса опечатки.

Вожди в опечатках. «Владимир Ильич начал говорить, сидя за столом, медленно царапая когтями лоб» - так в 1937 году была набрана фраза в романе

Алексея Толстого «Хлеб». Не иначе как троцко-бухаринские шпионы пробрались в издательство «Молодая гвардия» и заменили вождю ногти когтями.

В январе 1947 года журнал «Молодой колхозник» сообщил ошеломленным читателям, что «в 1920 г. В. И. Ленин окотился в Брянских лесах».

Старый газетчик Олег Быков рассказывал на страницах «Восточно-Сибирской правды» о том, как редактор «Иркутской недели» Петр Шугуров ко дню рождения вождя подготовил спецвыпуск газеты. На первой странице крупным шрифтом набрал: «Лениным владела неумная идея переделать мир». Из слова «неумная» вылетела буква «е». Неумная идея! Редактора выгнали из газеты «без права работы в печатных органах».

Известный журналист Мэлор Стурау, работавший в московских «Известиях», рассказывал, что в 40-х годах в номере в словах «мудрый вождь» пропала буква «р». Тираж успели изъять, но всех причастных к опечатке выгнали с работы.

Про то, как Сталина переделали в Сралина, ходят байки про две газеты - махачкалинскую и воронежскую. А вот пропущенная «р» в слове Сталинград совершенно точно обнаружена, хотя, вернее сказать, не обнаружена в газете «Коммунист» за 2 марта 1943 года. В 1942 г. редактор и корректор барнаульской газеты «Ленинское знамя» были приговорены к высшей мере за пропуск буквы «л» в слове «Главкомандующий».

С опечатками связана и следующая любопытная история. В 1952 г. некий богатый американец, обуреваемый жадной литературной славой, написал весьма посредственный роман, который не имел никаких шансов на литературный и коммерческий успех. Но один ловкий литературный агент за приличное вознаграждение взялся превратить его в бестселлер. Он нанял несколько первоклассных корректоров, которые один за другим исправили все орфографические и синтаксические опечатки. После этого книга появилась в продаже со следующей наклейкой: «Тот, кто обнаружит в тексте хотя бы одну опечатку, получит вознаграждение 5 000 долларов». Весь тираж был распродан за неделю. Ни одной заявки на вознаграждение не поступило... Газета Нью-Йорк Таймс, опубликовавшая эту историю, не без иронии объявила книгу бестселлером года».

Мой ответ:

«Дорогой Ион, переписываться с Вами – море удовольствия. Трактат об опечатках великолепен! Припоминаю еще два примера, о которых ходили байки в наше время. Гениальный труп товарища Сталина... Тот, кто заметил опечатку, перечиркал всю газетную страницу, чтобы заново ее набрали и даже сам наборщик не заметил своей ошибки, а то всем бы секир-башка. Кажется, именно эта или подобная история нашла отражение в «Зеркале» Тарковского. Другая более веселая. В Комс. правде на первой странице большая фотография счастливого стахановца с улыбающейся красоткой на фоне новенькой «Волги» или еще «Победы». И подпись: Токарь такой-то на собственном автомобиле отправляется с женой на дачу. Надпись в две строки, перенос на слове отпра-вля-ется. Редактор читает корректуру, спотыкается на переносе и делает на полях значок: строчку подтянуть, чтобы не было переноса. На следующий день газета выходит с подписью: «Токарь такой-то с женой на собственной машине отпра-вля-ется на дачу». Полуторамиллионный тираж отправили под нож. Вот что значит перебдеть! Сердечно Ваш С.Р.»

В июньском номере «Заметок» за 2011 год был напечатан рассказ Дегена «Цепочка». В отличие от большинства прозаических произведений, это не был «рассказ бывалого человека». Столько всего написано о Холокосте! Но Ион сумел подойти к этой теме по-своему. Даже сейчас, перечитывая «Цепочку», я кусал

губы, сдерживая слезы.

Под рассказом, на сайте Берковича, длинная вереница отзывов – все полны восхищения. Вот один из них, по-моему, наиболее выразительный:

Кашиш

- at 2011-06-04 17:59:20 EDT

Дорогой Ион, я изо всех сил стараюсь не показаться лицемерным подхалимом, избежать подозрения в славословии и слагании преувеличенных дифирамбов. Поэтому на полном серьёзе заявляю: рассказ Ваш демонстративно не профессионален. Примитивно, без малейшей заботы о правдоподобию, о стилистике и даже грамматике смонтированная фабула, невероятные стечения обстоятельств; фантазии наивные – даже не подростковые, а попросту детские... Сделано всё, чтобы читатель понял: этот рассказ написан не писателем. И читатель понимает: это писал не писатель. Это писал простой волшебник. Рассказ настойчиво и неотвратно выжимает из глаз «светлые слёзы печали» (Н.Заболоцкий) – слёзы любви и благодарности. Спасибо. Ещё раз ад мэа вээрим и шавуа тов!

Я написал Иону, что присоединяюсь ко всему лучшему, что было сказано в отзывах, а когда он ответил «большим спасибо», я возразил: «Это Вам спасибо за чудесный рассказ и за все другие вещи и за многое другое. На днях, кстати, послал моему другу в Россию Вашу статью о романе Астафьева, о котором он говорил с предыханием. (Сам я этот роман до сих пор не читал, но Ваша критика убийственно убедительна)».

(Продолжение следует)

Последний поэт великой войны

Нашим личным счастьем было то, что с нами, с Таганкой, с Юрием Любимовым, с Владимиром Высоцким, с Валерием Золотухиным, со мной были великие фронтовики-поэты. Нашим личным горем стал их уход. Ушли Булат Окуджава, Александр Межиров, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Александр Твардовский.

Последним из великих фронтовых поэтов был Ион Деген. Особенность его в том, что он мог быть убит в первые же дни войны. 16-летним пацаном он ушел на фронт. Будущий герой сам был сыном героя. Это, какие же подвиги нужно было совершить его отцу - еврею, военному фельдшеру, - чтобы стать на русско-японской войне полным георгиевским кавалером!

Ион Деген оказался сильнее жизни и смерти, и, будучи насквозь раненым, сохранив и через 70 лет после войны какие-то пулевые точки на теле, был сам по себе таким, как никто в мире, такого вообще никого нет. Ему удивлялись и те, кого я назвал выше. Его восьмистишие – самое сильное стихотворение, написанное в кошмаре войны.

В 1975 году я попросил трех поэтов Давида Самойлова, Александра Межирова, Бориса Слуцкого помочь мне сделать композицию из лучших стихов о войне. Они называли разные стихи, и вдруг Борис Слуцкий остановил их и сказал, но ведь есть восемь строк, самых сильных строк о войне. Их написал неизвестный поэт. Он, конечно, погиб. Эти страшные и самые правдивые слова о войне знали на всех фронтах. Знали, читали и пели. Да, тогда все думали, что автор мертв.

О том, кто настоящий автор, мы узнали, когда Ион Деген был уже в Израиле. Но он не считал себя поэтом, был лишен поэтических амбиций. Говорил, я не плохой врач, и страшно не любил это стихотворение, говорил - эти восемь строк заиграны, как первый фортепианный концерт Чайковского.

Этот человек был мамой своей рожден для вечной жизни, потому что и фашисты, и коммунисты, и казенные руководители, и цензура, и всё, что было дурного, не считало возможным присутствие на свете и в нашей стране такого необыкновенного человека. Вот так выглядел его героизм: просто, весело, сильно.

Нам посчастливилось: моя жена Галя Аксенова, киновед и журналист придумала фильм. Когда мы выступали в Израиле с Алекой Смеховой, после концерта Ион Деген разрешил нам снять такой фильм. На тот момент Дегену было девяносто. Я бы хотел, чтобы вы посмотрели и удивились. Как он говорит, совершенно потрясающе, как он знает всю великую поэзию, всю великую музыку.

Фильм называется «Последний поэт великой войны». Простой, веселый, светлый. Такой, каким и должен быть герой. На фронте он ждал смерти каждый день, но судьба отвела ему долгую жизнь. Иону Дегену было суждено стать последним поэтом-фронтовиком и завершить портрет войны. Можно говорить ещё очень много, но нужно остановиться.

Он ушел из жизни для того, чтобы остаться навсегда бессмертным таким, каким он был всегда: герой-танкист, врач-травматолог, поэт, писатель, ученый и герой. 9 мая в России проходит акция бессмертный полк. Кто-то будет нести портреты поэтов-фронтовиков – Межирова, Ваншенкина, Окуджавы, Самойлова, других. У поэта Иона

Дегена не осталось родственников в России. Но как важно чтобы в этот день кто-то прошел с портретом последнего поэта-фронтовика.

Читая Иона Дегена

1. Светлой памяти легендарного Иона Дегена
2. Другу и поэту Юрию Кислякову

*Друзей не много у меня
И есть, что рассказать о каждом,
Глаголом в колокол звоня,
Стихи слагал им не однажды,
Но извлекал слова из сердца
Я лишь Иону и тебе,
Без вас бы не хватало перца
И остроты в моей судьбе...*

***

*Владеть как скальпелем пером
Дано не каждому хирургу,
Глагол Ваш — молния и гром,
Доступный только Демиургу.*

*И тут же — тонкая материя,
И таинство любви и страсти,
И чувств пронзительных мистерия —
Вся эта гамма в Вашей власти.*

*Слеза и смех перу подвластны,
И мат трехстопный, и хорей,
Бог охранял Вас не напрасно —
Наш врач, танкист, поэт, еврей!*

***

О стихотворении "Мой товарищ
в смертельной агонии ..."

*Дегену чужда многотомность,
Поэта украшает скромность,
Какой от многотомья прок?
Ему хватило восемь строк
Без утончённой филологии,
Чтоб оказаться в Антологии.*

***

К получению медали 65 - летие Победы

*Я не поэт, срывающий овации,
(Прозаик - таково моё нутро),
Но строки Вашей праздничной реляции
Заставили схватиться за перо...*

Не для того, чтоб ямбом и хореем

*Невинность рифмы грубо разорвать,
А для того, чтобы таким евреям
Призвать детей и внуков подражать.*

*И ближний бой, и вражеские дали
Им по плечу и прежде и теперь,
У них на гимнастёрках нет медалей,
Есть только вкус побед и боль потерь...*

Обратный отсчет до Юбилея

*Года прожитые не в счет,
Обратный начался отсчет
До Векового Юбилея,
Я не приверженец еляя,
И вопреки канонам лирики
Писать не стану панегирики,
В них смысла нет и нет нужды,
Они и Вам и мне чужды,
Близка нам истина нагая,
И свой сермяжный стих слагая,
Не буду петь браху уныло,
Но вспомню то, что есть и было.
Вас вижу в танковой атаке,
Потом в орденоносном фраке,
И вот уж в докторском халате
Вы в хирургической палате,
Вдруг мизансцена переносится –
Вы бьете гада в переносицу,
Потом я вижу презентации,
Аплодисменты и овации...
Длинна тернистая дорога,
Свершений и ударов много,
Ваш путь богат метаморфозами,
И не был он усеян розами,
Но в Юбилей, подбив итог,
А-Шем Вам увеличит срок –
Не в наказание, а в награду
Добавит от себя декаду/
Что дальше - то не наше дело,
Но чем слабее будет тело,
А с ним и зрение, и слух,
Тем непокорней станет дух,
И Вы прицелитесь смелей
На водкой в Сотый Юбилей!
Сказать мне остается малость –
Всевышний тем дарует старость
(я это знаю не по слухам),
Кто мыслит и кто крепок духом,
Для Вас столетье не экстрим,
Ад мэа, друг мой, вэ эсрим!*

Человек - легенда

Говорят, что с возрастом человек всё труднее обретает друзей. Так оно и есть. Появляются коллеги, соседи, общения по интересам. Но друг – это всё-таки иная близость.

Мы познакомились с Ионом, когда я приближался к шестидесяти, а он был на пятнадцать лет старше. Знакомство было заочным. Он прочитал мои «Библейские поэмы», а я – его рассказы о войне. Меня удивило, что Ион в отличие от всех других читателей особо отметил «Руфь», а его совсем не удивило, что я выделил из военных рассказов «Низководный мост», поскольку это совпало с его собственным взглядом. А дальше - больше. Мы с женой в очередной раз прилетели в Израиль, где живут наши сыновья, и были приглашены в гости к Иону.

Первая встреча. Мы смотрим друг на друга, и у меня полное ощущение, что его взгляд просвечивает меня насквозь, но не холодным рентгеном, а тёплым согревающим светом. Дружески обнимаемся, и тут же Ион приглашает за стол. Разливает по стопкам коньяк, который, поясняет Ион, привёз ему по традиции сын Юра, возвращаясь из очередной командировки. Сам он, спешит как бы оправдаться Ион, такие дорогие коньяки не покупает.

Выпиваем, и начинается разговор, который продолжался почти двадцать лет вплоть до его ухода. Ежегодно мы встречались в Израиле, а между встречами был постоянный обмен Емелями и разговоры по Скайпу.

Особенно памятным стало общение, когда у меня возникла идея издать книгу лучших рассказов и стихов Иона. Я с его согласия взял на себя роль составителя, редактора и издателя, но договорились, что в случае разных мнений последнее слово будет за ним. С прозой никаких проблем не возникло, а со стихами получилась серьёзная ошибка.

Ион соглашался, что моя редакция улучшала его военные стихи, но он категорически возражал против изменений, и аргумент был неотразим: «Не хочу казаться лучше, чем в те годы».

Только в одном случае Ион сделал исключение. Это касалось четырёх строчек, написанных в июле 1942 года семнадцатилетним воином: «Чего-то волосы под каской шевелятся? / Должно быть, ветер продувает каску. / Скорее бы до бруствера добраться. / За ним так много доброты и ласки».

Замечательные строчки! Тут и война, и страх, и подшучивание над самим собой – это каску-то продувает! Всё в десятку. И только последняя строчка совершенно бесцветная, абсолютно фальшивая, притянута из-за рифмы «каска - ласка».

В книге стих выглядит так:

Чего-то волосы под каской шевелятся?
Должно быть, ветер каску продувает.
Скорее бы до бруствера добраться
И прихвастнуть, что страшно не бывает.

Ион согласился, а я возгордился, что хотя бы одной строчкой остался в его стихах. Книга «Я весь набальзамирован войной...» с прекрасными иллюстрациями Аркадия Тимора, тоже танкиста, прошедшего всю войну, вышла в России, а через несколько лет в Израиле издательство «Филобиблон» Леонида Юниверга выпустило эту книгу в переводе на иврит. Ион считал, что это лучшее издание его сочинений, и мне приятно было это слышать.

На презентациях в Израиле, России и Америке я писал на книге строчки:

Непостижим Ион Деген,
Полна чудес его дорога.
Не сомневаюсь, вот где ген
Судьбы, дарованный от Бога.

Для меня вся его жизнь – это подтверждение того, что он был в числе 36-ти праведников, которые, как принято считать, определяют душу народа. Человек-легенда – в этой номинации он получил статуэтку «Скрипач на крыше» на сцене Кремлёвского Дворца съездов...

Он был един во многих лицах – Воин, Врач, Учёный, Писатель, Поэт, и всё это с большой буквы, да ещё с какой большой!

В 16 лет Ион Деген, ещё не закончив школу, начал войну добровольцем в июне 41-го, а закончил героем-танкистом с полной грудью орденов и медалей. Смертельно раненый в январе 45-го, он чудом остался жить. Закончил мединститут, стал знаменитым врачом-ортопедом, доктором наук. Одновременно написал много рассказов и стихов о войне и не только о ней. Но то, что о войне, могу по силе правды сравнить лишь с «Колымскими рассказами» Шаламова.

Последний раз мы встретились с Ионом 29 марта 2017 года. Он был очень слаб, с трудом поднялся с постели. У него не было никаких сомнений, что он уходит, но не было не то, что трагизма, а даже печали по этому поводу. На мои какие-то глупые попытки говорить слова, что всё ещё может быть хорошо, он ответил: «Кончай... Всему раньше или позже приходит конец. Нынче моя очередь. Помнишь мою «Молитву»? И он прочитал строчки из своего замечательного стиха, а память у него была удивительная до последнего часа:

За всё, Господь, благодарю,
За радости и за страдания,
За точно по календарю
Цветение и увядание...

И многое «за что» заканчивалось словами:

...За то, что всюду в час любой
Вокруг меня родные лица.
За то, что говорю с Тобой
Я, не наученный молиться.
За звонкий золотой закат,
За день, что не напрасно прожит.
За радость бытия стократ
Спасибо, мой великий Боже!

Ион был счастлив. Он любил свою страну Израиль. Он искренне радовался её победам и остро переживал её неудачи. Запомнилось, как однажды мы были в гостях у Дегенов с нашими сыновьями и когда, уходя, прощались, Ион приобнял сыновей и сказал, обращаясь ко мне: «А они мне ближе, чем ты». И, выдержав паузу, добавил: «Они израильтяне!»

Вот уже третий год я прихожу к Иону, но это уже памятник на его могиле. Я кладу камешки от себя и от его многочисленных друзей, с которыми продолжаю общаться. Все мы по-прежнему называем себя Ионосферой. Именно Ион был центром

притяжения, и мы продолжаем, давая те или иные оценки, спрашивать: а что бы сказал Ион?

Я стою у его могилы. Я разговариваю с ним. Рядом сын Иона Юрий, мои сыновья и те, у кого в этот день получилось к нам присоединиться. У меня полное ощущение, что Ион нас видит и слышит. И это ощущение гораздо важнее, чем окружающая реальность.

После кладбища мы все идём в ресторан и там по традиции наливаем и выпиваем, вспоминая разные моменты нашего общения с Ионом. А таких памятных моментов – сказать - не пересказать. Спасибо тебе, Ион, за то, что ты был и есть.

**О том, как Ион пешком ходил,
а Леонид на автомобиле ездил**

(Из подслушанных, подчитанных и подсмотренных историй про Иона Лазаревича Дегена)

Несколько слов от автора в качестве вступления.

28 апреля 2017 года мне позвонили и сообщили о том, что Ион Лазаревич Деген покинул нас.

Незадолго до этого И.Л. прислал мне, как я понимаю в числе других, письмо-прощание. Это было письмо гражданина, воина, врача и писателя.

На военном кладбище в Кирьят Шауль в Тель-Авиве для прощания с выдающимся соплеменником и современником собралось много народу: родные покойного, друзья, товарищи по оружию, журналисты, писатели и поэты, депутаты Кнессета.

Прозвучали слова прощания, люди военные отдали честь, и Ион Лазаревич Деген ушел в вечность.

Стоя у свежей могилы я вспоминал те мгновенья-подарки судьбы, которые связывали меня с этим необыкновенным человеком.

Среди ключевых слов этой незабываемой страницы моего существования помимо слов: война, литература, медицина, история, политика было еще одно, которое и ему и мне говорило о многом и будило теплые воспоминания и нотки ностальгии – Черновиц – Черновицы.

Именно там, в стенах Второго Киевского медицинского института, который после войны перевели в столицу Буковины, Ион Лазаревич получил медицинское образование и там же параллельно окончил физический факультет старинного Черновицкого университета.

Черновицы – моя малая родина и поэтому письма от И.Л. с материалами об этом крае часто радовали меня. И когда под моими публикациями появлялись его отзывы, то часто они касались именно этого момента. Он не забывал дни своей молодости и его уточнения и детали раскрывали для меня дополнительные грани его интересов.

Страница из воспоминаний И.Л. Дегена о студенческих годах в Черновцах. (Из израильского журнала ветеранов Второй мировой войны. И.Л. Деген в правом верхнем углу)

Я с радостью откликнулся на его звонок с предложением увидеться в Хайфе во время его встречи с литераторами Севера Израиля в январе 2012 года и храню полученную тогда его книгу "4 года" с трогательной дарственной надписью.

Я старался не докучать И.Л., ограничивался поздравлениями с праздниками, телефонными звонками и так и не реализовал его предложения провести его и попробовать настоящий коньяк из его запасов.

Последнюю его книгу, вышедшую уже после кончины И.Л. "Попытка уйти от себя" мне подарили его близкие, и я это особенно ценю.

В тепер уже далеком 2012 году я написал рассказ "О том, как Ион пешком ходил..." Ион Лазаревич его прочел и счел возможным опубликовать без изменений, несмотря на некоторые неточности в деталях.

Рассказ был опубликован в нескольких изданиях и в том же первоизданном виде предстает перед вами.

Отель «Бристоль» на «Площади филармонии»

Война прокатилась по Советской Украине, стерла в пыль тысячи городов и сел. Долгие годы страна залечивала раны, отстраивала жилища, возвращала людей к жизни.

Некоторым городам в войне повезло. Встречались города – счастливики, везунчики.

Среди них – и мои Черновцы.

В 1918 году столица австрийского Герцогства Буковина отошла к Румынии и более или менее благополучно пребывала в ее составе до сорокового года.

Поездки местной интеллигенции в венскую оперу почти прекратились, на смену Вене пришел веселый Бухарест. Теперь он стал магнитом для жителей северо-западной периферии. Объективно Черновцы возможно и не очень проиграли от этого. Были на шестом-седьмом месте в императорской Австро-Венгрии, оказались на втором в королевской Румынии. Королевские власти переименовали площади и улицы, сменили монументы-символы своими, переориентировали образование и культуру с немецкого на румынский.

В войну с сорок первого и по конец марта сорок четвертого немцы в городе, конечно, были и порядки свои внедряли, но власть принадлежала германскому сателлиту Румынии. Жителям, а более трети их составляли евреи, жилось немного легче, чем, например, в Киеве, Харькове или Ростове.

Мэр города Троян Попович проявил настоящий героизм, изобретательность, чудеса дипломатии и изворотливости и спас сотни жителей – евреев от смерти. Имя Трояна Поповича – в числе Праведников мира в «Яд ва-Шем», а на его доме, по улице Марии Заньковецкой, рядом со зданием Главной хоральной синагоги, в наши дни установлена мемориальная доска.

Улица Заньковецкая, как это часто устроено в Черновцах, сбегает с «Площади звезды» круто вниз к «Площади филармонии» – «Рудольфплац».

«Рудольфплац» многое видел в своей жизни. Шикарный, в стиле «Сенеция», отель «Бристоль» принимал в своих стенах европейских звезд той поры. Со сцены филармонии выступали Э. Карузо, Ф. Шаляпин, Н. Лысенко, Саломея Крушельницкая, Жак Тибо.

Черновцы. Филармония

Сразу после того, как танки генерала Каткуова вышибли из Буковины немцев и румын в 1944 году, советские власти приняли решение о переводе Второго Киевского медицинского института в Черновцы. Это было взвешенное и обоснованное решение. Киев лежал в руинах, а сказочный город – центр Буковины – был целехонек и невредим, за исключением сожженной Главной синагоги «Темпель».

Черновцы располагали разветвленной и развитой инфраструктурой, обладали потенциалом для такого сложного и ответственного дела.

Под учебные корпуса отдали «Краевую Палату ремесел» на Театральной площади и, построенное румынами в конце двадцатых годов в духе конструктивизма, огромное административное здание в районе Соборной площади.

С общежитием для студентов нового медицинского ВУЗа поступили просто, выбор пал на отель «Бристоль».

Черновцы, отель «Бристоль»

Война кончилась.

И оказалось, что

В СССР генералов много, а должностей для них мало.

Власти приняли мудрое решение создать новые военные округа, пусть небольшие, порой вовсе ненужные, но дающие генералам должности и положение.

Так появились на Западной Украине два военных округа: Львовский с центром во Львове и Прикарпатский с центром в Черновцах.

Черновицким, то бишь, Прикарпатским округом, образованным на базе 4 Украинского фронта, командовал Генерал армии А.И. Еременко, а вот начальником политуправления к нему определили, произведенного из полковников в генералы, красавца Л.И. Брежнева.

Округ просуществовал недолго. В сорок шестом его слили с Львовским. Генерала А.И. Еременко назначили на командную должность в Сибирь, а Леонид Ильич немного покрутился в Москве на должности заместителя начальника Главного политуправления Советской армии, а затем уехал на Юг, в Молдавию Первым секретарем.

Черновицкие старожилы генерала Брежнева помнили и впоследствии рассказывали интересные истории о нем.

Слыл он веселым жизнелюбом, большим любителем автомобильных прогулок. Генерал поселился в особняке в районе Университета. Он с удовольствием гонял на трофейных машинах по узким улицам западного города, пугая прохожих. Говорят, что иногда он прогуливался пешком. Злые языки утверждают также, что местные красотки засматривались на него и, что, мол, пешие прогулки генерал совершал именно в расчете на их внимание и восторг.

Штаб округа и Дом офицеров располагались на Театральной площади, в аккурат напротив бывшей Торговой палаты, переданной, как уже упоминалось, медицинскому институту.

А в стенах этого ВУЗа к тому времени учился на врача славный танкист-ас и герой войны Ион Деген.

Курс И.Л Дегена в Черновицком мединституте был одновременно обычным по составу для того времени и необыкновенным.

Медалями и орденами удивить кого-либо тогда было сложно, поколение Иона Лазаревича прошло войну и от пуля не пряталось.

Чуть меньше трети сокурсников – фронтовики.

А треть ставшего легендарным выпуска – евреи. Для тогдашней Украины – ситуация фантастическая и беспрецедентная.

Как известно, «что положишь, то и возьмешь». Выпуск впоследствии дал медицине 12 профессоров и семеро из них – евреи.

На обкомовском партактиве 1951 года, тогдашний первый секретарь Черновицкого обкома, по поводу Дегеновского выпуска мединститута заявил:

– *Наконец-то город избавится от этих смутьянов...*

Видимо, ребята были действительно стоящие.

Черновцы. Театральная площадь. Здание мединститута слева

Но это было потом, а пока бывший фронтовик, инвалид войны студент Деген после лекций в Мединституте спешит, насколько это возможно в его положении, на физмат Университета на лекции по физике.

Ему учебы в мединституте недостаточно, его влечет также физика, он готовит себя к работе не просто рядовым хирургом-ортопедом, он понимает, что будущее медицины – на стыке наук. Пройдет время и это стремление к, казалось бы, не имеющим прямого отношения к ортопедии дисциплинам, оправдает себя и обеспечит Доктору Дегену приоритет в новом направлении медицины – магнитотерапии.

Черновцы. Университет. Физический факультет

На нем армейская шинель с лейтенантскими погонами, а руки сжимают костыли, и путь его лежит из общежития в корпуса старинного университета.

А навстречу ему по улице Университетской движется генерал Брежнев.

И взгляды их пересекаются.

И они узнают друг – друга.

Судьба свела их впервые в сорок втором под Геленджиком. Битва за Кавказ.

Молоденький командир отделения разведки бронепоезда и бригадный комиссар.
Награждаемый и награждающий.

И.Л. Деген в годы войны

Помимо медали на гимнастерку Ион Деген получил из рук комиссара стакан водки.
Выпили. Мимолетная встреча, каких было великое множество на войне.

Встретились и разошлись.

Путь красноармейца-разведчика: через бои и ранения, учебу, и снова бои, и снова ранения к Победе.

И путь бригадного комиссара к той же Победе.

Она ведь, как в песне, одна на всех.

И вот, встреча теперь. В Черновцах. На углу Университетской и Сковороды, напротив физического факультета.

Именно здесь состоялась встреча фронтовиков И. Дегена и Л. Брежнева

Руки лейтенанта заняты костылями, он приветствует генерала кивком, а генерал, узнав его, обнимает, распахивает лейтенантскую шинель и, глядя на китель, удовлетворенно отмечает:

– а наград прибавилось маленько!

Распросив студента-лейтенанта о его житье-бытье, Начальник политуправления округа решает:

– завтра иди в горисполком. Я распоряжусь. Получишь квартиру. Нечего герою скитаться по общежитиям.

И действительно распорядился.

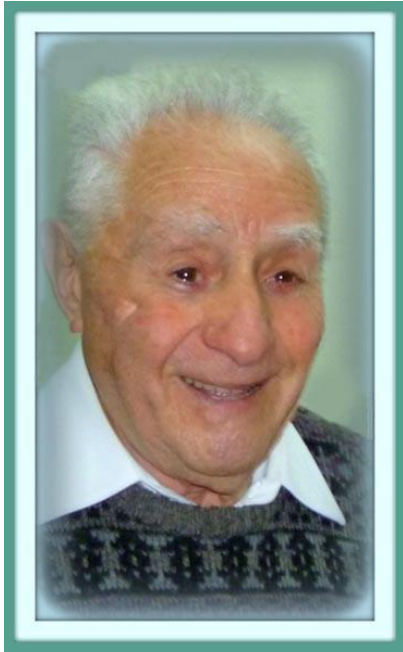
Так Ион Лазаревич Деген стал счастливым обладателем квартиры в Черновцах.

Вот что значит армейская дружба!

А дальше пути их разошлись, и каждый из них по жизни зашагал своей дорогой. Л.И. Брежнев продолжил партийную карьеру и весьма преуспел в этом. Он еще долго гонял на любимых иномарках, часто подменяя своего шофёра. Так сложилась судьба его, что даже лихо, с ветерком прокатил Никсона и Киссинджера. Дослужился до маршала и трижды Героя Советского Союза.

А путь лейтенанта Дегена не был устлан розами: невероятным трудом и учебой, упорством и талантом Ион Лазаревич достиг своей цели.

Стал профессором, прекрасным врачом-ортопедом, пионером нового направления в медицине, признанным литератором и дважды не получил звание Героя: шестнадцать подбитых танков оказалось недостаточно...

Ион Лазаревич Деген на встрече с литераторами Хайфы в январе 2012 года. Фото автора

Ион Лазаревич – человек удивительный.

Он читает свои рассказы, срывая аплодисменты и восторг профессионалов-литераторов, отмахивается от комплиментов и при этом скромно замечает:

– Я для критики открыт, ведь я не литератор, я этому не учился. Так любитель... Я в жизни учился двум вещам: танковому делу и медицине, вот здесь я профессионал.

Здесь и спрашивайте.

Послесловие

Неделю эту работаю по ночам.

Времени маловато, но мысли и не остановишь. Да и память не подводит и с фантазией иногда получается. Они, воспоминания и фантазия, сами по себе.

Вот и вспомнилась отцовская фронтальная шинель, висевшая на веранде в нашей маленькой черновицкой квартирке.

Сам не знаю, как вдруг зашагал в этой шинели по улицам Черновиц студент Деген. А дальше уже немного фантазии и немного памяти и много уважения и почтения.

Естественно, то, что получилось, я не мог не показать Иону Лазаревичу. Он бывает иногда крут в реакциях и оценках. Как говорят: «гей вейс?!».

Ион Лазаревич прочел и ответил:

"Дорогой Марк!

Спасибо большое! Посмеялся. Было бы удивительно, если бы всё точно. Это моя судьба. Брежнев был тогда полковым комиссаром. Четыре шпалы. Не он вручил мне медаль. Но ладно. Общежитие было университетским, не мединститутским, не в "Бристоле", который разгромили студенты. Отапливали комнаты паркетом и великоленными перилами. Общежитие было на ул. 28 июня (11 сентября). Шёл я по улице Сквороды к университету и на углу Университетской состоялась встреча. О квартире я даже не мечтал. Не нужна была мне. Но Вы написали так весело, что просто жаль прикасаться к Вашей работе.

Ну, и немного похвастаюсь. К 8 уничтоженным "пантерам" (из 16 танков) ещё одна захвачена целой. И, как написано, много орудий. Что значит "много орудий" не имею представления. Не считал. И пулемёты не считал, и миномёты, и прочее. А вот два дота и 5 грузовиков с боеприпасами в наградных листах фигурируют. Хорошо бы об этом забыть. Не получается.

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш

Ион."

Ну, вот и получено разрешение на публикацию. Я вздохнул с облегчением и не стал ничего менять.

Иону Лазаревичу спасибо и жить ему до 119 лет, одиннадцати месяцев и ещё трех с половиной недель! Это для того, чтобы говорили потом: покинул нас, не дойдя до преклонного возраста.

Молодым!